

100

ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Коллектив авторов

100 волшебных сказок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12628688

ISBN 978-1-387-66090-2

Аннотация

Эта чудесная книга включает 100 лучших волшебных сказок, созданных незаурядными русскими и зарубежными писателями. Благодаря данному сборнику дети встретятся с самыми знаменитыми и любимыми героями: Русалочкой, Дюймовочкой и Гердой, Маленьким Муком и Мальчиком-с-Пальчик, Карликом Носом, а также со множеством других отважных, смелых, добрых и дружелюбных существ, коварных злодеев и могущественных чародеев. Авторами «100 волшебных сказок» стали Шарль Перро, Вильгельм Гауф, Сергей Аксаков, Елена Данько, братья Гримм, Ханс Кристиан Андерсен, Владимир Одоевский, Александр Куприн и Всеволод Гаршин.

Содержание

Шарль Перро	5
Елена Данько	12
Глава первая. О том, как черный пудель покупал бутерброды	12
Глава вторая. О том, как читатель превратился в писателя	18
Глава третья. О том, как папа Карло заболел и куклы искали доктора	24
Глава четвертая. О том, что посоветовали папе Карло лесные доктора	30
Глава пятая. О том, как мальчики искали счастье	35
Глава шестая. О том, куда девалась Мальвина	40
Глава седьмая. О том, что рассказала ласточка	48
Глава восьмая. О том, что задумал Карабас, узнав, что куклы улетели	56
Глава девятая. О том, как два странных путешественника искали приюта	61
Глава десятая. О том, как пароход с детьми приплыл в Ленинград	68
Глава одиннадцатая. О заботливых людях и о догадливой собаке	75
Глава двенадцатая. О том, как Карабас сидел	83

на крыше	
Глава тринадцатая. О смелых парашютистах и разумной пионерке	92
Глава четырнадцатая. О том, как Карабас сражался с вещами	100
Глава пятнадцатая. О том, чьи следы были на футбольном поле	112
Глава шестнадцатая. О том, что случилось ночью в игрушечном ларьке	121
Глава семнадцатая. О том, как бабушка Дуня проучила богатого барина	133
Глава восемнадцатая. О том, что случилось в голубой комнате	144
Глава девятнадцатая. О том, что случилось во время кукольного представления	152
Глава двадцатая. самая коротенькая	161
Сергей Аксаков	162
Вильгельм Гауф	195
Рассказ о калифе аисте	195
Рассказ о корабле привидений	213
Рассказ об отрубленной руке	229
Спасение Фатьмы	253
Рассказ о маленьком Муке	279
Сказка о мнимом принце	305
Карлик Нос	338
Конец ознакомительного фрагмента.	369

100 волшебных сказок

Шарль Перро Кот в сапогах

Один мельник оставил в наследство трем сыновьям своим мельницу, осла и кота.

Скоро был сделан раздел. Старший сын получил мельницу, средний – осла, а младший – кота.

Последний сын не мог утешиться тем, что ему досталась такая бедная доля.

– Братья мои, говорил он, могут кормиться приличным образом, если они будут жить вместе. Что касается до меня, то, что буду делать, когда съем кота своего, и сделаю муфту из его шкурки? После этого умру с голоду.

Кот слышал эти слова и, не показывая вида, сказал твердым и важным голосом: Не печалься, хозяин; тебе стоит только дать мне мешок, и сделать пару сапогов, чтоб я мог ходить в кустарники, и тогда увидишь, что ты не так худо наделен, как о том думаешь.

Хозяин кота, хотя и не много надеялся на него, но, видя, что кот так ловко обманывает и ловит крыс и мышей, когда он на чем-нибудь повесится, уцепясь ногами, или когда ля-

жет в муке, притворясь мертвым, — перестал сомневаться в том, что кот поможет ему в нужде.

Когда же кот получил желаемое им, тогда он, надев сапоги, повесив мешок себе на шею, и взяв шнурки в передние лапы, смело пошел в загородку, где было много кроликов.

Кот, положив в мешок отрубей и заячьей капусты, лег, притворясь мертвым, и стал ожидать, когда какой-нибудь кролик, еще не знающий хитростей этого света, войдет в мешок поесть того, что там положено.

Кот лишь только лег, как ожидание его и сбылось: Молодой, ветреный кролик вошел в мешок, и лукавый кот мигом задернул шнурки мешка, и, поймав кролика, без милосердия задал его.

Кот, гордясь своею добычею, пошел к королю и стал просить, чтоб его допустили к нему.

Когда привели к королю кота, то он, низко кланяясь, сказал ему: Вот, государь, кролик, которого маркиз Караба, так называл кот своего хозяина, велел мне представить вам от его имени.

— Скажи твоему господину, отвечал король, что я благодарю его, и что он этим делает мне приятное.

В другой раз кот спрятался в хлебе, растущем на поле, держа опять открытый мешок свой с приманкой. А когда две куropатки вошли в мешок, то кот, задернув шнурки, поймал

обеих куропаток. После этого он пошел, как и прежде, представлять их королю.

И король с удовольствием опять принял двух куропаток, и велел дать коту денег на молоко.

Таким образом, кот два или три месяца по временам продолжал носить королю свою добычу от имени своего господина.

Однажды узнав, что король поедет гулять по берегу реки со своею дочерью, прекраснейшею принцессою, кот сказал своему хозяину: Если ты хочешь последовать моему совету, то будешь счастлив. Ты должен только купаться в реке в том месте, которое укажу тебе; а потом предоставь мне делать то, что захочу.

Маркиз Караба согласился исполнить совет кота, не зная, к чему это послужит.

В то время, когда купался хозяин кота, проезжал по берегу король, и кот стал кричать изо всей силы. Помогите, помогите, вот тонет маркиз Караба!

При этом крике король посмотрел из кареты, и, узнав кота, который столько раз приходил к нему, приказал своей страже поспешить на помощь к маркизу Караба.

Между тем, как вытаскивали из реки бедного маркиза, кот, подойдя к карете, сказал королю, кто в то время, когда его господин купался, пришли воры и унесли его платье, хо-

тя он и кричал изо всей силы: Караул!

Но плутишка кот сам спрятал платье своего хозяина за большим камнем.

Король тотчас приказал служителям своего гардероба принести одно из лучших платьев для маркиза Караба.

Король обласкал его.

Маркиз был красив и виден собою; и как хорошее платье, которое дали ему, еще больше украсило его, то он и понравился дочери короля.

Король пожелал, чтоб маркиз Караба сел в его карету, и поехал с ним гулять.

Кот, видя, что его намерение начинает исполняться, побежал впереди кареты.

Встретив крестьян, которые косили траву на лугу, Кот сказал им: «Добрые косцы, если вы не скажете королю, что луг, на котором вы косите, принадлежит маркизу Караба, то будете изрублены на мелкие части, как говядина для пирога».

Король не упустил случая спросить у крестьян: «Кому принадлежит луг, на котором они косят?»

– Маркизу Караба, – отвечали все крестьяне королю; потому что угроза кота навела страх на них.

– Это хорошее имение ваше, – сказал король маркизу Караба.

– Извольте заметить, государь, – сказал маркиз, – что на

этом лугу бывает всякой год изобилие.

Хитрый кот, всё идя впереди, встретил жнецов, и сказал им: «Добрые жнецы, если вы не скажете королю, что весь этот хлеб принадлежит маркизу Караба, то будете изрублены на мелкие части, как говядина для пирога».

Король, проезжая мимо жнецов, опять спросил: «Кому принадлежит весь хлеб, который он видит?»

– Маркизу Караба, – отвечали жнецы. Это также понравилось королю и маркизу.

Кот, идя впереди кареты, говорил одно и то же всем тем, которых встречал, и король, слыша от всех такие же ответы, удивлялся большому богатству маркиза Караба.

Наконец, хитрый кот пришел в прекрасный замок, которого владетель был людоед, самый богатый, какого только знали; потому что все земли, по которым проезжал король, принадлежали к этому замку.

Кот, позаботясь прежде узнать о том, кто был этот людоед, и что он умел делать, просил допустить его к нему. Кот сказал, что, проезжая мимо замка людоеда, он не хотел лишиться чести поклониться ему.

Людоед принял кота так учтиво, как только может людоед, и просил кота отдохнуть.

– Меня уверяли, – сказал кот, что вы имеете способность превращаться в разных животных; например: вы можете пре-

вернуться во льва, в слона.

– Это правда, грубо отвечал людоед; а чтоб доказать вам это, вы сейчас увидите меня львом.

Кот чрезвычайно испугался, когда увидел пред собою льва, и от страха убежал на кровлю, не без труда и опасности, потому что кот был в сапогах, которые очень неудобны для ходьбы по кровле.

Спустя несколько времени, кот, видя, что людоед принял опять прежний вид свой, сошел с кровли, и признался, что был очень испуган.

Потом кот сказал: «Мне еще говорили, чему не хочу верить, что вы также можете принимать вид самых малых животных; например: вы можете превратиться в крысу, в мышь; но, уверяю вас, что считаю всё это невозможным».

– Невозможным! – отвечал людоед; – но вы сейчас увидите это. И в ту же минуту он превратился в мышь, которая побежала по полу.

Кот лишь только увидел мышь, тотчас бросился на нее и съел ее.

Между тем король увидел прекрасный замок людоеда, и захотел войти в него.

Кот, услышав стук экипажа, который проезжал по подъемному мосту, побежал на встречу короля, и сказал ему:

– Добро пожаловать, ваше величество. Этот замок при-

надлежит также маркизу Караба.

— Как, маркиз, — воскликнул король, — и этот замок ваш! Ничего лучшего не может быть, как этот двор и все эти флигеля, которыми он окружен, войдемте, пожалуйста, вовнутрь замка.

Маркиз подал руку принцессе. Идя за королем, который шел впереди, маркиз и принцесса вошли в большую залу, где нашли роскошный завтрак, приготовленный людоедом для своих друзей, которые должны были приехать к нему в тот же самый день, но не смели войти в замок, зная, что там король.

Король, прельстясь добрыми свойствами маркиза Караба, и видя, что он владеет большим богатством, сказал ему, выпив пять или шесть рюмок вина: «От вас зависит, маркиз, быть моим зятем».

Маркиз, низко кланяясь, принял предложение короля, и в тот же самый день женился на принцессе.

Кот сделался знатным вельможей, и стал бегать за мышами только для забавы.

Елена Данько

Побеждённый Карабас

Глава первая. О том, как черный пудель покупал бутерброды

Жил-был на свете старый шарманщик.

Звали его Карло. Жил он один-одинешенек, и не с кем ему было словом перемолвиться. Вот вырезал он себе из полена деревянного мальчика и назвал его своим сыночком Буратино.

Буратино бегал, прыгал и баловался, как настоящий мальчишка. Стало у шарманщика с тех пор хлопот полон рот. Но старик не жаловался: уж очень он полюбил своего сыночка.

В том же городе жил богатый-пребогатый синьор Карабас Барабас Огромная Борода – хозяин кукольного театра. Он был злой и страшный. Он хлестал своих кукол плеткой и грозил оторвать им головы. Это было в Тарабарской стране, где богачи делают все, что им вздумается, и никто им не смеет перечить.

Бедные куклы терпеть не могли своего хозяина. И вот лучшие актеры убежали из его театра. Сначала убежала девочка Мальвина с пуделем Артемоном, а потом убежал мальчик

Пьеро. Карабас погнался за ними, пустив по следу свирепых бульдогов. Но старый шарманщик Карло приютил беглецов в своей каморке. А его сынок, веселый Буратино, открыл золотым ключиком потайную дверцу и увел кукол от преследователей.

За дверцей оказался чудесный маленький театр. Куклы стали представлять в нем забавные комедии и волшебные сказки. И зажили с тех пор весело и счастливо у старого Карло.

А Карабас остался без актеров. Пришлось ему закрыть свой театр. Он злился, рвал свою длинную бороду и ревел от злости.

Об этом обо всем рассказано в книжке Алексея Николаевича Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», и все читатели думают, что на том дело и кончилось.

Я тоже думал, что ничего больше не приключилось с Карло и с его приемными детьми. Но нечаянно я узнал продолжение сказки.

Вот как это было.

Я живу в Ленинграде и часто хожу в наш кукольный театр. Как-то раз, на каникулах, я забрался туда раным-ранешенько, чуть ли не за два часа до представления. Пришел – и сам не обрадовался.

В театре было пусто, темно и холодно. Окошечко в кассе было похоже на закрытый глаз. Старуха уборщица выгребала в коридоре вчерашний сор. Увидев меня, она принялась

ворчать. Куда это меня принесло в такую рань? Неужто мне дома не сидится? Я ответил, что боялся опоздать на представление.

– Ну, ступай, посиди в буфете. Нечего тут слоняться, сор ногами разносить! – сказала она и стукнула метлой о железный совок.

Я пошел в буфет и уселся в уголке. Сонная буфетчица за прилавком вытирала стаканы. Против меня в стене была маленькая дверца с большой надписью: «Посторонним вход воспрещается».

Я прочел эту надпись слева направо и справа налево, и мне стало очень скучно. Когда еще начнется представление?

Вдруг дверца отворилась, и вошел черный пудель. Гордо выпрямив шею, он нес в зубах корзинку для провизии. Он подошел к прилавку и встал на задние лапы, приняхиваясь и приглядываясь к закускам, разложенным под стеклом. Потом он поднял морду и негромко пролаял:

– Гав, гав!

Я думал, буфетчица рассердится и прогонит собаку. Мне захотелось подманить пуделя к себе, и я уже нащупал в кармане печенье, оставшееся у меня от завтрака...

Но буфетчица ничуть не рассердилась. Она словно проснулась, схватила свою серебряную лопаточку и сказала:

– Я к вашим услугам!

Тогда пудель протянул стриженую лапу в мохнатой манжетке и указал на бутерброды.

– Вам с колбасой? и с ветчиной? и с салом? и с сыром? – спрашивала буфетчица, выкладывая бутерброды на круглое блюдо. А пудель радостно помахивал хвостом, облизывался и указывал ей все новые закуски.

Скоро на блюде выросла целая гора. Здесь были и бутерброды, и пирожки, и сосиски, и рябчики, и свиные котлеты с косточкой, и даже целое колечко колбасы! Пудель пошарил мордой в корзинке, вынул кошелек с деньгами и подал его буфетчице. Никогда еще я не видывал такой собаки!

Тут к прилавку подошел высокий старик в бархатной куртке. Я и не заметил, откуда он взялся! Он поглядел на полное блюдо и с укором покачал головой:

– Экий ты жадный, Артемон! Настоящий обжора!

Пудель живо убрал лапы с прилавка и сделал вид, будто бы он здесь ни при чем. А старик сказал:

– Ну взял бы ты себе парочку бутербродов, рябчика, котлетку на ужин – и хватит. А куда ты денешь теперь всю эту кучу? В землю зароешь, что ли? Эх, брат, мы не в Тарабарской стране. Нам не приходится еду на черный день копить!

Пудель опустил голову и виновато поджал хвост. А старик продолжал:

– И не думай, пожалуйста, что куклы помогут тебе съесть все это! Они тебя за чем послали? За фруктами? А ты чего накупил, чужак? Собачий вкус, конечно, дело почтенное, но люди любят не только то, что кушают собаки, а у кукол и вовсе особые нравы. Запомни это, мой друг!

Тут пудель уронил голову на лапы и жалобно завыл.

– Ну, ну, ладно! Возьмем всю эту снедь, если тебе хочется! – утешил его старик. – А уж я зато куплю детям самых лучших мандаринов, самых румяных яблок и самого сладкого винограда!

– Да у вас сегодня, я вижу, пир горой! – пошутила буфетчица, отпуская ему красивые, спелые плоды.

– А то как же? Ведь сегодня ровно год, как я приехал в Ленинград. Вот мы и празднуем этот день!

– Ну, поздравляю вас, папа Карло! – сказала буфетчица.

Тут я вскочил на ноги и бросился к старику. Я все понял.

– Папа Карло! Вы тот самый папа Карло, а это тот самый пудель Артемон? Это про вас написано в книжке «Золотой ключик, или Приключения Буратино»?

Старик усмехнулся и кивнул головой. Пудель взглянул на меня и слегка завилял хвостом. Я не помнил себя от радости и кричал:

– А я – читатель этой книжки! Я прочел ее пять раз с начала и пять – с конца, три раза вдоль и два поперек! Я все про вас знаю! Скажите мне скорее, где теперь Буратино, где Мальвина и Пьеро? Живы ли они, здоровы ли и что они поделявают?

– А вот пойдемте с нами – сами увидите! – ответил Карло.

Он уложил покупки в корзинку и повел меня к маленькой дверце с большой надписью: «Посторонним вход воспрещается!»

Пудель поплелся за нами следом.

Едва я переступил порог, как стал понимать собачий язык.

Я слышал, как пудель ворчал себе под нос:

— К чему это кормить детей мандаринами, яблоками и виноградом? И кисло, и сладко, и оскомина на зубах! Тьфу, подумать противно! То ли дело свиная котлета с косточкой!

— Цыц! — сказал Карло. — У всякого свой вкус.

И пудель замолчал.

Глава вторая. О том, как читатель превратился в писателя

Сначала мы шли темным коридором, потом спустились по ступенькам, потом опять стали подниматься по узкой лестнице, держась за шаткие перила. Сверху шел слабый свет, и было слышно, как звенит какой-то бубенчик.

Потом стало светлее, и звон раздался у нас над самой головой. Я взглянул вверх и увидел, что над нами, на площадке лестницы, горит яркая лампочка. А под лампочкой стоит смешной деревянный мальчик с торчащим носом и сбивает что-то ложкой в серебряном стаканчике. Так вот откуда шел звон!

Мальчик увидел нас и вскрикнул от радости. Он вскочил верхом на перила и вмиг съехал вниз – прямо в руки старику. Он сидел на руках у Карло, болтая тонкими ножками, вертел носом во все стороны и пищал:

– Папа Карло, попробуй моего гоголь-моголя! Это не простой гоголь-моголь, а из розовых лепестков. Я его для тебя сбивал!

Он совал старику в рот полную ложку розовой пены, и его тень с торчащим носом смешно плясала на стене. Карло утер губы и отвел ложку, но мальчик не унимался:

– Помнишь, как ты накормил меня своей последней луковкой, а сам лег спать голодный? Ну покушай теперь моего

гоголь-моголя, покушай, пожалуйста!

– Не балуйся, сынок! Веди себя хорошо. Видишь, я читателя с собой привел! – сказал Карло.

– Читателя? – Мальчик повел на меня лукавым глазом и вдруг вырвался из рук Карло. Он вскочил на спину пуделю и поехал впереди нас, выбивая ложкой веселый марш по стаканчику и крича:

– Дорогу нашему читателю! Ура!

Я догадался, что это сам знаменитый Буратино, и обрадовался, что он ничуть не заважничал от громкой славы.

Мы взошли на площадку, и Карло распахнул дверь. Я взглянул и ахнул – куда это мы пришли?!

Прямо передо мной была зеленая поляна, а на ней красивый беленький домик. Перед ним цвели алые розы. Золотистые бабочки кружились в солнечных лучах. Маленький фонтан выбрасывал вверх водяные струи, и каждая капелька сверкала на солнце, как алмаз.

«Это, верно, домик Мальвины!» – подумал я.

А за домиком чернел дремучий лес. Там светила луна и блестело голубое озеро. Бледные лягушки сплетали венки из водяных лилий и задумчиво плясали при лунном свете.

Это было так красиво, что я ничуть не удивился, почему это солнце и луна светят в одно время. Мне захотелось подойти поближе, и я шагнул вперед.

– Не промочите ножки! – запищал Буратино.

Я взглянул под ноги и увидел большую светлую реку. Ве-

терок чуть рябил воду. Сквозь эту рябь глубоко на дне виднелись узорные водоросли. Голубые рыбки медленно проплыли мимо них.

Я оглянулся: нет ли где-нибудь мостика? Но мостика не было.

– Дайте нам лодочку, дайте челнок, мы переедем на тот бережок! – жалобно запел Буратино.

– Не слушайте его, он вас дурачит! – с досадой сказал Карло. – Как тебе не стыдно, сынок?

Он отпихнул ногой светлую реку, отодвинул в сторону зеленую поляну с домиком и повернул боком дремучий лес. Буратино свистнул и проскакал на пуделе в открывшийся проход.

Тут я понял, что эти прекрасные картинки были нарисованы на полотне и служили декорациями в театре! От этого они показались мне еще прекраснее. Я не мог наглядеться на них. Но Карло окликнул меня, и мы пошли дальше.

В просторной кухне ярко горел огонь. Старый заяц был здесь поваром, а зайчата – поварами. Ну и хлопотали же они вокруг сковородок и кастрюль! Здесь пеклись, жарились удивительные кушанья – расстегаи из лепестков георгина, ананасные котлеты, оладьи из одуванчиков. Разве могли сравниться с этим скучные буфетные закуски?

Молоденькие обезьянки под присмотром почтенной совы накрывали длинный праздничный стол. Они живо схватили фрукты, которые принес Карло, разложили мандарины, яб-

локи и виноград на фарфоровые тарелочки – и на столе словно засияло солнце!

Поодаль у стены стояла маленькая стремянка. На ней, как птица на ветке, сидел мальчик в белом балахончике. Он ма-кал длинную кисть в ведро с малиновой краской и писал на стене большими буквами:

ПРИВЕТ ПАПЕ КАРЛО

– Эй, Пьеро, кончай работу, встречай гостя! К нам читатель пришел! – сказал Карло.

Мальчик посмотрел на меня большими синими глазами и радостно улыбнулся.

– Вы читатель? Я покажу вам мои новые стихи. Ладно?

Тут он смутился и выронил кисть из рук. Падая, кисть опрокинула ведро. Малиновая краска хлынула на голову проходившей мимо сове. Старушка захлопала крыльями и застонала с перепугу. Пьеро скатился с лесенки кубарем. Он бросился утешать бедную птицу и вытирал ей голову своим рукавом.

– Дай ей валерьянки. Пьеро! Видишь, какая она нервная! – сказал ласковый голос.

Я оглянулся и увидел хорошенькую куклу с голубыми волосами. Она стряпала торт из чайных роз и раскатывала тесто хрустальной скалочкой. Я догадался, что это Мальвина.

Пока Пьеро приводил в чувство расстроенную сову, а Мальвина глядела на них обоих, Буратино подкрался и ста-щил со стола самую пышную розу. Девочка вскрикнула и по-

гналась за ним. Но он увернулся!

– Оставь, Мальвина, это для читателя!

Он протянул мне розу и сказал:

– Напишите про нас, пожалуйста, новую сказку!

Что тут началось!

– Напишите сказку! – завизжали обезьянки и покатились кубарем вокруг меня.

– Сказку! – завопили зайчата, забренчали кастрюльками, зазвенели ложками. Сова хохотала, лягушки квакали, Артемон лаял и кидался на всех.

– В самом деле, напишите сказку про наши новые приключения! – сказала Мальвина.

Тут все притихли и столпились вокруг, ожидая, что я скажу.

– Но я никогда не пробовал писать... Ведь читатели только читают книжки, а сами не пишут...

– Все сначала читают, а потом уже пишут! – сказал Бурадино.

– Да я бы рад! – прошептал я.

– Ну вот и хорошо! – сказала Мальвина. – Папа Карло вам все расскажет. Вы только записывайте, что он будет говорить! Вот и выйдет сказка! Правда, папа Карло?

Карло подумал, почесал себе подбородок и сказал:

– Пожалуй, если наш читатель согласен...

– Согласен! Согласен! – закричали все и захлопали в ладоши.

— ...так мы попробуем сделать из него писателя, — закончил Карло.

Тут меня усадили в кресло. Пьеро принес мне чистую тетрадку, а Мальвина — вечное золотое перышко. Карло закурил трубку. Буратино влез к нему на колени. Артемон улегся у его ног, обсасывая косточку. Остальные уселись вокруг и принялись за яблоки, виноград и мандарины.

Карло стал рассказывать, а я записывать. А что я записал, об этом читай дальше.

Глава третья. О том, как папа Карло заболел и куклы искали доктора

Куклам жилось весело и счастливо у старого шарманщика. Они представляли волшебные сказки в чудесном театрике Буратино.

Все ребятишки в Тарабарской стране знали и любили эти представления.

Бывало, чуть Карло выходил на площадь, уже бежали со всех сторон босоногие, оборванные, чумазые малыши и кричали:

– Сказку! Покажи сказку, папа Карло!

Карло ставил свои ширмы, выпускал кукол, и тут начиналось веселье!

Ребятишки смеялись, кричали, хлопали в ладоши.

А богатенькие дети, слышав шарманку, свешивались из окон дворцов, вываливались из золоченых карет, царапали и кусали своих нянек за то, что те не пускали их к папе Карло!

Каждый, кто хоть одним глазком взглянул на кукольное представление, потом долго веселился. Подумает о Мальвине – улыбнется, подумает о Пьеро – рассмеется, вспомнит Буратино – расхохочется!

А в Тарабарской стране был такой закон: богачи должны быть важными, бедняки – грустными, а смеяться никому не позволено!

И вот однажды, когда Карло сидел дома со своими куклами и клеил им игрушки, дверь растворилась. Вошел толстый, жирный судья в большой шляпе с перьями. На шее у него висела золотая цепь. В руках была палка с хрустальным шаром на верхушке. Он был такой важный, что сразу было видно — он никогда в жизни не смеялся!

Он вынул грамоту с королевской печатью и громко прочел ее.

А в этой грамоте было написано, что король запрещает папе Карло показывать представления. А если он не послушается, ему отрубят голову!

— Довольно смеха!

Тут судья трижды стукнул жезлом об пол и выплыл в дверь, важный и нахохленный, как попугай.

Папа Карло смотрел ему вслед и молчал. Он даже не улыбнулся, когда Буратино стал передразнивать судью: схватил кисточку от клея, стукнул три раза об пол и пропищал: «Довольно смеха!»

Он только провел рукой по лбу, лег на свою колченогую кровать и повернулся лицом к стене.

С той поры Карло заболел.

Он больше не вставал с постели. Он худел, слабел и горел в сильном жару. И вот однажды ему стало так плохо, что Мальвина и Пьеро побежали за доктором.

Была темная, ненастная ночь.

Дождь барабанил по крышам.

Дул мокрый, холодный, злой ветер.

Мальвина и Пьеро бежали по улице. Они хотели позвать к папе Карло знаменитого доктора Помпилиуса. Этот доктор был очень важный. Он разъезжал по городу в великолепной коляске, и жирный мопс всегда сидел с ним рядом на бархатных подушках. Про него шла слава, что он может вылечить любую, даже самую опасную болезнь.

И вот, когда куклы прибежали к дому, где жил доктор, дверь оказалась запертой. Дверная ручка скорчила им страшную рожу и прошипела:

– Ступайте домой! Доктор уже спит!

– А мы его разбудим! – сказали куклы. – Ведь у нас папа Карло заболел!

И они храбро полезли по скользкой водосточной трубе к окошку, где еще виднелся свет.

Доктор Помпилиус уже надел ночной колпак и собирался лечь спать. Вдруг кто-то постучал в окно.

– Кто там? – заорал доктор, хватая со стены ружье.

– Откройте, пожалуйста! – ответил тонкий голосок.

Доктор подкрался к окну и с опаской отодвинул раму.

Ветер и дождь хлестнули ему в лицо. За окном была непроглядная темень.

Вдруг из темноты вышли две куклы – мальчик и девочка и, дрожа, остановились на подоконнике.

– Это что за глупые шутки? Ступайте домой! – рассердился доктор.

Куклы горько заплакали.

– У нас папа Карло заболел. Мы боимся, что он умрет! Пойдемте к нему, господин доктор! Пропишите ему хорошее лекарство! – просили они и протягивали к доктору свои деревянные ручки.

Доктор надел очки и строго посмотрел на незваных гостей.

Платье на них было старенькое и мокрое, хоть выжимай. С рваных башмаков стекали грязные лужицы. Доктор нахмурился.

– А есть ли у вашего папы денежки? Чем он мне заплатит за лечение?

Куклы повесили головы.

– У него нет денег... Он лежит больной и не может работать.

– Га-га-га! – заорал доктор. – Как же вы смели стучаться в мое окно? Как смели пачкать мой чистый подоконник? Пошли прочь, нищие, бродяги, пошли прочь!

Он сорвал свой ночной колпак, затопал ногами, швырнул одной туфлей в Мальвину, другой – в Пьеро, а сам раздулся, как шар, подпрыгнул под потолок, стукнулся и снова подпрыгнул... Тут все затрещало, загремело, загромыхало в докторском кабинете.

Посыпались зеленые искры, завертелись черные круги, поползли огненные змеи...

А доктор подпрыгивал и кричал:

– Пошли прочь! Га-га-га! Пошли прочь! Я великий, я знаменитый, я несравненный доктор Помпилиус! Я никого не лечу даром!

Заткнув уши и зажмурив глаза, куклы бросились на улицу.

Доктор страшно захохотал им вслед и с треском захлопнул окно.

Куклы снова очутились на мостовой. Они взяли за руки и пошли прочь, борясь с ветром и попадая в лужи. И вот при тусклом свете фонаря они увидели на углу золоченую вывеску: «Здесь живет добрый доктор Люмнилиус».

Дверь была отворена, и они вошли в дом.

Доктор Люмнилиус еще не ложился спать. Он сидел в кресле у камина, прихлебывал теплое молоко и читал толстую книгу с серебряными застежками. В этой книге было написано, что люди должны стать добрыми и любить друг друга, как братья. Тогда на земле не будет ни горя, ни нужды.

– Ах вы, бедные птенчики! – воскликнул доктор, увидев Мальвину и Пьеро. А когда он узнал, что Карло лежит больной, в нужде и в горе, он даже заплакал от жалости.

– Я добрый человек, деточки! – сказал он, обливаясь слезами. – Я не хочу зла вашему папе. Поэтому не просите меня, чтобы я его вылечил.

– Нет, нет! Ведь жизнь бедняка – сплошное мучение. Пускай он лучше умрет. И ему будет спокойнее, и на земле станет меньше горя и нужды!

Слезы катились, как горох, по лицу доктора, и вдруг эти слезы стали крупные, как сливы! Нос разбух и повис на сторону. Руки поползли, как жидкое тесто, по ручкам кресла. Ноги растеклись по ковру. Добрый доктор растаял и превратился в кисель.

Он капал жирными каплями на раскрытую книгу и пришептывал:

– Жаль мне вас, милые крошки! Ох, как жаль...

Куклам стало страшно. Они бросились вон из дома. А доктор сначала захихикал, потом засмеялся, потом захохотал и стал сгущаться. Руки и ноги у него затвердели, нос встал на место, и вот доктор уже сидел по-прежнему в кресле и читал свою толстую книгу!

Но куклы этого не видели. Они ковыляли усталыми ножками по темной мостовой, вглядываясь в дверные вывески. Дождь слепил им глаза. Они искали другого доктора.

Ведь папа Карло лежал больной, и ему нужно было помочь.

Глава четвертая. О том, что посоветовали папе Карло лесные доктора

Карло лежал в своей каморке, укрытый старым одеялом. Буратино и Артемон сидели возле него. В доме не было ни корочки хлеба, ни полешка дров. Последний огарок тускло мигал на столе. Тени в углах росли, густели, лезли на потолок. Казалось – погаснет огонек, нахлынет темнота, и умрет Карло... Вот какое печальное было время!

Буратино вытирал полотенцем горячий лоб больного. А пудель положил морду на край постели и, грустно помаргивая, глядел на хозяина добрыми черными глазами.

Они ждали доктора, но доктор не приходил.

Наконец вернулась Мальвина, мокрая, озябшая. Ни один доктор в городе не согласился лечить Карло. Пьеро побежал в лес – может быть, там найдется доктор?

– А если не найдется, – сказала Мальвина, стягивая с себя мокрые чулки, – так я всю Тарабарскую страну обойду и весь земной шар обыщу, а уж найду доктора для папы Карло.

– Спасибо, девочка! – прошептал Карло и погладил ее по голубым волосам.

И все четверо стали опять ждать доктора.

Занялось утро. Под окном чирикнула птица. Над сосед-

ней крышей просиял кусочек оранжевого неба. И вот кто-то быстро и весело пробежал по лестнице. Это был Пьеро.

– Папа Карло, я привел докторов! – крикнул он. – Вот они!

А в дверь уже входили лесные доктора – профессор Сова, фельдшерица Жаба и народный знахарь Жук-Богомол. В каморке сразу запахло сосновой хвоей, болотом и свежими лесными травами. Карло улыбнулся, Мальвина сделала книксен, а Буратино стал на голову и задрогал ногами от радости!

Сова выступила вперед и сказала:

– Папа Карло! Мы простые лесные звери, не ученые, как другие доктора! Но мы вас любим и будем лечить бесплатно!

– Прекрасно придумано! – вскричали куклы.

Доктора пожелали осмотреть больного. Сова долго слушала его сердце, задумчиво хлопая круглыми желтыми глазами. Жаба осторожно пощупала его живот мягкой и влажной лапой. А Жук-Богомол слегка постучал его по коленке своей сухонькой ручкой, похожей на увядший стебелек. Потом они долго качали головами.

Множество больных вылечили они на своем веку, но такой странной болезни еще не видывали. Случалось им перевязывать птенчику сломанное крыло, вправлять белке вывихнутую лапку, выдергивать ежу больной зуб, лечить кошек от головной боли, а лягушек – от сердечных припадков. Но болезнь папы Карло была совсем особенная. У него ничего не болело, и все же он был тяжело болен.

Наконец Сова вынула из кармана клетчатый платок, протерла очки, откашлялась и сказала:

– Болезнь очень опасная! Вам, папа Карло, не хватает счастья! Постарайтесь его раздобыть!

– Ах, счастье – лучшее лекарство! – вздохнула Жаба.

А Жук-Богомол одернул свой серый сюртук, надел шляпу и сказал:

– Принимайте счастье в порошке или в пилюлях. Это вас спасет!

Они поклонились и ушли.

– Да где же его взять, счастье-то? – спохватился Карло.

Но доктора не ответили. Они спешили в лес. Там у большого дупла их ждали больные звери с простыми лесными болезнями.

Еж-аптекарь уже выдавал лекарства – целебные травки, чистую сосновую смолу и утреннюю росу в желудевых чашечках. Докторам было некогда рассуждать с папой Карло о человеческом счастье.

Да вряд ли они и знали, где оно водится.

И вот куклы стали придумывать, где бы им достать счастье для больного Карло.

– Я придумал! – сказал Пьеро. – Я сбегая в аптеку, попрошу счастья в долг – хоть на копейчку. Может быть, дадут?

– Ты дурак! – ответила Мальвина.

Пьеро обиделся и замолчал.

А Буратино влез на коробочку, приосанился и сказал:

– Слушайте, куклы! Дома сидеть – счастья не видать.

Давайте пойдём по свету. Станем спрашивать встречных и поперечных, заглянем во все норы и закоулки. Может быть, и найдём счастье для папы Карло!

– Пойдём! – сказала Мальвина и тряхнула головой.

– Пойдём! – повторил Пьеро, утирая слезы.

А пудель заскулил и стал рваться в дверь. Он тоже хотел искать счастья для папы Карло.

– Ступайте, детки, прогуляйтесь по воздуху! – сказал Карло. – Только не огорчайтесь, если не найдёте счастья.

Счастье, говорят, на земле не валяется и в аптеке не продается.

Горя у нас хоть отбавляй, а про счастье давненько не слышано!

– А мы все-таки его найдём! – сказали куклы. Они поцеловали папу Карло, надели свои колпачки, кликнули собаку и вышли из дома.

Нелегкое это было дело – найти счастье в Тарабарской стране. Поля заросли там бурьяном, а улицы – грязью. В разрушенных домах прятались голодные, оборванные дети. А если они выползали на свет, вороны принимали их за огородные пугала.

И, глухо каркая, садились им на головы.

Но куклы не унывали. Светило солнышко, просыхали вчерашние лужи. Смешно чирикали воробьи. Весело болтая, куклы вышли на перекресток.

– Я пойду в лес! – сказал Буратино и повернул направо.

– А я – в поле, – сказал Пьеро и побежал налево.

– А я – в город, – сказала Мальвина и пошла прямо по дороге. Артемон побежал за ней.

Каждый из них надеялся найти счастье.

Глава пятая. О том, как мальчики искали счастье

В это самое время к дому, где жил Карло, подошел Карабас. Шляпа на нем блестела, сапоги поскрипывали, сизая борода развевалась по ветру, как флаг. Он опять стал важный и гордый.

Он просил короля, чтобы ему позволили снова открыть кукольный театр на Королевской площади. Он пообещал, что будет показывать только скучные представления, такие скучные, что ни одна душа не рассмеется!

Король позволил. Карабас раздулся от важности, как индюк. Он уже воображал себя директором чудесного кукольного театра!

С усмешкой поглядел Карабас вслед уходящим куклам. Потом он протопал наверх, в каморку шарманщика, и гаркнул:

– Эй, Карло, ты жив или помер? Отвечай!

Тут он захохотал так громко, что стены затряслись. Карло вздрогнул и открыл глаза.

– Жив! – заорал Карабас. – Если жив, давай потолкуем!

Он шагнул в каморку, уселся верхом на опрокинутый ящик и расправил пятерней свою огромную бороду. Нос у него был красный, как сургуч, а глаза черные, маленькие и злые. Карло глядел на него со страхом.

– Слушай ты, нищий шарманщик! – сказал Карабас. – Хочешь, я дам тебе денег и пришлю к тебе самого лучшего табарбарского доктора? Он тебя живо вылечит. Согласен?

Карло даже ушам не поверил. Он подумал, что господин Карабас шутит.

– Да вовсе я не шучу! – огрызнулся Карабас. – Я сделаю все, как сказал. А уж ты отдай мне за это твой кукольный театр и всех маленьких актеров. Ну, по рукам, что ли? А?

У Карло сердце екнуло. Так вот что придумал Карабас!

– Нет, – сказал он, – я не отдам тебе моих маленьких актеров. Ты их будешь бить!

Карабас захохотал, разинув пасть.

– Эка невидаль – бить! Актерам это полезно, они от битья умнеют! Все это пустяки. Поговорим о деле. Ведь если ты умрешь, пропадет твой театр и куклы погибнут с голоду! Лучше отдай их мне подобру-поздорову, а сам лечись и поправляйся на мои денежки! Да что тут долго разговаривать! Я принесу тебе деньги – и дело с концом!

– Нет, – сказал Карло, – не нужно мне твоих денег! Я их не возьму!

Но Карабас уже не слушал. Он вышел, хлопнув дверью, и быстро зашагал по дороге. Он шел и мечтал о том, как будет загребать денежки, показывая кукол богатыньким детям. Пускай они платят по червонцу за билет!

– А уж куклам я не позволю баловаться! На то есть у меня плетка-семихвостка! Вот так!

Он вынул из кармана свою любимую плетку-семихвостку и стал размахивать ею, примеряясь, кого бы ему отхлестать. Вдруг в стороне от дороги, за канавой, он увидел белый балахончик Пьеро и прямо шагнул к мальчику.

Пьеро не видел Карабаса. Он глядел себе под ноги, разыскивая траву клевер. Кто-то сказал ему, что если найти листик клевера, не простой, а с четырьмя листочками, это и значит «найти счастье».

Пьеро брел вдоль канавы, обходил черепки и разный мусор, пробирался между лопухами и одуванчиками, ища клевер. Вдруг на краю канавы, над старой подошвой, он увидел темно-зеленый кустик клевера. Посредине кустика на тонкой ножке покачивался листик с четырьмя листочками! Пьеро бросился к нему и сорвал «счастье».

В ту же минуту он упал, оглушенный страшным ударом. Карабас стоял над ним с плеткой в руке и кричал:

– Ступай домой, бездельник! Будет тебе шляться по канавам, ступай домой!

Пьеро покраснел от боли и обиды, крепко зажал в кулаке свое «счастье» и молча глядел на Карабаса.

– Что глядишь? Или не признал хозяина? погоди, скоро признаешь! Га-га-га! – заорал Карабас и снова замахнулся плеткой.

Тут Пьеро вскочил на ноги и пустился наутек. Он мчался, как заяц, как ветер, как молния, и вмиг скрылся из глаз. Карабас ухмыльнулся и, помахивая плеткой, свернул в лес. Он

хотел разыскать Буратино.

Проходя мимо старых лип, он услышал громкий щебет и поднял голову.

Возле старой скворечни верхом на ветке сидел Буратино и беседовал со скворцами. Маленькие скворчата прыгали по шершавому стволу.

Карабас прислушался.

– И вот мы пошли искать счастье для папы Карло! – сказал Буратино. – Я увидел ваш домик и подумал: нет ли у вас счастья?

– Лучше не спрашивай! – хмуро ответил скворец. – Счастье здесь не водится. Самим есть нечего и детей кормить нечем.

– А еще Карабас грозит, что разорит наш домик! – заплакала скворчиха.

– И разорю! Дайте срок, разорю! Надоели вы мне, глупые птицы! – заорал Карабас. – А с тобой, друг любезный, я еще не так расправлюсь!

Он подпрыгнул, схватил Буратино за ногу и швырнул его на дорогу.

– Пошел домой! Нечего тебе лазать по деревьям!

– Захочу и буду лазать. Чего ты раскричался, Карабас? Ты мне не хозяин! – ответил Буратино.

– Вот я тебе покажу хозяина! Пошел домой! – заревел Карабас и хлестнул его плеткой.

Больно было мальчику, но он даже не вскрикнул. Он

встал, поправил на голове колпачок и спокойно зашагал по дороге, стараясь не хромать на ушибленную ногу. Ведь Буратино был молодцом, когда хотел!

Карабас еще погрозил скворцам и пошел своей дорогой. Он думал: «Вот встречу Мальвину и ее прогоню домой. А потом возьму мешок, нагряну к шарманщику и захвачу всех птенчиков разом! Всех актеров! Они у меня не уйдут. Нет, шалишь, не уйдут!»

Карабас глядел по сторонам – не мелькнет ли где-нибудь розовое платьице Мальвины? Он раздвигал кусты, осматривал все закоулки, канавы и подворотни. Пришел в город – стал заглядывать в окна домишек. Воробьи разлетались от него врассыпную, собаки удирали, поджав хвосты, редкие прохожие шарахались в стороны.

А Мальвины нигде не было.

– Ладно, она от меня не уйдет! – ворчал Карабас и, помахивая плеткой, брел дальше.

Глава шестая. О том, куда девалась Мальвина

Пьеро вбежал в каморку шарманщика и крикнул:

– Папа Карло! Ведь ты не отдал нас Карабасу?

Он запыхался. От слез и пыли щеки у него стали совсем грязные. Разорванный воротник висел вдоль спины, как тряпка. Он стоял на полу, сложив ручки, и спрашивал:

– Скажи, не отдал?

– Не отдал и никогда не отдам! – улыбнулся Карло.

Тогда Пьеро вскарабкался на постель и уселся на одеяле, свесив ножки. Он разжал кулак и показал Карло смятый, теплый от ладони листик с четырьмя листочками.

– Смотри, что я нашел! Счастье!

– Да какое же это счастье, дурачок? – рассмеялся Карло. – Это просто клевер!

– А ведь он с четырьмя листочками?

– И с четырьмя – просто клевер!

Тут глаза Пьеро опять набухли слезами. Ведь он так радовался, что нашел счастье, так боялся, что Карабас его отнимет! А оказалось – это просто клевер!

– Не горюй, сынок! Давай сюда твою травку!

Карло вдернул клевер с четырьмя, листочками в петлицу своей старой куртки, расправил листочки и сказал:

– А за твою заботу спасибо!

Пьеро сразу повеселел. Он забыл про Карабаса. Он принялся рассказывать Карло, как хорошо ему было на солнышке у канавы. Там цветут желтые одуванчики, блестит осколок стекла, серый кузнечик стрекочет в траве. Там растут трилистники на тонких стебельках и тихо качаются от ветра. Когда папа Карло выздоровеет, они пойдут гулять на канаву. Правда?

Карло слушал его и улыбался.

Вдруг за дверью послышался такой шум и гром, что все мухи в каморке перепугались и роем ринулись в окошко. Это Буратино скакал на одной ноге по лестнице и распевал во все горло:

Счастье, счастье, счастье, помоги,
Я остался без ноги!

— Не бойтесь, это я нарочно! — крикнул он, распахнув дверь. — Нога у меня цела, только немножко вывихнута! Пошел я за счастьем, а нашел одни колотушки. Да это горе не беда! Счастье от нас не уйдет!

Он тоже вскарабкался на постель. Карло осмотрел и осторожно вправил его вывихнутую ножку.

Тут мальчишки принялись дурачиться. Они рассказывали наперебой свои приключения, передразнивали Карабаса, хохотали и поднимали такую возню, что из старого одеяла пыль пошла столбом.

Вдруг Карло спохватился:

– Мальчики, а где же Мальвина? Почему она не возвращается?

Мальчики слезли с постели и выглянули в окно, не идет ли Мальвина? Но Мальвины не было видно.

– С ней Артемон пошел, он ее в обиду не даст! – сказал Буратино.

– Он как вцепится зубами в штанину или в рукав да как начнет трепать! Карабас и тот испугается! – сказал Пьеро.

Они опять попробовали шутить, но Карло больше не смеялся. Приподняв голову, он прислушивался – не простучат ли по лестнице легкие деревянные ножки? Но все было тихо. Мальвина не возвращалась.

Мальчики замолчали. Страшно им было думать: а вдруг Карабас утащил Мальвину? Кто теперь вызволит ее из беды? Ведь папа Карло болен.

Стало смеркаться, а Мальвины все не было.

– Я пойду ее искать! – сказал Буратино и надел колпачок.

Вдруг дверь растворилась.

Пудель вбежал в каморку, рухнул на пол у постели Карло и завыл... Шерсть на нем стояла дыбом, зубы стучали. Он весь дрожал.

– Где Мальвина? – крикнул Карло.

– Уехала... – пролаял Артемон сквозь слезы.

– Куда уехала? Зачем?

Но пудель уткнулся мордой в руку хозяина и жалобно за-

сопел.

Мальчики ласково оттащили его за уши.

– Ну расскажи, Артемон! Расскажи, не плачь!

Пудель проглотил слезы и стал рассказывать, как было дело.

Вот что он рассказал.

Они с Мальвиной долго бродили по городу – искали счастье.

– Счастье – в керосиновой лавке! – сказал им старый уличный фонарь. – Когда в меня наливали керосин и зажигали фитиль, я был счастлив. Потому что высшее счастье – ярко светить. Увы, это было и прошло.

Он пошатнулся на ветхом столбе и заплакал ржавыми слезами.

Его давно уже никто не зажигал.

– Пойдем в керосиновую лавку! – сказал Артемон и дернул Мальвину за юбочку.

– Не ходите! – прохрипели старые уличные часы. – Счастье вовсе не там. Оно – в часовом магазине. Это такая пружинка. Ее вставляют в часы и заводят их. Часы идут и показывают время.

Это и есть счастье – идти в ногу со временем! А наша пружинка давно лопнула!

Тут часы закрипели, качнулись и отломились от железного прута, на котором висели. С хрипом и стоном они упали в уличный мусор.

Старая собака, дремавшая на крыльце, подняла голову и протявкала беззубым ртом:

– Все это не так! Все это не так! В часовом магазине тоже нет счастья. Спросите моего хозяина. Он сам часовой мастер. Он умеет делать часы и разные удивительные приборы. Но кому это нужно в Тарабарской стране? Никому. Хозяин лежит больной. Я сторожу его дверь. А если он умрет, я тоже подохну.

Собака уронила голову на лапы. Мальвина и Артемон молча постояли перед ней, а потом побрели куда глаза глядят. Видно, не найдешь счастья в Тарабарской стране!

Шли они, шли и к вечеру вышли на морской берег. У пристани стоял пароход с красным флагом на мачте. Чайки, сверкая крыльями, носились над водой.

Путники присели отдохнуть в траве. Мальвина сняла туфельки и вытряхнула из них песок. Артемон глядел на чаек и щелкал зубами. Как ему хотелось погоняться за ними по берегу, полаять во всю глотку! Но он не смел оставить Мальвину одну.

Солнце садилось за гору. На берегу было тихо. Вдруг вдалеке из-за прибрежной скалы показались дети – много детей. Они шли друг за дружкой с узелками в руках. Странно было на них смотреть! Ведь ребятишки в Тарабарской стране или прятались в развалинах, или бродили, одичалые, по пустырям без толку, без цели! А эти шли деловитым шагом, и у каждого на шее был яркий красный галстук.

– Куда они идут? – спросила Мальвина.

– Должно быть, на пароход! – ответил пудель. – Я слышал, что если детям живется плохо в какой-нибудь стране, за ними приходит пароход с красным флагом! И увозит их в далекий, счастливый край!

– Что же ты молчал об этом до сих пор?

Дети уже шагали мимо них.

Вдруг одна маленькая девочка остановилась, и другие остановились тоже. Она затопала ножками и сказала, что не пойдет на пароход. Она хочет домой. И она заплакала:

– Где наш милый маленький домик?

Другие дети молча прошли вперед. Было видно, что им тоже хочется плакать. А мальчик постарше взял маленькую девочку на руки и сказал:

– Нет твоего домика, Анита! Он разрушен. А ты не плачь. Ведь мы едем в счастливую страну! Там много хороших домиков!

Тут Мальвина высунулась из травы. Мальчик ее заметил.

– Смотри, Анита, смотри, какая красивая куколка! Кто ее тут бросил? Хочешь, возьмем ее с нами в Ленинград?

Он опустил девочку на землю и шагнул к Мальвине. Артемон ошетинился и заворчал: «Не смей трогать куклу!» Но Мальвина дернула пуделя за ухо.

– Не мешай, Артемон! Я поеду с ними. Отойди подальше в кусты!

Пудель послушался. Мальчик взял Мальвину и поставил

ее на дорожку перед девочкой.

Тут Мальвина протянула ручки вперед и запела песенку, которую только что сочинила:

Тяжело и грустно мне:
Счастья нет в моей стране.
Но за счастьем в край чужой
Поплывет кораблик мой!

Девочка засмеялась, захлопала в ладоши и схватила Мальвину. Мальчик взял Аниту за руку, и они побежали к пристани. Артемон мчался за ними, но не смел лаять. Из-за плеча Мальвина глядела на него строго, будто говорила: не мешай!

Вот пристань, вот сходни. Пахнет смолой и дымом. Пароход пыхтит. У сходней стоят два матроса, пропускают пассажиров. Дети в красных галстуках уже высыпали на палубу и кричат отставшим:

– Скорее!

– Поторапливайтесь! – кричат матросы.

Мальчик и девочка с куклой пробежали по сходням. Артемон ринулся было за ними следом, но один из матросов схватил его за ошейник.

– Ты куда?

А другой крикнул:

– Это ваша собака, ребята?

– Нет! – ответили с палубы. – Не наша!

Тогда первый матрос оттащил пуделя в сторону, а другой стал убирать сходни.

Артемон лаял, скакал, рвался на пароход. Но матрос держал его крепко. Пароход дал гудок и отвалил. Между ним и пристанью появилась полоса зеленоватой воды, и с каждым мигом эта полоса расширялась.

Матрос выпустил пуделя. Артемон подбежал к краю пристани. Он весь дрожал. Кудряшки прыгали у него над глазами, хвост ходил ходуном. Он глядел на палубу. Там стояла девочка с куклой в руках.

Если бы Мальвина подала ему знак, он прыгнул бы в воду и поплыл бы вдогонку за пароходом!

Но Мальвина только кивнула ему вдогонку: прощай, Артемон!

Пароход удалялся. Розовое платьице Мальвины уже казалось еле заметным пятнышком. Вот и его не стало видно.

Артемон взвизгнул и опрометью помчался домой.

Глава седьмая. О том, что рассказала ласточка

Артемон поднял морду и снова завыл:

– Мальвина уехала...

Пьеро обнял его кудлатую голову и тоже заревел.

– Фу, плаксы! – сказал Буратино. – Подумаешь, горе, что уехала! Жаль, что нас с собой не взяла! Правда, папа Карло?

Карло покачал головой и вздохнул.

– Очень меня беспокоит это путешествие. Что станет с Мальвиной в чужом краю? Взяли ее с собой чужие дети, а кто знает, какие они? Может быть, поиграют с куклой чашок-другой, а потом оторвут ей голову и бросят где-нибудь по дороге? Нет уж, лучше бы она не уезжала! Пусть бы сидела здесь в уголочке и расчесывала свои голубые волосы!

Все невольно взглянули в уголок, где, бывало, сидела Мальвина. Там на стенке блестел кусочек зеркала, на маленьком столике лежали гребешок, зубная щетка и розовое мыльце. На полу валялась смятая розовая ленточка. А самой Мальвины не было. Неужели она никогда не вернется в свой уголок?

– Я больше не буду ее дразнить! – сказал Буратино. – Только бы она вернулась!

Слеза покатилась по его длинному носу и повисла капелькой на кончике. Карло тяжело вздохнул.

Вдруг за окошком послышался шорох, и тонкий голос сказал:

– Чи-вить! Здесь живет папа Карло? Чи-вить!

Все оглянулись. На подоконнике сидела маленькая си-не-черная ласточка с белой грудкой. Она вертела головкой и поглядывала вокруг блестящими глазками. За окном в вечернем небе уже зажигались звезды.

– Чи-вить! – повторила ласточка. – Я принесла папе Карло привет. Сердечный привет от хорошенькой куколки.

– От Мальвины? – закричали все в один голос.

– Не знаю, – сказала ласточка. – Может быть, ее зовут Мальвиной. Я не спросила. Нам было некогда разговаривать. На ней розовое платьице, и она очень воспитанная.

– Это Мальвина! – воскликнул папа Карло. – Где вы ее встретили?

– Я провожала пароход в море. Я сидела на якорном канате. На палубе было тихо. Дети ужинали внизу. И вдруг ко мне подошла эта куколка и спросила: «Вы едете с нами или только провожаете нас?» Я ответила: «Провожая!»

– Так я и знал! – сказал папа Карло. – Они бросили ее одну на темной палубе!

– Да нет же! Они ее не бросили. Маленькая девочка с ней не расстанется. Она и ужинала с куклой на коленях. Но когда на третье подали апельсины, она выпустила куклу из рук. Потому что люди чистят апельсин двумя руками! Мальвина скользнула под стол и тихонько убежала на палубу. Она об-

радовалась, когда увидела меня.

– Что же она сказала?

– Что она скоро вернется и привезет папе Карло много-много счастья.

– Урра! – закричал Пьеро. – Я знал, что она вернется!

Мальчики принялись скакать, а пудель вертелся между ними и лаял от радости:

– Урра!

Тут ласточка вспорхнула с подоконника.

– Не улетайте! – взмолился Карло. – Скажите, что она еще говорила? Да тише вы, детки! Угломонитесь!

Ласточка взлетела под потолок и уселась на чердачной балке.

Оттуда она с опаской глядела вниз.

– Мальвина сказала: «Пускай Артемон поменьше воет, а то он расстраивает папу Карло!»

– Что? – взвизгнул Артемон. Но вдруг он смутился, поджал хвост и, понутив голову, уполз в угол.

– А еще она сказала: «Пускай мальчики чистят зубы и моют руки перед обедом!»

– Ох! – воскликнул Пьеро.

– Вот девчонка! Железный характер! – сказал Буратино. И тоже ушел в угол.

– А больше она ничего не сказала! – продолжала ласточка.

– Мы слышали, что девочка плачет: «Где моя милая маленькая куколка?» Мальвина побежала вниз. А я полетела

на берег. Вот и все.

– Спасибо, милая ласточка! – сказал папа Карло. – Вы меня утешили немножко. А всетаки мне беспокойно. Ну вот, приедут они в Ленинград. А дальше что? Ленинград, я слышал, далеко на севере. Там всегда выюги и морозы. Дети замерзнут, и Мальвина с ними! Ведь там белые медведи плавают на льдинах!

– Не бойся, папа Карло! – откликнулся Буратино. – Она и белых медведей заставит мыть руки и чистить зубы! Это такая девчонка!

– Чи-вить! – сказала ласточка. – В Ленинграде вовсе не холодно. Я улетаю туда каждую весну и провожу там все лето.

Ласточкам там хорошо. Комаров и мошек сколько угодно. Мы всегда сыты.

– Ну расскажите, расскажите нам про Ленинград! – воскликнул папа Карло.

Ласточка слетела вниз и уселась на спинку его кровати. Мальчики и Артемон сидели тихо и слушали.

– Мое гнездышко – в старой крепостной стене над самой рекой! – пела ласточка. – Это место зовется Петропавловская крепость. Летом там жаркое солнце. Люди купаются в реке и лежат на солнцепеке – загорелые, сильные и здоровые. Дети играют в теплом песке. У них красивые разноцветные игрушки. На закате берег пустеет. Мы летаем вокруг высокой колокольни с золотым шпилем. Неподалеку оттуда, в зе-

ленной роще, лежит зоологический сад. Там живет один белый медведь. Он всегда жалуется, что ему жарко. Он сидит по горло в воде в своем бассейне. Нет, в Ленинграде совсем не холодно.

– Это летом, – сказал папа Карло. – А зимой?

– Когда наступают холода, мы летим на юг. А весной опять возвращаемся в Ленинград! Я улетаю туда завтра на рассвете!

– Милая ласточка! – сказал папа Карло. – Прошу вас, разыщите Мальвину и помогите ей вернуться домой! Подумать страшно, что зимние холода застанут ее на севере! Ведь у нее даже нет теплого пальтишка!

Ласточка задумалась.

– Как же мне помочь ей? Ведь она не умеет летать!

– Папа Карло! – крикнул из-под стола Буратино. – Папа Карло! Я придумал! Ты только не говори «нет». Ты сначала послушай, что я скажу!

– Говори, сынок! – сказал папа Карло. – Да что ты так волнуешься?

Буратино комкал в руках свой колпачок, переступал с ноги на ногу, хлопал глазами и вертел носом во все стороны.

– Папа Карло... – тут он захлебнулся.

– Ну что?

– Папа Карло... У тебя есть самолетик... Дай его нам... Мы полетим завтра вместе с ласточками... А потом вернемся и привезем Мальвину...

– Здорово придумал! – крикнул Пьеро и захлопал в ладоши, но тотчас же замолчал: что-то скажет папа Карло?

Карло задумался. Страшно ему было отпускать мальчиков в полет. Мало ли что может с ними случиться. И скучно ему будет без них. А как не отпустить? Ведь Мальвина, пожалуй, пропадет одна на чужой стороне. Кто о ней позаботится? А мальчики ее разыщут!

– Мы полетим впереди и будем показывать им дорогу! – сказала ласточка.

– Ладно! – ответил папа Карло. – Собирайтесь, детки! Завтра в путь!

– Уррра! – закричали мальчики и Артемон.

Ласточка упорхнула в окно.

Карло вытащил из-под кровати большой сундук и вынул из него самолетик. Краска на нем так и блестела. Поперек крыльев шла зеленая надпись: «Театр Буратино». Шарманщик приготовил этот самолетик для нового представления.» Да вот не пришлось ему показать это представление ребятам.

Мальчики с веселым криком бросились к самолету.

– Погодите! – сказал Карло. – Он еще не готов. Нужно сделать кабину побольше. А то Артемон не поместится в нее со своим хвостом!

Он достал с полочки над кроватью маленькую пилу, молоток, гвоздики.

– Ну-ка, мальчики, возьмите фанерку там в углу и выпишите мне три дощечки!

Мальчики принялись за работу. Пила визжала, опилки сыпались на пол.

Когда дощечки были готовы, Карло сколотил новую кабину.

Построили кабину – стали шить разноцветные парашютики. А когда забрезжил рассвет, все было уже готово. Карло починил разорванный воротник Пьеро. Не являться же мальчику в Ленинград оборванцем!

– Чи-вить! – сказала ласточка, заглянув в окошко. – Нам пора в путь! Глядите в окно. Как полетят ласточки, вылетайте и вы следом!

Карло поставил самолет на подоконник.

– Ну, прощайте, детки! Возвращайтесь живы и здоровы и привезите с собой Мальвину! – Он поцеловал их всех по очереди.

Пьеро, Буратино и Артемон уселись в самолет.

– Ты не скучай, папа Карло! – сказал Буратино.

– Мы привезем тебе счастье! – сказал Пьеро.

А пудель взвизгнул и лизнул хозяина в нос.

Но вот в розовом небе показались ласточки. Как черные стрелки, летели они на север. Карло завел мотор. Самолет зажужжал, взмыл в воздух и вылетел в окно.

– Прощай, папа Карло! – кричали мальчики и махали своими колпачками, а хвост Артемона мотался по ветру, как флаг.

Вот самолет пролетел над соседней крышей, обогнул печ-

ную трубу. Вот он летит над улицей. Вот приближается к колокольне.

Вот блеснуло на солнце его серебряное крыло.

– Прощайте, детки!

Глава восьмая. О том, что задумал Карабас, узнав, что куклы улетели

Карло глядел в окно. Вдруг за дверью послышались топот, бормотание, сопение. Это Карабас лез по лестнице, таща за собой тяжелый кошель. Он встал нынче спозаранку. Не терпелось ему прибрать кукол к своим рукам!

Он ввалился в каморку и бросил кошель на стол. Деньги звякнули.

– Бери! – крикнул Карабас. – Вот тебе за твоих актеров! Гей, куклы! Где вы там? Ступайте сюда!

– Напрасно вы трудились, синьор Карабас! – ответил Карло.

– Ведь я говорил вам, что не возьму денег. А моих актеров тут нет. Лучше не ищите!

– Где же они?

– Улетели! – Карло кивнул в окно. Там далеко в небе виднелся улетающий самолет.

– Куда улетели? Зачем? – заревел Карабас. И вдруг хлопнул себя по лбу. – Ах я, старый дуралей! Ведь говорили же мне пристанские крысы, что какая-то кукла уехала вчера на пароходе! Я думал, им привиделось! А это была Мальвина! Значит, мальчишки полетели за ней следом? Теперь я все понял. Я их догоню! Я их поймаю! Я их в бараний рог согну! А ты помирай!

Он схватил свой кошель и ринулся вон. Только треск пошел по лестнице.

Карло лежал и думал: «Летите, мои детки, быстро-быстро, чтобы Карабас вас не догнал! Авось я не умру. Дождусь, что вы вернетесь».

Он глядел в окно, но самолета уже не было видно. Он скрылся за облачком.

Тем временем Карабас побежал на пристань – узнать, куда ушел пароход.

– В Ленинград! – сказал матрос и отвернулся. Уж очень противно было смотреть на Карабаса, на его вытаращенные глаза и разинутый рот.

– В Ленинград так в Ленинград! – пробурчал Карабас и, переваливаясь, как утка, побежал домой.

А жил Карабас в настоящей трущобе. У него был дом – огромный, как дворец, но какой дворец! Одна стена развалилась, другая треснула, и в трещине росла крапива. Крыша скособочилась, как старое лукошко. На чердаке жили огромные пауки, в подвале гнездились змеи, а тараканы и клопы стадами ходили по всему дому, оставляя следы в густой пыли.

Только в одной комнатке не было пыли. Там на стенах сияли зеленые обои в белый горошек. На столике блестела пишущая машинка. Перед ней сидела рыженькая секретарша с пушистым хвостом – лиса Алиса. Она любила аккуратность. Да разве приучишь Карабаса к аккуратности?

Лиса печатала на машинке объявление о том, что завтра на Королевской площади откроется кукольный театр синьора Карабаса Барабаса. Уж конечно, Карабас добудет кукол! Завтра – за работу!

Вдруг Карабас ввалился в двери, выдернул из машинки объявление и скомкал его.

– Кончай работу! Мы едем в Ленинград!

– В Ленинград? Да что вы? – ужаснулась лиса и даже всплеснула лапками.

– А что такое?

– Да разве вы не знаете русской пословицы: повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову...

– Молчи! – гаркнул Карабас. – Ступай возьми билеты на самый быстрый самолет! Живо поворачивайся!

Лиса вздохнула, пожала плечиками и раскрыла свою сумочку.

– Ты пойдешь или нет? – заревел Карабас и выхватил плетку.

– Делу время, а туалету час! – сказала лиса, погляделась в зеркальце и причесала себе ушки. А потом уже пошла за билетами.

Карабас спустился в подвал, распугал спавших змей и поднял скользкую от плесени каменную плиту. Под ней лежали его сокровища. Он выгреб кучу золота, наложил полный чемодан денег и еще рассовал червонцы по всем карманам.

На ленинградский аэродром опустился самолет. Пилот заглянул в пассажирскую кабину и весело сказал:

– Вылезайте, голуби. Прилетели. Вот он, Ленинград.

Из кабины вылез толстяк с сизой бородой. Пальто на нем было старинное – с пелериной, шляпа трубой, на ногах сапожищи. А лицо заспанное, опухшее и смятое, как дорожная подушка. Он как ступил на землю, так и зашатался.

«Эх, укачало дедушку! – подумал пилот. – Ну ничего, внучка о нем позаботится. Она бойкая!»

Внучка тем временем выскочила из кабины и суежилась над чемоданами. Она была маленькая, верткая, в клетчатой кепке.

Личико розовое, кудряшки рыжие, на носу большие очки, а на шее зеленый шарф в белый горошек.

И вот дедушка с чемоданом, а внучка с саквояжиком в руках зашагали к воротам аэродрома. Это были, конечно, не дедушка с внучкой, а Карабас с лисой.

Утреннее солнце сияло в бледно-голубом небе. Крыши ангаров отливали серебром, крылья самолетов – золотом. А вдали в голубом тумане виднелись золотистые шпили городских башен.

Светло было в Ленинграде.

Светло и просторно.

Над воротами аэродрома реяли красные флаги, легкие и яркие, как лепестки гвоздики.

Вдруг Карабас остановился, выронил чемодан с червон-

цами и снова зашатался.

– Ну чего еще? – спросила лиса.

– Не могу идти, лиса. Просто не вмоготу мне – до чего светло! Глаза так и режет! – прохныкал Карабас и вытер глаза рукавом.

– А вы нахлобучьте шляпу пониже! – сказала лиса. – Удивляюсь я вам, синьор Карабас. Кто вас просил ехать в Ленинград? А уж если приехали – терпите. То ли еще будет? Думаете, мне приятно носить на мордочке эту противную розовую маску? Я же терплю.

Она выпростала ручку в зеленой перчатке и поправила свое розовое личико. Оно было картонное. Карабас засопел и поплелся за ней следом.

Глава девятая. О том, как два странных путешественника искали приюта

Карабасу было тошно. Он привык к тесноте старых домов, к вони и грязи кривых переулков у себя на родине. Там ему было уютно. А здесь были просторные улицы, прямые, как стрела. Дома на них были светлые и стройные. Если и встречались где-нибудь на дороге мусорная куча или сломанный столб, они, казалось, говорили прохожему: «Мы здесь случайно. Мы ненадолго. Завтра нас уберут, и вы нас больше не увидите. Прощайте!»

А люди? Они шли по улице бодро и весело. Они держали головы прямо. Никто не сгибался в поклонах перед Карабасом, не бледнел от страха, не прятался в подворотни. Обидно было Карабасу смотреть на таких людей! А вот из-за угла ему навстречу вышли двое детей – мальчик и девочка – с сумками в руках. Мальчик взглянул на Карабаса и засмеялся:

– Смотри, Катя, какой бородач! Настоящий Карабас!

Сестренка дернула его за рукав:

– Да тише ты, глупый! Старичок может обидеться!

И они быстро прошли мимо.

Карабас повеселел и погладил свою косматую бороду.

– Однако здесь про меня слышали! Меня знают, меня ува-

жают!

– Уважают? – фыркнула лиса. – Не поздоровится вам от такого уважения!

– Это почему же? – обиделся Карабас.

– Давно сказано: добрая слава лежит, а худая бежит. Полюбуйтесь-ка на тот плакат. Вон, на заборе! Кто там нарисован?

Карабас взглянул на забор и обомлел. На плакате был нарисован он сам – во весь рост! Да какой страшный, какой противный! Выкатив глаза, он злобно рвал свою бороду, а Буратино скакал перед ним и показывал ему длинный-предлинный нос! На плакате было написано:

СМОТРИТЕ ФИЛЬМ ПО СКАЗКЕ
А.Н. ТОЛСТОГО
«ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО»

Карабас сначала попятился, потом заревел, как бык, и ринулся вперед. Он хотел сорвать обидный плакат, растоптать его ногами, изодрать в клочки! Но лиса оттащила его прочь.

– Вы в своем уме? Не подходите к плакату! Вас узнают – соберется толпа... Уйдем, уйдем отсюда поскорее!

Она потащила Карабаса в боковую улицу.

Карабас кипел от злобы. Минуту тому назад он досадовал, что о нем не слыхали в Ленинграде. А сейчас он не знал, куда деваться от своей славы. Он сжимал кулаки, кусал губы, скрежетал зубами.

– Я их найду! Я их поймаю! Я их в порошок сотру! И шельмеца Буратино, и всех его друзей! Это они выболтали Толстому всю историю с золотым ключиком! Они, негодяи, оскрамили меня на весь мир!

– Ладно, успокойтесь! – сказала лиса. – Прежде всего нам нужно найти верное пристанище и скрыться от любопытных взглядов. А там уж мы расправимся со всеми шельмецами по-свойски!

Они решили уйти подальше, на край города, – искать приют у людей, которые никогда не ходят в кино и ничего не слышали о золотом ключике.

Далеко им пришлось идти. Шумные, веселые улицы протянулись на целые километры. Кончились эти улицы – начались стройки.

Тут воздвигали огромный дом, там мостили площадь, там строили мост над широкой, медленной рекой. И повсюду виднелись растворенные двери кинотеатров и пестрые плакаты: «Смотрите все фильм «Золотой ключик»!» Словом, некуда было податься нашим путешественникам.

Шли они, шли и увидели, что в одном месте ломают старый, кособокий домишко. Рабочие уже сняли с него крышу и разбирали гнилые балки. Пыль стояла кругом, едкая столетняя пыль. И вдруг из этого дома выбежал клоп с дорожной котомкой за спиной и быстро зашагал по улице.

– Эй, братец, погоди! – крикнула лиса.

Клоп оглянувшись, снял свою шапочку и низко поклонился

Карабасу. Он сразу узнал милых земляков из Тарабарской страны.

Они рассказали ему про свою невзгоду.

— Да, трудное пришло время! — вздохнул клоп. — Нам, клопам, вовсе житья не стало. Старые дома ломают, а в новых нам селиться не велят. Я и сам уезжаю отсюда и не знаю, где приклоню голову. А вам я вот что посоветую: ступайте вон в тот кривой переулочек, постучитесь вон в тот домик. Живет там старушка Марья Ивановна. Она подслеповатая и в кино не ходит. Попроситесь к ней на квартиру. Там вам будет спокойно.

Карабас и лиса послушались клопа и пошли в тихий переулочек.

Дома в нем были маленькие, старенькие. Перед домами росли липки в деревянных загородках, мостовая поросла травой. Видно, по этому переулку никто не ездил.

У одних ворот на лавочке сидела старушка в белой косынке.

Это и была Марья Ивановна.

Лиса под села к ней и заговорила о разных разностях — о хорошей погоде, и о вчерашнем дожде, и о том, как быстро летит время. А Карабас стоял рядом, поглаживал бороду и улыбался как можно добродушнее.

Старушка оказалась разговорчивая, и лиса у нее все выспросила. Огромная борода Карабаса очень понравилась Марье Ивановне. Такая борода, только поменьше, была у ее

покойного дедушки. Бывало, ребенком Марья Ивановна заплетала эту бороду в косички, и дедушка не сердился. Он был добрый. А в кино Марья Ивановна не ходит. Ей не нравится, что там все мелькает, все бегут куда-то, спешат, суетятся... Зато уж радио она слушает с удовольствием.

А радио ей поставил внучек Миша, умный, хороший мальчик. Он теперь с матерью на даче и пишет оттуда Марье Ивановне: «Приезжай, бабушка, к нам в гости!» А бабушка и рада бы поехать, да нельзя бросить квартиру: некому будет часы заводить.

А часы у нее замечательные, старинные, с кукушкой, только уж очень дряхлые. Часовщик сказал: если они остановятся, их уже не починишь. И со стенки их нельзя снимать. Вот Марья Ивановна и живет при часах, подтягивает им гирьки каждый день, а на дачу не едет. Посидит на лавочке, подышит воздухом – и опять домой!

Тут лиса подмигнула Карабасу и сказала сладким голосом:

– А на даче-то теперь благодать! Трава зеленеет, и птички поют. Сходили бы вы, Марья Ивановна, в лесок, набрали бы ягод, сварили бы вареньица любимому внуку! Ну не досадно ли сидеть тут на лавочке!

– Что и говорить! – вздохнула старуха.

– Жаль мне вас, Марья Ивановна, очень жаль! – сказала лиса. – Поезжайте вы, с богом, на дачу. Погуляйте на воле. А мы здесь присмотрим за вашими часами. Мы люди богатые,

свободные, приехали Ленинград посмотреть и себя показать. Отчего бы нам не помочь старому человеку – не пожить в вашей квартире?

Подумала Марья Ивановна, взглянула опять на сизую бороду Карабаса, вспомнила покойного дедушку, а заодно и маленького внука – и согласилась. Да еще спасибо двум пройдохам сказала.

Она отвела их по скрипучей лесенке в свою квартирку под самой крышей.

В квартирке было уютно. На окнах – горшки с геранью, на столах – вязанные салфеточки, на полу – полосатые дорожки. В простенке висели старинные часы с узорчатым домиком на макушке и громко тикали.

И вот, едва Карабас ступил на порог, порог заскрипел. Шагнул Карабас в комнату – пол затрещал. Сел он в кресло – кресло охнуло, стол застонал, а большой шкаф треснул так громко, будто выстрелил.

– Не пускай злодеев в квартиру! – говорили вещи.

Но Марья Ивановна не слушала. Она влезла на стул и показала лисе, как нужно заводить часы. Заскрипели колесики, забренчали гири, и вот с треском и громом раскрылся узорчатый домик. Из него выскочила желтая кукушка и жалобно прокуковала:

– Беда! Беда!

Но Марья Ивановна опять ничего не поняла. Ей уже виделись дача, сосенки, медный таз с горячим вареньем и внучек

Миша, слизывающий с ложки вкусные пенки!

Она собрала свои вещички в узелок, простилась с новыми знакомцами и весело заковыляла на вокзал.

Едва дверь захлопнулась, лиса заглянула в комод, отворила шкаф, выдвинула ящики в столе, а потом бросилась к старенькой швейной машинке.

– Ах, вот они где!

Возле машинки лежали большие ножницы. Лиса схватила их, подтащила Карабаса к тусклому зеркалу и сунула ему ножницы в руки.

– Обрежьте бороду.

– Что? – заорал Карабас. – Чтобы я обрезал бороду? Да ты не в своем уме!

– Подведет вас эта борода! – сказала лиса. – Здесь каждый школьник видел ваш портрет на плакате. Они вас сразу узнают, как только покажетесь!

– Не узнают! – сказал Карабас. – Я засуну бороду под воротник и застегну пальто на все пуговицы! А уж с бородой я не расстанусь! Дудки!

Лиса пожала плечами и положила ножницы на место.

Глава десятая. О том, как пароход с детьми приплыл в Ленинград

Пока Карабас и лиса устраивались в квартирке Марьи Ивановны, пароход с детьми все плыл и плыл по морю на северо-восток.

Маленькая девочка не расставалась с куклой. Днем она играла с ней, а вечером укладывала спать в свою постельку. Мальвина глядела прямо перед собой синими глазками, улыбалась красным ротиком. А если девочка ставила ее ножки на пол, она пела тоненько:

Тяжело и грустно мне:
Счастья нет в моей стране.
Потому-то в край чужой
И плывет кораблик мой.

Дети на пароходе подхватывали хором эту песню и говорили между собой:

– Какая замечательная куколка!

Однажды вдали над серым морем показались тонкие синеватые трубы, башни, огромные купола. Это был Ленинград. Пароход вошел в устье медленной реки. Мимо низких, серых берегов, мимо горбатых подъемных кранов, мимо барок, нагруженных золотистыми досками, приближался он к

причали.

А вот и набережная – дома с колоннами, пристань и мост.

Сколько народу столпилось у пристани! Ленинградские школьники вышли навстречу приезжим детям с красными знаменами, с серебряными трубами, с букетами цветов.

Дети стояли на палубе, смотрели на берег. Маленькая девочка подняла Мальвину над перилами – пускай и кукла посмотрит.

И вот, когда борт парохода коснулся пристани, заиграла музыка. Люди на берегу закричали, замахали шапками и букетами, приветствуя гостей. В эту минуту Мальвина выскользнула из рук девочки и стремглав бросилась вниз.

– Ах! – вскрикнула девочка и заплакала. – Куколка упала в воду!

Но Мальвина упала не в воду, а на нижнюю палубу, на чей-то дорожный мешок. И тотчас же скатилась с мешка на пол. И быстро-быстро поползла в самый темный, самый дальний уголок судна... А там забилась в щель между двумя ящиками и дрожала.

Вот с парохода спустили сходни. По ним побежали резвые ноги – много ног. Дети высаживались на берег. На нижней палубе матросы громыхали ящиками, собирали узлы и чемоданы.

А Мальвина все еще сидела в темной щели и дрожала. Что же такое с ней приключилось? А вот что: она увидела Карабаса. Он стоял на берегу и смотрел на пароход в большой би-

нокль. Круглые стекла бинокля блестели, как страшные черные глаза. Сейчас он наведет их на Мальвину... Тут-то она и бросилась вниз.

Видел Карабас или не видел, как она падала? Если видел, он проберется на пароход. Тогда – прощай счастье! Он посадит Мальвину в мешок и увезет ее обратно в Тарабарскую страну!

Вот уже тихо стало на пароходе.

Музыка поиграла и замолкла, удаляясь. А Мальвина все еще боялась выглянуть на свет. В щели было темно, холодно и пахло плесенью.

Вдруг Мальвина услышала шорох, скрип и чье-то бормотание.

Она в страхе подняла голову. Над ней в пыльной паутине качался старый, седой паук.

– Ах ты, глупая, глупая девочка! – пробормотал паук. – Ну зачем тебя понесло на край света из Тарабарской страны? Вот ты и напугалась. Полезай ко мне в паутину, я сплету тебе теплую колыбельку, укурю тебя мягким пыльным одеяльцем. Ты уснешь, и никакой Карабас тебя не найдет. Качаться в паутине и сладко дремать – это и есть счастье! – И паук накинул на куклу легкую шелковую паутинку.

– Нет! – крикнула Мальвина, вскочив на ноги. – Мне такого счастья не нужно! Оно не поможет папе Карло!

Она разорвала паутинку и побежала на палубу.

Солнце зашло, небо стало молочно-голубое, только вда-

леке за городом еще светилась бледно-желтая заря. Кругом было тихо.

Мальвина выглянула из-за борта. А вдруг Карабас все еще стоит на набережной? Но у пристани не было ни души.

Она тихонько пошла к сходням. Но где же сходни?

Они уже убраны. Между пристанью и пароходом – темная, глубокая вода. Как же пробраться на берег?

Над водой протянут канат. Одним концом он привязан к столбику на пароходу, другим – к пристани. Он отражается в воде. Отражение извивается, как змея. А сам канат висит неподвижно. Он толстый, крепкий, надежный.

Мальвина влезла на столбик, а с него – на канат. Крепко держится за канат руками и ползет по нему на коленках.

Тихонько, тихонько, не нужно торопиться. Не нужно смотреть вниз, в воду, а то закружится голова. Канат жесткий, он царапает Мальвине коленки. Руки устали. А до пристани еще далеко. Вдруг Мальвина сорвется с каната и утонет в темной воде?

Не нужно об этом думать. Нужно помнить о папе Карло и о том, чтобы добыть ему счастье.

– Гоп! – Мальвина спрыгнула на пристань. Она посидела немножко, отдохнула, поплакала. Уж очень страшно было ползти по канату. Хорошо, что это прошло!

На набережной было тихо и пустынно. Вдалеке громыхали и позванивали трамваи, взбираясь на мост. Над рекой мелькали их красные и зеленые огоньки.

Мальвина быстро шагала по каменным плитам набережной. Слева от нее булыжная мостовая. Справа – высокий парапет из гранитных глыб. Ни травинки кругом, ни цветочка. Одни серые камни. Неужто здесь водится счастье?

Вдруг Мальвина услышала за собой легкие шаги. По набережной бежала маленькая барышня в клетчатой кепке и вертела розовым носиком во все стороны. Мальвина спряталась за чугунную тумбу. Пускай барышня пробежит мимо – тогда Мальвина пойдет дальше. Но барышня подбежала прямо к тумбе, заглянула за нее и сказала:

– Что же ты прячешься, душечка Мальвина? Разве ты меня не узнала?

Тут из-под розового личика барышни выглянула страшная оскаленная морда.

– Лиса! – вскричала Мальвина и опять отскочила за тумбу.

Но лиса подобралась к ней с другой стороны.

Мальвина побежала вокруг тумбы, а лиса – ей навстречу. Так они вертелись возле тумбы, а лиса приговаривала:

– Не бойся, не бойся, детка! Пойдем домой, крошка! Пойдем к нашему хозяину Карабасу!

И вдруг она перепрыгнула через тумбу и схватила Мальвину поперек туловища.

– Долго мне возиться с тобой, противная девчонка? Вот я тебе нос откушу!

У Мальвины потемнело в глазах и сердце замерло. Теперь

прощай, счастье! Прощай, папа Карло!

Лиса сунула куклу под мышку и быстро зашагала по набережной.

Как же это случилось, что лиса подкараулила Мальвину?

А вот как.

Ни лиса, ни Карабас не видели, как Мальвина упала на нижнюю палубу. Но они знали, что она приехала с детьми на пароходе.

Карабас глядел в бинокль на каждую девочку, проходившую по сходням, – не несет ли она Мальвину? Но девочки несли в руках только узелки и чемоданчики.

Одна маленькая девочка шла с пустыми руками и плакала. Карабас даже не посмотрел на нее – мало ли о чем плачут девчонки? А это была маленькая Анита, она плакала о своей пропавшей кукле. Когда же она сошла на берег, ей подарили большой букет пионов. И она перестала плакать.

Приезжих детей посадили в блестящие автомобили и повезли по набережной.

Школьники построились в колонну и пошли за ними с красными знаменами, с серебряными фанфарами. Тогда Карабас сказал лисе:

– Может быть, Мальвина осталась на пароходе, а может быть, дети увезли ее с собой в каком-нибудь чемоданчике. Ты останься здесь и пригляди за пароходом, а я побегу – узнаю, куда повезли детей.

Карабас спрятал бороду под пальто, застегнул пуговицы

покрепче и побежал за колонной школьников. А лиса спряталась за афишный столб. Стоит, читает афиши, а сама поглядывает на пароход.

Набережная опустела.

На пароходе убрали сходни. Наступили светлые весенние сумерки.

И вдруг лиса увидела, что по канату над водой скользит что-то розовое. Как будто ветер придул к канату розовый цветок и тихонько его шевелит.

Но никакого ветра не было.

– Эге, – сказала лиса. – Знаем мы, какой это цветочек!

Она подождала, пока Мальвина сошла на берег, и тогда пустилась за ней вдогонку.

Теперь лиса гордо шла по набережной, похлопывала Мальвину лапой по голове и думала: «Ну, одно дело сделано. Мальвина в наших руках. Теперь остается только поймать мальчишек. Эх, господин Карабас, что бы вы стали делать без моей помощи?..»

Глава одиннадцатая. О заботливых людях и о догадливой собаке

Лиса подошла к трамвайной остановке. Тут было мало народу: худой мужчина с портфелем под мышкой, румяная женщина в белом беретике и курносый мальчик. Этого мальчика звали Костя. Румяная женщина приходилась ему теткой, и он провожал ее до трамвая. А худой мужчина был сам по себе.

Лиса скромно остановилась возле рельсов и стала ждать трамвая. Никто бы не подумал, что это лиса. Стоит себе маленькая барышня, держит куклу под мышкой. Верно, везет ее своей маленькой сестренке. Глазки у куклы синие, губки красные. Никто бы не догадался, что у Мальвины сердце разрывается от горя. Да никто и не смотрел на нее.

Худой мужчина задумался, уставив глаза на рельсы. А тетка с племянником глядели вдоль набережной и смеялись.

Там бегала большая серая собака.

Это была овчарка. У нее были сильные, высокие ноги, крепкая грудь и торчащие ушки над черной как уголь мордой. Видно было, что она бежит тут для своего удовольствия – то воробьев спугнет, то вскочит передними лапами на парапет и лает на проходящий парходик, то как пустится бежать по панели большими прыжками!

Весело было на нее смотреть.

– Я знаю эту собаку! – сказал Костя. – Ее зовут Друг. Она живет в нашем доме у доктора Николая Ивановича. Она ходит с хозяином на военные занятия и учится ловить шпионов.

– Какая умная! – сказала румяная женщина и позвала: – Друг! Друг! Поди сюда!

Но Друг остановился и понюхал воздух. Потом он побежал по панели, опустив нос к земле, – сначала в одну сторону, потом в другую. Потом он завертелся вокруг тумбы и вдруг помчался прямо к трамвайной остановке. Зубы у него оскалились, глаза горели.

– Ах! – вскрикнула румяная женщина и схватила Костю за рукав.

Друг налетел на барышню с куклой и повалил ее на землю. Барышня извернулась, подпрыгнула и метнулась в сторону. Друг снова ринулся за ней, бросил на мостовую и схватил зубами за горло...

Тут все трое – худой мужчина, румяная женщина и мальчик Костя – кинулись на Друга. Мужчина выронил портфель и вцепился руками в ошейник собаки, женщина била Друга по голове своей сумочкой и кричала: «Пусти, пусти, негодный!», а Костя тащил собаку за хвост и орал: «Помогите!»

Да разве овчарка отпустит свою добычу? Друг злобно рычал, прижав уши. И крепко держал барышню за горло. А барышня еле дышала, раскинув на мостовой ручки в зеленых перчатках.

Со всех сторон сбегались люди.

Кажется, никого не было на набережной, а тут откуда набрался народ! Кто кричал, кто свистел, засунув в рот два пальца, кто помогал тузить собаку!

В это время хозяин Друга доктор Николай Иванович сидел в своей комнате у открытого окна и читал книгу. Услышав лай Друга и крики людей, он выскочил в окно. И в два прыжка очутился возле собаки.

– Назад, Друг! Слышишь, назад! С ума ты сошел! – крикнул он и рванул ошейник.

Услышав команду, собака разжала зубы. Хозяин оттащил ее в сторону. Но Друг снова рвался к барышне, лаял и чуть не валил доктора с ног. Тем временем барышню подняли с мостовой. Худой мужчина и румяная женщина подхватили ее под руки и спрашивали наперебой:

– Он укусил вас? Ушиб? Идти можете? А то вызовем «скорую помощь»? Эй, бегите кто-нибудь к телефону!

– Я побегу! – крикнул Костя и пустился бегом по улице.

– Не надо! – взвизгнула барышня, да так звонко, что Костя застыл на бегу. – Не надо мне «скорой помощи»! Я сама пойду! Пустите меня!

Она оглянулась вокруг себя, будто искала что-то.

– Отведите ее в аптеку! – сказал старичок в чесучовом пиджаке. Он ехал на велосипеде, но, услышав крики, спешил и вел велосипед рядом. – Видите, ей не по себе! В аптеке ей дадут капли и посмотрят, не укусила ли ее собака!

– Не укусила! Нет, не укусила! – вскрикнула барышня и опять огляделась.

– А вы не можете знать, укусила или не укусила! – сказал старичок. – Нужно, чтобы вас осмотрели. Бывает, маленькая, еле заметная царапинка от зубов собаки, а человек может от нее погибнуть. Особенно, если собака бешеная!

– А она, наверное, бешеная! – вскрикнула румяная женщина.

– У нее глаза так и горели!

Тут все заговорили разом, замахали руками, стали ругать доктора. С ума он сошел, что ли? Такую собаку без намордника выпустил! Да она всех могла перекусать!

– Оштрафовать его надо, ирода! – крикнула женщина в синем рабочем халате и стукнула метлой оземь.

– Правильно гражданка! Меня оштрафуют – и за дело! – отозвался доктор. – А вам, барышня, необходимо сделать прививку! Погодите минутку, я отведу собаку домой и сейчас вернусь! Я отвезу вас в институт!

Доктор потащил Друга к дому. А тот обиженно визжал и упирался. Костя подталкивал собаку сзади. Мальчику хотелось узнать, правда ли, что Друг взбесился? Уж очень было жаль собаку!

Тем временем к остановке медленно подошел трамвай. Вожатый трезвонил во всю мочь. Худой мужчина оглянулся и ахнул: поперек рельсов лежал его портфель! Мужчина выпустил барышню и бросился поднимать портфель. Барышня

ловко вырвалась из рук румяной женщины, подбежала к вагону и вскочила на площадку.

– Стой! Стой! – крикнул старичок. Но кондукторша уже дала звонок, и вагон тронулся. Тут все они: худой мужчина, румяная женщина, старичок с велосипедом и женщина с метлой – кинулись к вагону.

– Дайте нам ваш адрес! К вам доктор домой приедет! Вам сделают прививку! Говорите скорее, где вы живете?

– Нигде! – крикнула барышня, высунувшись в окно. – Я нигде не живу! – И она спряталась за пассажиров.

– Да остановите же вагон! – кричал старичок.

Но вожатый не слышал и увеличивал скорость. Вагон удалялся, позванивая и грохоча.

– Вот какая несознательная барышня! – сказал худой мужчина и развел руками.

– Просто бешеная! – рассердилась женщина с метлой. – Нигде не живет! Как это может быть – нигде?

– Уж очень она испугалась! – сказала румяная женщина. – Это у нее от испуга все в голове перепуталось!

– Знаете что? – сказал старичок. – Пойдемте все в милицию и расскажем, как было дело. Пускай ее милиция найдет. Ведь нужно же ей сделать прививку. Нельзя допустить, чтобы она погибла от своей несознательности.

Тут все четверо пошли скорым шагом в милицию.

Доктор Николай Иванович и мальчик Костя втащили Друга в дом и заперли его в темный чулан. Потом доктор посмотр-

рел в окно и удивился:

– Где же эта гражданка?

У остановки уже никого не было. Вдалеке на мосту виднелся уходящий трамвай.

– Ее, верно, моя тетя в институт повезла! – сказал Костя.

– Мы с ней ездили туда прошлым летом, когда меня деревенские собаки укусили. Тетя всех там знает!

– Ну и ладно! – сказал доктор. – В таком случае я отведу Друга на ветеринарный пункт. Ему тоже надо сделать прививку!

Друг покорно позволил надеть на себя намордник и прицепить сворку к ошейнику. Но он не глядел на хозяина, не вилял хвостом. Он был обижен. Ведь он поймал сегодня лису и надеялся, что его похвалят за это. А его обругали бешеным и побили! Что за несуразные люди!

Едва они вышли на улицу. Друг опять забеспокоился. Заскулил, натянул сворку и потащил хозяина за собой.

– Посмотрим, куда он вас поведет! – сказал Костя.

Они оба пошли за собакой.

Друг опустил нос к земле, повертелся вокруг тумбы и побежал к трамвайной остановке. А потом вдруг повернул назад к парапету и так припустил ходу, что хозяин еле поспевал за ним. Там на панели были сложены доски. Друг подбежал, сунул нос между досками и гранитной стенкой да как залает!

– Ну что там? Крыса, что ли? – спросил хозяин. – Некогда нам возиться с крысами! Пойдем, Друг!

Но Друг не слушался. Он то царапал доски передними лапами, то отскакивал назад и весело лаял. Ушки у него торчали вперед.

Глаза были любопытные. Видно, за досками было что-то интересное!

– погоди! – сказал Костя, сунул руку в щель и вытащил...

Ну, вы, конечно, догадались, кого он вытащил? Мальвину.

Она убежала и спряталась за досками, пока люди оттаскивали Друга от лисы.

Платице на ней измялось, волосы растрепались, ручки были подняты кверху с мольбой.

– Кукла! – ахнули оба, и доктор, и мальчик. А Друг скакал вокруг и лаял от радости.

Костя поставил куклу на парашют, чтобы лучше ее разглядеть.

Тут Мальвина нагнула головку набок и запела тоненько:

Было очень грустно мне:
Счастья нет в моей стране!
Потому-то в край чужой
И приплыл кораблик мой!

– Подумайте! В этой кукле музыкальный механизм! – сказал доктор. – Какая замечательная игрушка! Что мы сделаем с этой находкой?

– Я знаю! – сказал Костя. – Я отнесу ее во Дворец пионеров! Нужно, чтобы все наши ребята посмотрели на эту куклу

и послушали, как она поет! Не грусти, милая куколка: там тебе будет хорошо!

Он взял Мальвину на руки, и они пошли через мост. Друг бежал впереди, натягивая сворку.

Тем временем лиса добралась до квартирки Марьи Ивановны и рассказала Карабасу свое приключение.

– Где же Мальвина? – заревел Карабас.

– В том-то и дело, что не знаю где! – огрызнулась лиса. – Да найдется ваша Мальвина, не горюйте! Скажите спасибо, что я от тех граждан ноги унесла! Ведь если бы они повели меня на прививку, пришлось бы мне снять пальто и перчатки! И все увидели бы, кто я такая! И заперли бы меня в клетку в зоологическом саду! Ух, натерпелась я страху.

– Ну и город! Ну и люди! – проворчал Карабас. – У нас хоть десять собак на человека кинутся – никто не пошевелится! А тут далась им эта прививка!

Он запустил пятерню в свою сизую бороду и задумался.

Глава двенадцатая. О том, как Карабас сидел на крыше

На другое утро за завтраком Карабас сказал лисе:

– Ступай на набережную, поищи Мальвину! Ты ее потеряла, ты и найди!

– Ну уж нет! – огрызнулась лиса, допивая кофе. – Я на ту набережную и носа не покажу! Мне своя шкура дороже! Ищите Мальвину сами как знаете!

– Трусиха! – рывкнул Карабас и так стукнул кулаком, что у столика ножка подломилась.

А лиса и ухом не повела, нацепила свою розовую масочку, надела кепку, застегнула зеленые перчатки.

– Я ухожу по делу!

Карабас бросил в нее кофейником, но она увернулась, скользнула в дверь и пошла в магазин. Она решила купить себе новую косыночку. Ее зеленый шарфик вовсе истрепался от зубов Друга.

Карабас отшвырнул стул, пнул ногой круглую скамеечку Марьи Ивановны так, что она отлетела вверх тормашками, и сдернул с вешалки пальто.

Он собрался сам пойти на набережную – искать Мальвину. Нахлобучил шляпу, шагнул к двери, и тут его обуял страх. А что, если та проклятая собака опять бежит по набережной? А что, если она бросится и схватит его за горло? У

него даже холодный пот выступил на лбу. Он упал в кресло и задумался: «Идти или не идти?»

Вдруг что-то скрипнуло и заскреблось под окном. Карабас вздрогнул и оглянулся. В окно прямо на него смотрела черная бархатная мордочка с зелеными глазами.

– Мья-у! – сказала мордочка.

– Брысь, окайнная! – заорал Карабас. – Тебя только не хватало!

Он швырнул в кошку цветочным горшком. Кошка прыснула прочь, только хвост мелькнул в воздухе. А горшок грохнулся по железу и раскололся. Черный комочек земли покатился по крыше вместе с кустиком герани. Герань махала листочками, будто звала: «Помогите! Помогите!» Но Карабас даже не взглянул на нее.

Кустик застрял на краю желоба.

Карабас стоял у окна и думал: «Идти или не идти?» За окном шумел город. Гремели трамваи, завывали гудки автомобилей, громкоговорители сыпали из глоток множество слов.

Вдруг вдалеке послышался рокот. Он приближался, возрастал, заглушал городские шумы и наконец заполнил собой весь воздух.

Над городом плавно летела тройка самолетов.

– Ах я, остолоп! – воскликнул Карабас. – Да как же я забыл, что мне нужно караулить все пролетающие самолеты? А то мы прозеваем мальчишек! Никуда я сегодня не пойду!

Он вылез на крышу, уселся возле трубы и стал смотреть

на небо в большой бинокль. Не покажется ли над дальними крышами маленький самолетик с зеленой надписью «Театр Буратино»?

Черная кошка уже сидела напротив в чердачном окне, глядела на Карабаса сердитыми глазами и думала: «Откуда такой явился?»

Она жила в соседнем доме, а к Марье Ивановне ходила в гости. Марья Ивановна звала ее Мусенькой и всегда давала ей молоко на блюдечке. И никто не швырял в Мусеньку цветочными горшками!

На другой день с утра Карабас опять вылез на крышу с биноклем и сидел там до позднего вечера. Так и повелось у них: лиса ходила за покупками, вынюхивала, выслеживала в городе, не узнает ли что-нибудь про Мальвину, Карабас торчал на крыше и караулил пролетавшие самолеты, а Мусенька сидела в чердачном окошке и следила за ним зелеными глазами.

Однажды ей так надоело на него смотреть, что она свернулась клубочком и зажмурилась. Под уличный гул и грохот сладко дремалось.

Вдруг Мусенька насторожила уши. Сквозь городской шум ей слышалось какое-то жужжание, стрекотание, какой-то серебристый звон. Как будто большая стрекоза летела над крышей.

И вот над серыми башнями нового Дворца культуры сверкнула в небе серебряная искра. Она приближалась и

росла.

Это был маленький серебряный самолетик.

Тут по крыше прокатился такой шум и гром, что воробьи стаями взлетели с соседних домов. У Мусеньки вся дрема прошла. Это Карабас, сидя у трубы, колотил каблучищами по железу и рычал:

– Это они! Пропади я на месте – это они! Я их догоню, я их поймаю, я их в бараний рог скручу!

Самолетик пролетел над соседней улицей в ту сторону, где между крышами виднелись зеленые верхушки лип, и скрылся за высоким зданием новой школы.

Карабас вскочил, прогремывал по крыше и прыгнул в комнату, сбросив на пол все цветы.

Потом Мусенька услышала, как он с треском захлопнул дверь и протопал по лестнице вниз. Она зевнула, выгнула спину горбиком, потянула сначала передние, потом задние лапки и не спеша подошла к окошку.

Ну и разгром был в квартирке у Марьи Ивановны! Стол скособочился, присев на сломанную ногу. Стул лежал на боку раскорякой с выбитым сиденьем. У кофейника из разбитого носа ползла черная гуща. Круглая скамеечка запрокинулась в глубоком обмороке. А помятые, растоптанные цветы герани валялись на полу среди битых черепков и комьев земли.

Мусенька, осторожно ступая лапками, пробралась в комнату и вспрыгнула на кресло. Еще недавно это кресло было

мягкое, удобное, чистое. А теперь? Спинка отвалилась, из сиденья торчали пружины, чехол был измазан ваксой, залит кофе, забрызган чернилами! Видно, Карабас недаром на нем посидел!

— Ну и дела! — сказала Мусенька и сморщила носик. — Это что же? Новый жилец так безобразничает?

— Не говорите! — охнуло кресло. — Никакого с ним сладу нет!

— Бу-бу-бу! — заворчал старый комод. — Он в меня пнул сапожищем! А что я ему сделал?

— За что он нас сломал? — взвизгнули сахарные щипцы. — Кто будет теперь колоть сахар?

А красные цветочки герани заплакали тоненько и жалобно:

— Мы ничего дурного не делали! Мы только цвели и радовались солнышку! За что он нас погубил?

Тут все вещи в комнате заговорили разными голосами, стали жаловаться и бранить Карабаса. Его секретарша еще ничего, аккуратная барышня! А от него никому житья нет! Бьет и ломает все кругом! Хоть бы убрался он поскорее во-вояси!

— А вы его сами уберите! — посоветовала Мусенька и принялась умываться.

Тут с треском и громом раскрылся узорчатый домик на старинных часах, из него выглянула желтая кукушка и сказала:

– Ку-ку! Послушайте, что я скажу!

Вещи притихли, а Мусенька даже перестала лизать лапку и замерла с высунутым язычком.

Все в доме уважали старую кукушку.

– Я живу на свете полтора ста лет! – сказала кукушка. – Я видела вещи, которые вы, молодежь, помнить не можете! Это было давным-давно. Мои часики были еще совсем новенькие, а на домике еще блестела позолота. Теперь она стерлась!

Кукушка вздохнула, и в горле у нее скрипнула пружинка. Вещи терпеливо ждали. Все знают, как грустно старикам вспоминать свою молодость!

– Мы висели тогда в спальне в большом помещичьем доме, – продолжала кукушка. – В доме был барин, такой же толстый, с красным лицом и злой, как наш жилец. Целый день он сидел в кресле, одетый в засаленный халат, и пил водку или, выпучив глаза, курил длинную-предлинную трубку. Целый день возле него на коленях стоял мальчишка-казачок. Он наливал барину водку в стакан, набивал трубку и разжигал табак угольком. Барин то и дело давал ему подзатыльник, а иной раз бил его смертным боем.

– Вот злодей! – ахнули все вещи в комнате.

– Попался бы он мне в лапки! – проворчала Мусенька.

– Слушайте дальше! – сказала кукушка. – Однажды барин послал мальчика на кухню за соленым огурцом, а сам задремал, сидя в кресле. Трубка выпала у него из рук, горячий табак высыпался на ковер. Ковер-то и затлел... Входит маль-

чик с огурцом на тарелочке и видит: спит барин в кресле, трубка уронена, а в ковре – черная дыра... Растет дыра, бегают по ее краям бойкие огоньки... Охнул мальчик, затрясаясь весь: «Оторвет он мне голову за этот ковер!» Поставил тарелку на стол, распахнул окошко и выпрыгнул в сад! Только его и видели! Из окошка подул ветром. Язычки пламени вспыхнули, лизнули халат барина, побежали по обивке кресла. Пуховая подушка загорелась, затрещала... Очнулся барин весь в огне! Заорал он страшным голосом, заметался по комнате, а кругом уже все пылало... Пожар был такой, что весь дом сгорел. Люди прибежали – немного вещей вынесли. Вот и меня с часиками спасли, только у меня одно крыло обгорело! Видите – это с тех пор!

Кукушка повернулась боком, и все с почтением поглядели на ее обгорелое крылышко.

– А барин? – спросила Мусенька.

– Барина со всех сторон обожгло! – ответила кукушка. – Он потом уехал в чужие края и больше не вернулся на старое место. Вот и пришло мне в голову, что наш новый жилец – точь-в-точь тот стародавний барин! Они одной породы! Нам таких жильцов не нужно! Верно я говорю?

– Верно! Верно! – закричали вещи.

– Ну вот! – сказала кукушка. – Вы знаете, что мы, вещи, слушаемся только аккуратных людей, которые любят порядок. А с неряхами и безобразниками мы можем сделать все, что захотим!

Так давайте сговоримся и выгоним Карабаса из дома, пока секретарши нет!

– Давайте подожжем дом! – крикнула спичечная коробка и подпрыгнула так, что в ней спички забренчали.

Но вещи боялись пожара. Им не хотелось сгореть в огне. Нет, этот способ не годился!

– Давайте утопим Карабаса! – сказал графин с водой. – Откроем в кухне водопровод и устроим наводнение!

Это тоже никому не понравилось. Зачем портить квартиру Марьи Ивановны? У старушки ревматизм, она потом заболит от сырости. Нужно придумать что-нибудь другое!

– Придумай, Мусенька!

Мусенька почесала себе ушко задней лапкой, потом зевнула, потом лизнула себе плечико и сказала:

– Лучше я расскажу вам сказочку. Это сказочка братьев Гримм. Я слышала, как Миша читал ее вслух Марье Ивановне, и постаралась все запомнить. Мало ли что случится, – а и сказочка пригодится!

Мусенька улеглась, сложила лапки муфточкой и замурлыкала. Она мурлыкала и поглядывала на всех лукавыми, прищуренными глазками.

И когда она досказала свою сказочку, комод затрясся от смеха, так что из него чуть ящики не вывалились, стул задрыгал ногами, вся посуда забренчала, а кукушка от радости сорок раз прокуковала свое «ку-ку».

Вот как им понравилась сказочка!

Они принялись готовить Карабасу веселую встречу.

Глава тринадцатая. О смелых парашютистах и разумной пионерке

В это время на соседней улице, в садике перед школой, сидела девочка. Ее звали Майя. Ей было одиннадцать лет, и она была пионеркой.

Она читала сказку А.Н.Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» и ужасно сердилась на Карабаса.

– Вот гадкий драчун! Попал бы он к нам в школу, уж мы бы ему показали! Уж мы бы отобрали у него плетку! Ух, какой противный!

Майя била кулаком по картинке, где был нарисован Карабас, и читала дальше. А когда она перелистывала страницу и поглядывала вокруг, она видела белое облако в голубом небе, блестящие окна новой школы и зеленую лужайку с клумбой цветов.

Эти цветы юннаты сами высадили сегодня в черную, рыхлую землю. У Майи ногти стали совсем черные, да так и не отмылись. Ничего – отмоются! Зато какая клумба красивая!

По краю растут бело-розовые маргаритки, а посередине – анютины глазки, темные, фиолетовые и светло-сиреневые, перемешаны, как лоскутки бархата! А на верхушке клумбы посажен пион. Он еще только набирает силу. На высоком стебле тугой атласный шарик. Это бутон. Придет время – раскроется пион, пышный, розовый!

Только бы не сломал его кто-нибудь!

Майя читала сказку и нет-нет да поглядывала на клумбу. И вот ей захотелось, чтобы в пришкольном садике случилось что-нибудь волшебное. Чтобы Буратино и Пьеро выбежали со смехом на зеленую лужайку! Чтобы пудель Артемон погнался за белой бабочкой! Или чтобы маленькая Мальвина в розовом платьице подошла к пиону и, встав на цыпочки, поглядела бы на тугой бутон!

Вдруг что-то зажужжало, застрекотало вдали, и послышался серебристый звон. Словно большая стрекоза, трепеща крылышками, летела над лужайкой. Все ближе, все громче стрекотание, и видит Майя: над школьной крышей летит серебряный самолетик. Обогнул верхушки лип, летит над садиком... Майя вскочила, прикрыла глаза от солнца.

– Неужто это наши авиамоделисты такой самолетик запустили? Ну и молодцы! Как он высоко летит, как долго держится в воздухе!

Вдруг на крыло самолетика вышли два летчика.

– Ах! Это не модель! – вскрикнула Майя и выронила книжку.

– Это настоящий маленький самолетик!

И вот летчики спрыгнули с крыла... Тотчас же над ними раскрылись радужные парашютики. Они плавно поплыли вниз. Все ниже плывут, все ближе... Теперь можно разглядеть летчиков.

Один – черный, курчавый, и хвост болтается по воздуху.

Другой в красной курточке, худой, ножки как спички...

Дунул ветер и понес летчиков прямо на цветочную клумбу.

– Они сломают наш пион! – крикнула Майя и бросилась к цветам. И тотчас же остановилась. Ей стало стыдно.

«Пускай сломают, лишь бы сами не расшиблись!» – подумала она.

А летчики упали прямо в анютины глазки. Один парашютик застрял в листе пиона, а другой еще летел над землей, таща за собой маленького человечка.

– Нужно поскорее отцепить парашют! А то летчики пострадают! – решила Майя. Она подбежала к цветам, поймала оба парашютика и оборвала на них все веревочки.

Маленький человечек в красной куртке сидел посреди анютиных глазок, протянув ножки, и вертел носом во все стороны. А перед ним стоял черный пудель и тыкал его мордой в ухо, будто спрашивал: «Ты не ушибся?»

Майя взглянула на них и засмеялась от радости.

– Это Буратино! А это пудель Артемон! Я только что про вас читала! – сказала она.

Буратино вскочил на ноги и приподнял свой желтый колпачок.

– Вы совершенно правы, благосклонная принцесса! Это мы! Но скажите нам, пожалуйста, как зовется ваше королевство? Мы сбились с дороги и не знаем, куда залетели?

Тут Майя расхохоталась.

– Да откуда вы взяли, что я принцесса? Я совсем простая девочка. Меня зовут Майя. У нас ни принцесс, ни королей и в помине нет!

Пудель радостно взвизгнул, но Буратино дернул его за ухо – молчи! – и покосился глазами на новую школу.

– А разве это не дворец? Разве это не королевский цветник?

– Да нет же, это наша новая школа! – сказала Майя. – Я в ней учусь. У нас в Ленинграде много новых школ. А цветы мы сами высадили сегодня на грядку. Пожалуйста, сойдите на дорожку, если вы не ушиблись. А то анютины глазки помнутся!

Тут Буратино и Артемон соскочили на дорожку и принялись прыгать и плясать как безумные. Они так подкидывали ноги и вертели головами, так весело визжали, что сразу было видно – ничуть они не ушиблись!

Буратино кричал:

– Как я рад, как я рад, – Значит, это Ленинград!

А пудель просто завывал от восторга. Майя уселась на траву и хохотала, глядя на них. Потом они бросились к ней. Пудель лизнул ее в щеку, Буратино обнял ее шею своими деревянными ручками и сказал:

– Мне очень нравится в Ленинграде!

– Вот и хорошо! – сказала Майя. – Только знаете, что? Давайте говорить друг другу «ты». А то, когда я говорю «вы», мне все кажется, что я отвечаю урок учителю.

– Прекрасно придумано! – крикнул Буратино. – Скажи, Майя, ты не видела здесь нашу Мальвину?

– Ой! – воскликнула Майя. – Где Мальвина? Я так хочу с ней познакомиться! И с Пьеро, и с папой Карло тоже! Где они?

Она оглянулась – не идут ли по садику друзья Буратино? Но вокруг никого не было.

Только две бабочки вились над маргаритками, да вдалеке, против ворот школы, какой-то толстяк в шляпе трубой читал газету.

– Где же Мальвина? – повторила Майя.

– В том-то и дело, что мы не знаем, где она. погоди, Майя, я расскажу тебе все по порядку!

Буратино уселся на траве, вытянул ножки, прислонился к курчавой спине Артемона и стал рассказывать. Пудель подмаргивал глазами, кивал головой, повизгивал, словно говорил: «Вот, вот, так оно и было!»

Едва Буратино рассказал о том, как тарабарские врачи отказались лечить папу Карло, Майя вскочила на ноги.

– Идем, идем скорее в «Скорую помощь»! Позовем доктора к папе Карло! У нас врачи лечат бесплатно! Идем! Если человек заболел, нельзя терять ни минуты!

Она подняла с травы свою книгу, сунула ее под мышку и быстро зашагала к воротам. Буратино и Артемон бежали за ней вприпрыжку. Она говорила на ходу:

– У нас врачи хорошие! Они выезжают в автомобилях и

вылетают на самолетах чуть ли не на край света – за Полярный круг! Только бы помочь больному! Они не посмотрят, что Тарабарская страна далеко. Вы скажите им адрес, и они тотчас же поедут к папе Карло!

Они подошли к воротам. Там все еще сидел толстяк и читал газету. Желтый чемоданчик стоял на земле у его ног.

И вот, едва Майя и ее новые друзья вышли на улицу, толстяк вскочил, отшвырнул газету и растопырил руки.

– Карабас! – вскрикнул Буратино и, не успев шагнуть, замер на одной ноге.

Артемон ошетинился, а Майя невольно попятилась. Живой Карабас был еще страшнее, еще противнее, чем на картинке! Глаза злые, налитые кровью, нос лиловый, как слива, борода огромная, грязная, вся в клочьях!

– Да-с! Карабас! Своей собственной персоной! – сказал Карабас хриплым голосом. – Где же ты пропадал, дружок Буратино? И не стыдно тебе убегать от хозяина? Ай-яй-яй!

Тут он ощерил свои противные, гнилые зубы, нагнулся и схватил Буратино поперек туловища.

– Пусти! – крикнул Буратино. – Ты мне не хозяин!

– Пустите его! Маленьких нельзя обижать! – крикнула Майя.

Карабас только захохотал.

– Как это «нельзя»? Вот захотел – значит, можно! – Он раскрыл чемодан и стал заталкивать в него Буратино.

– Ой-ой-ой! – кричал Буратино, вертясь, как волчок, от-

бываясь ногами и руками. Майя хватала Карабаса за руки. Артемон вцепился в рукав злодея и трепал его что было мочи. Но ничто не помогло! Карабас затолкнул Буратино в чемодан!

– Помоги, Майя! – крикнул Буратино в последний раз, и замок защелкнулся у него над головой.

Майя дернула чемодан к себе.

– Выпусти его, Карабас! Выпусти сейчас же! Ты не имеешь права его запирасть!

– Прочь с дороги, девчонка! – заревел Карабас и оттолкнул Майю так, что она упала на мостовую, а потом пнул пуделя своим сапожищем.

Артемон, визжа, покатился по земле. Тогда Карабас подхватил чемодан и большими шагами пустился наутек. Только его и видели!

Майя сидела на мостовой и рассматривала свою руку: из ссадины сочилась кровь. Девочка завязала руку носовым платком и хотела встать на ноги. Но тут оказалось, что колено у нее тоже разбито: кожа как теркой содрана.

Артемон подошел, припадая на одну лапу, и ткнулся мордой в ее плечо.

– Тебе больно, Майя?

– Это ничего, что больно! – сказала Майя и встала. – Нет, зачем он утащил Буратино? Нужно поскорее освободить мальчика! А то он задохнется в чемодане!

Майя подняла с земли книжку и позвала пуделя. Прихра-

мывая и ковыляя, они пошли по улице. Далеко на перекрестке виднелся милиционер.

– Давай расскажем ему все! – сказала Майя.

Пудель завилял хвостом.

Глава четырнадцатая. О том, как Карабас сражался с вещами

Карабас вспотел и запыхался от бега. Отдуваясь, ввалился он в квартирку Марьи Ивановны. Поставил чемодан на пол и чуть-чуть приоткрыл щелку.

– Ау, дружок Буратино! Хорошо ли тебе там? Вот погоди, я тебя в бараний рог согну! Станешь ты у меня послушным, шелковым...

– Не стану! – крикнул Буратино. – Я от тебя убегу!

Тут Карабас захлопнул чемодан и даже уселся на него сам, чтобы Буратино не выскочил.

Вдруг он вытаращил глаза от удивления. Лисы нет дома, а в квартирке все прибрано. Стулья стоят на местах, цветы красуются на окошке, а на столе – заманчивый завтрак: горячая яичница на сковородке, белые румяные булочки, свежий кофе, а в графине – чистая холодная вода!

Все это приготовила Мусенька. Ведь кошки любят похозяйничать, когда никого нет дома! Теперь Мусенька сидела на шкафу и поглядывала на Карабаса из-за шляпной коробки. Глазки у нее были как зеленые огоньки.

Карабасу захотелось есть. Он сунул чемодан в угол, а сам шагнул к столу и уселся в кресло.

Да как вскочит, да как заорет: «Оох! – будто его ужалила змея.

Но это была не змея, а простая обеденная вилка с острыми зубьями. Она лежала на кресле, спрятавшись в чехол. Она-то и уколола Карабаса.

Карабас зарычал и швырнул вилку на пол. Она звякнула, будто рассмеялась, а кукушка выглянула из своего домика и сказала:

– Ку-ку!

– Фу, черт! – проворчал Карабас.

Ему захотелось выпить холодной воды. Но едва он нагнул графин над стаканом, вода брызнула ему в нос, облила щеки и бороду, потекла за шиворот... А графин со стаканом давай приплясывать!

Снова выглянула кукушка и сказала:

– Ку-ку!

– Эй, перестань куковать! – обозлился Карабас. – Вот я тебя!

Он схватил салфетку и стал вытирать бороду. Но из салфетки выскочила круглая тяжеленькая ложка и так стукнула его по лбу, что искры из глаз посыпались!

Опять выглянула кукушка и в третий раз сказала:

– Ку-ку!

Что тут началось! Кофейник, чашки, тарелки все завертелось, запрыгало, забренчало на столе. Булки взлетели, как птицы, прямо на голову Карабасу и давай его шлепать по макушке, по носу, по щекам своими пухлыми боками! А яичница отделилась от сковородки, извернувшись да как бросится

ему в лицо и сразу залепила и нос, и рот, и глаза!

Без памяти вскочил Карабас и кинулся к двери. Но тут со шкафа прыгнул ему на плечи черный, страшный зверь с горящими глазами и вцепился когтями в затылок!

Карабас упал. Он зажмурил глаза, заткнул уши, лежал на пороге и выл от страха!

А вещи ликовали. Стулья прыгали чуть ли не до потолка, шкаф хлопал дверцами, кукушка куковала, а обеденный ножик сорвался со стола, поскакал в угол и с треском распорол бок чемодана!

Буратино вылез на волю, завертелся от радости и крикнул:
– Я говорил, что убегу!

Карабас потянулся было схватить его, но Мусенька ошенилась, выгнула спину и так фыркнула ему в лицо, что он опять завопил от страха и упал ничком на пол!

– Сюда, Буратино! К нам, Буратино! Миленький Буратино! – пели цветочки герани. – Вылезай в окно, беги по крыше, он тебя не догонит!

– Спасибо за совет! – крикнул Буратино и полез на подоконник.

– Я тебя провожу! – сказала Мусенька, вспрыгнула на окно и протянула лапку, чтобы помочь ему влезть.

– Скорее! Торопитесь! – закричали вещи со всех сторон. Кто-то поднимается по лестнице! Кто-то подошел к двери!

Буратино и Мусенька вылезли в окно на крышу. Вдруг в

передней негромко и ласково щелкнул замок. Вошла лиса, вся обвешанная коробками, пакетами, и споткнулась на пороге.

Карабас лежал на полу и стонал:

– Буратино... Лови Буратино... Он на крыше...

Лиса бросила свои пакеты и как молния метнулась к окошку. Буратино был уже у трубы, перелезал через гребень крыши. Мусенька прыгнула в чердачное окно – только хвост мелькнул в воздухе.

Ведь даже самая умная кошка не справится с лисой!

Лиса схватила Буратино и притащила его обратно в комнату. Потом оборвала шнур у оконной занавески, крепко-накрепко обмотала мальчика шнуром и бросила его в кресло.

Так он лежал связанный и не мог пошевелиться. Только вертел носом во все стороны и шептал:

– Помогите, вещи!

Но вещи совсем притихли. Лиса любила порядок, и вещи ее слушались. Лиса подошла к Карабасу, уперлась лапками в бока и спросила:

– Что это значит?

– Ох! – всхлипнул Карабас.

– Что это значит? Я вас спрашиваю, синьор Карабас? – рассердилась лиса. – Стоило мне уйти на полчаса, как вы натворили глупостей!

– Они на меня напали! Они меня изувечили! – хныкал Карабас.

Он рассказал лисе, как было дело.

– Хорош герой! Булок испугался! – фыркнула лиса и повела его умываться.

А бедный Буратино лежал в кресле, весь обмотанный шнурком, как катушка ниткой! Мусенька опять подкралась к окну и подмигнула ему из-за цветочных горшков.

– Беги скорее! Беги на крышу! Я тебя провожу!

Но Буратино не мог пошевелить ни ручкой, ни ножкой. Он лежал и думал, что с ним дальше будет.

Карабас умылся и расчесал бороду. У него весь страх прошел.

Он злобно поглядывал вокруг.

И вот, когда захрипели часики, раскрылся узорчатый домик и кукушка собралась трижды сказать «ку-ку», потому что было уже три часа, Карабас подскочил к часам. Он с силой дернул гирьки и выломал маятник. Часы звякнули со стоном. В них порвалась пружинка. Кукушка скрипнула и замерла, скосившись набок.

– Больше не покукуешь! – сказал Карабас и швырнул маятник в угол.

Потом он подошел к креслу, где лежал Буратино, и щелкнул мальчика по носу.

– Хо-хо! Недалеко же ты, дружок, убежал! А вот, чтобы тебе больше не бегать, я сейчас и голову, и ручки, и ножки тебе отрежу! Эй, лиса! Поддай сюда ножик!

Лиса принесла ему большой нож. Он стал точить нож о

подошву, поплевывал на него, пробовал лезвие пальцем и приговаривал:

– Положим мы голову в одну коробочку, ножки – в другую, ручки – в третью! И так отвезем Буратино домой! А когда он станет послушным, шелковым, можно будет его собрать и пустить побегать!

Буратино лежал ни жив ни мертв. Только слезы капали у него из глаз. Вот лиса взяла мальчика в лапы и подала Карабасу. Вот Карабас занес нож...

Вдруг в передней раздался звонок, да такой звонкий и веселый, что чашки на столе задребезжали в ответ.

Карабас опустил руку с ножом.

– Ну, кто там еще? Сходи погляди, лиса!

Лиса бросила Буратино на кресло и побежала к дверям.

– Здесь живет Карабас? – спросил громкий, ясный голос.

– Здесь! – ответила лиса. – Но его, к сожалению, нет дома.

– Ррр... Гав, гав, гав! – послышался сердитый собачий лай, а тонкий голосок – голосок девочки – крикнул:

– Да вот же он стоит у окна! Он самый... И борода такая, как на картинке!

– Майя! Артемон! – завопил Буратино что было мочи.

Майя и Артемон ворвались в комнату, оттолкнув лису. Майя схватила Буратино на руки и принялась распутывать его ножки.

– Как они тебя скрутили, злые, негодные! Ах ты бедненький мой.

Пудель лизал деревянное личико Буратино. Тот плакал и смеялся от радости. А перед Карабасом стоял милиционер.

Карабас нагнул голову как бык, вытаращил свои злые глаза и рявкнул:

– Что вам нужно? Ступайте вон!

Он уже забыл, что только что валялся на полу и выл от страха... Он опять хорохорился.

«Ну и морда!» – подумал милиционер, и ему захотелось плюнуть. Но он был очень воспитанный. Он взял под козырек и сказал:

– Гражданин Карабас, предъявите ваш паспорт!

– Вот еще! – крикнул Карабас. – Да вы знаете, кто я такой?

Он надулся так, что каждый волосок в его бороде встал дыбом.

Но милиционер и глазом не моргнул.

– Кто бы вы ни были, хоть и самый замечательный человек на свете, вы обязаны предъявить мне паспорт. Такой у нас порядок!

– Да вы что? – заорал Карабас. – Да я вас в порошок сотру! Духу вашего здесь не останется, ворон костей не соберет! Вон отсюда, пока цел!

Он заложил руки за спину и боком пошел на милиционера, страшный, противный, весь в клочьях сизой бороды! Бывало, тарабарские жители падали замертво, увидев такое чудище! Майя присела на корточки, прижимая к себе Буратино, пудель поджал хвост и дрожал. А милиционер и ухом

не повел.

– Не расстраивайтесь, гражданин. Вам это вредно. Вон вы как покраснели! Давайте сюда ваш паспорт. Мне некогда.

– А-а-а! – заорал Карабас и, подняв кулачищи, бросился на милиционера. Но тут лиса схватила его за фалды и сильно дернула назад. Он шлепнулся в кресло – да так, что пятки взлетели кверху!

– Вы с ума сошли! – шепнула ему лиса. – Скорей покажите ему паспорт. А то он заберет нас в милицию. Тогда мы пропали!

– Да что ты? – испугался Карабас и стал доставать из кармана свой паспорт. А лиса заюлила перед милиционером:

– Уж вы извините, ради бога. Господин Карабас такой нервный, такой впечатлительный!

– Пожалуйста, – сказал милиционер. – А не дать ли ему валерьянки? Накапайте ему двадцать капель! – Он вынул карманную аптечку и подал лисе блестящий коричневый пузырек с розовой пробкой. А сам взял паспорт из рук Карабаса и прочел:

– «Карабас Барабас Огромная Борода, подданный тарабарского короля, директор кукольного театра... Приехал в Ленинград...» Ну, паспорт в порядке!

– А то как же? – захныкал Карабас. – И чего вы ко мне пристали, я не знаю!

– А я знаю, – ответил милиционер. – Мне нужно задать вам один вопрос. Скажите, у вас в Тарабарской стране поз-

воляется бить детей или толкать их так, чтобы они падали и расшибались?

– Это смотря по тому, каких детей... – сказал Карабас. – Бедных ребят можно толкать, а богатых деток не тронь! За это тебе попадет!

– Вон как! Хороши же у вас порядки, нечего сказать! – ответил милиционер. – А вот у нас ничьих детей, понимаете – ничьих, нельзя ни бить, ни толкать! А чтобы вы это запомнили, вот вам повестка... Придите в милицию. С вами наш начальник поговорит!

Он протянул повестку, но Карабас ее не взял.

– Да разве эта девочка – принцесса или графиня? Стану я из-за нее в милицию ходить? Ни за что! Никогда!

– Это совсем простая девочка! – сказал милиционер. – Вы ее ушибли – вас требуют в милицию, вот и все!

– Не пойду! Не пойду! – закричал Карабас не своим голосом, задрожал от злобы и, как сломанная кукла, опять повалился в кресло.

– Да что он у вас – припадочный, что ли? – спросил милиционер. – Приведите его в милицию. Там разберут, больной он или просто хулиган! А если не приведете, ему же хуже будет!

Лиса протянула лапу, чтобы взять повестку, а милиционер посмотрел на ее зеленые перчатки и спросил:

– А не вас ли, гражданка, собака покусала на набережной?

– Нет, нет! – крикнула лиса. – Не меня! Другую барышню,

совсем другую!

— Да как же другую? — Милиционер вынул записную книжку и прочел: — «Маленькая барышня в клетчатой кепке, волосы рыжие, роговые очки, на руках зеленые перчатки... покусана собакой, необходимо сделать прививку...» Сообщили очевидцы. Вы сделали себе прививку?

Тут уж лиса принялась дрожать как осиновый лист.

— Нет! Нет! Нет! — бормотала она. — Не надо прививки! Я никуда не пойду!

— А не пойдете, так я к вам врача на дом направлю! Адрес известен, — сказал милиционер. — А вы пока пейте валерьянку и ведите себя как сознательные граждане. Идем, Майя!

Он пошел к двери. Майя побежала за ним с Буратино на руках, Артемон бросился за ней.

— Погодите! — прохрипел Карабас. — Пускай девчонка отдаст куклу! Это наша кукла!

А лиса подхватила:

— Да, да! Зачем девочка взяла нашу куклу?

— Майя! — сказал милиционер и строго посмотрел на нее. — Чья это кукла?

— Да это вовсе не кукла! Это живой мальчик Буратино! Мы с ним шли в «Скорую помощь», когда Карабас на нас напал... Ведь папа Карло болен...

— Постой, постой... — сказал милиционер. — Ты отвечай прямо. Чья это кукла?

— Наша! — крикнула лиса. — Это девчонка все выдумала!

Не верьте ей!

– Нет, не выдумала, не выдумала! – сказала Майя и спустила Буратино на пол. – Это мальчик не наш, а папы Карло! Он его сам сделал. В книжке все про это написано. И вот Карабас на картинке!

Она раскрыла «Золотой ключик» и показала картинку милиционеру.

– Это сказка! – заорал Карабас. – Это писатели сочинили! А на самом деле Буратино – кукла, а не живой мальчик! Моя кукла!

И вдруг Буратино затопал ножками по полу, подошел к милиционеру и сказал:

– Да нет же, я живая кукла, дяденька! Не верь ему!

Милиционер даже попятился. Никогда он не видел живых кукол!

Он присел на корточки и спросил:

– Ты чей же такой?

– Папин! – сказал Буратино. – Мой папа Карло! А Карабас мне не хозяин! Я от него убегу.

– Ах ты хват! – рассмеялся милиционер. – Не хочешь служить у Карабаса – твоя воля! Ступай куда пожелаешь! А вы, граждане, не имеете права его задерживать!

Буратино подпрыгнул на руки Майи, и они с Артемоном выбежали за дверь. Милиционер пошел за ними, оставив Карабаса и лису в страхе.

– Дождались, – простонал Карабас. – И Буратино улизнул,

и меня в милицию требуют! Заварила каша!

– А все ваша борода! – огрызнулась лиса. – Не будь бороды, девчонка вас не узнала бы! Здесь все школьники читали сказку «Золотой ключик»! Как увидят вашу бороду, нипочем вам кукол не отдадут!

– Так обрежь ты мне ее, окаянную! – заревел Карабас. – Приедем домой, в Тарабарскую страну, я ее опять отращу! А здесь с бородой – одно мучение!

– Давно бы так! – сказала лиса. – Кстати, я вам новый костюм купила! Переоденьтесь, обрежьте бороду – никто вас не узнает!

Она достала ножницы и принялась стричь бороду Карабасу.

Вдруг он хлопнул себя по лбу.

– О-о-о! Какой же я дурак! Я совсем забыл про Пьеро! Бросай ножницы, беги за ним, – может быть, успеешь его захватить!

– Куда бежать-то? – взвизгнула лиса.

– А вот куда...

Не прошло и минуты, как лиса уже бежала по улице хвостом трубой, а Карабас сидел перед зеркальцем Марьи Ивановны и, охая и кривясь, сам кромсал ножницами свою клочковатую бороду.

Глава пятнадцатая. О том, чьи следы были на футбольном поле

А где же, в самом деле, был Пьеро? Куда девался серебряный самолетик?

Когда парашютисты спрыгнули в анютины глазки. Пьеро повел свой самолетик дальше – мимо кудрявых лип, мимо столбов для качелей – на большое открытое место. Это было футбольное поле, лежавшее за школьным садом.

Пьеро пролетел над полем и опустился в дальнем углу у высокого серого забора. Тут мальчик должен был ждать своих товарищей. Так у них было условлено.

Он вылез из кабины, размял уставшие ножки и огляделся. Под забором росли лопухи и крапива. Дальше были густые темно-зеленые кусты сирени с лиловыми бутонами на верхушках.

Кругом никого не было. Только маленькие мошки танцевали над крапивой в солнечных лучах да на листе лопуха сидела важная серая улитка. Она вытянула свои рожки и удивленно поглядела на неожиданного гостя.

Пьеро снял свой колпачок и поклонился ей и мошкам.
– Какой он вежливый! – тоненько запели мошки.

А улитка промолчала, но по всему было видно, что она довольна.

Тогда Пьеро принялся за работу. Он осмотрел свой само-

летик. Все было в исправности, только на крыльях виднелись пятна грязи да зеленая надпись «Театр Буратино» кое-где облупилась. Ведь летчики попали в бурю на Балтийском море. Их здорово потрепало. Одну ночь они ночевали на болоте.

Пьеро достал тряпочку и обтер грязь с серебряных крыльев. Потом вырвал пучок травы, протер надпись, подзеленил буквы. Потом смазал маслом все колесики самолета. Самолетик заблестел как новенький – хоть сейчас лети обратно!

Пьеро устал, ему стало жарко. Важная улитка спряталась в свой домик и уснула на солнечном припеке. Пьеро растянулся на крыле самолета, подложив под голову свой колпачок. Над ним было голубое небо, в небе качалась ветка сирени с острой лиловой верхушкой.

«Хорошо бы сочинить про нее стишки!» – подумал Пьеро и заснул.

Прошел час, прошел другой. Мальчик все спал. Он не слышал, как по ту сторону забора раздались легкие поспешные шаги. Кто-то бежал, останавливался, заглядывал в щели между досками и бежал дальше. Это была лиса. Карабас сказал ей, что Пьеро прилетел на футбольное поле. Она побоялась пройти через школьный садик – вдруг встретит Майю и Артемона, и они опять поднимут шум? Она бежала по улице вдоль забора и искала лазейку в сад.

И вот ей показалось, что одна доска в заборе чуть-чуть

отстала. Крепко схватила она ее лапами и дернула к себе. Затрещало дерево, скрипнули ржавые гвозди, доска оторвалась. Лиса протиснулась в щель. За забором были кусты репейника. Она пролезла сквозь них и остановилась.

Перед ней лежало широкое футбольное поле. Далеко на краю поля виднелся серебряный самолетик. Белая фигурка лежала на его крыле.

– Это Пьеро! Вот бы схватить его сейчас! Скорее, скорее, пока никого нет!

Лиса скинула туфельки, чтобы легче было бежать, сунула их в карман и на всех четырех лапах пустилась через поле. Ее узкая сиреневая тень бежала за ней по рыхлому песку.

А Пьеро спал и не просыпался. Ему снилось, что они все прилетели домой и гуляют с папой Карло по зеленой канаве. Цветут одуванчики, блестит осколок стекла, серый кузнечик стрекочет веселую песенку... Пьеро улыбался во сне. Вдруг он услышал над самым ухом тоненькие голоса:

– Проснись, проснись! Сюда бежит кто-то недобрый.

Это пели мошки, танцуя над его головой.

– Проснись, проснись! Спасайся, беги! – звенели мошки.

Но Пьеро не просыпался, а лисица была уже совсем близко! Тогда одна маленькая мошка залетела в нос Пьеро и пощекотала ему ноздрю. Он громко чихнул, открыл глаза и сел.

Над ним в голубом небе качалась ветка сирени с лиловой верхушкой. А перед ним на земле стояла маленькая барышня в клетчатой кепке и странно смотрела на него сквозь ро-

говые очки.

И вдруг розовое личико барышни отвернулось в сторону, из-под него выглянула страшная, оскаленная морда, и знакомый голос сказал:

– Здравствуй, Пьеро, голубчик! Давненько мы с тобой не виделись!

– Лиса! – вскрикнул Пьеро, и сон сразу улетучился.

– Нет, Друг, не просись! Все равно я тебя никуда не возьму! Сиди дома! – говорил каждое утро хозяин Друга, выходя из квартиры и запирая за собой дверь.

А Друг скулил, царапал дверь лапами и просился гулять. С тех пор как он бросился на маленькую гражданку, хозяин не брал его с собой на улицу. Хозяин Друга, доктор Николай Иванович, много ходил по городу. Он следил за здоровьем школьников. Он бывал в разных школах, справлялся, кто из школьников болен, хорошо ли его лечат и какие ему дают лекарства. И сам лечил их всех.

В тот день, когда серебряный самолетик пролетел над крышей школы, Николай Иванович пришел в эту самую школу, оставив Друга дома. Он сидел в учительской и разговаривал с директором.

Приближалось лето. Пора было отправлять детей в пионерский лагерь. Об этом они и беседовали.

Окно учительской выходило на улицу. Мимо двигались трамваи, спешили грузовики, их обгоняли юркие велосипедисты. Прохожие шли деловитым шагом.

Вдруг Николай Иванович увидел, что по улице едет подвода с цветами в горшках и, пропуская эту подводу, на мостовой стоит маленькая гражданка в клетчатой кепке.

Николай Иванович встал и подошел к окну. Подвода проехала, маленькая гражданка перебежала улицу и быстро-быстро зашагала по панели мимо школьных окон.

– Это она! – сказал Николай Иванович. – Та самая гражданка, которую покусал Друг! Я должен справиться о ее здоровье!

Он простился с директором, взял шапку и вышел на улицу. Гражданка была уже далеко. Она не шла, а бежала вдоль забора. Вот она скрылась за углом, свернула в переулок.

Николай Иванович прибавил шагу. Он тоже повернул за угол, но гражданки уже не было в переулке. Куда же она девалась? Николай Иванович пошел вдоль забора. Он увидел оторванную доску. Неужели гражданка пробралась в сад сквозь эту лазейку?

На шершавой перекладине забора, на ржавых гвоздях и на колючках репейника висели клочки рыжей шерсти. Ветерок шевелил рыжие волосы.

«Как это странно!» – подумал Николай Иванович и тоже пролез в щель.

Перед ним лежало освещенное солнцем футбольное поле. На рыхлой земле виднелись ясные, отчетливые следы – не человечесьи, не собачьи...

– Лисьи следы! – воскликнул Николай Иванович и даже

вытер лоб платком. – Откуда здесь лисьи следы? Как жаль, что я не взял с собой Друга!

Вдруг он услышал собачий лай, отчаянный, визгливый. Какой-то пес на другом краю поля надрывал глотку, задышался от злости, – казалось, хотел перекусить горло обидчику.

Лай слышался из-за кустов сирени. Николай Иванович быстрым шагом перешел поле и заглянул в кусты. И вот что он увидел!

Маленькая гражданка висела на заборе, прицепившись к нему ручками, и отбивалась ногами от девочки в пионерском галстукe!

А девочка крепко держала ее за полу пальто, тащила вниз с забора и кричала:

– Отдай! Отдай! Отдай!

Длинная ветка сирени раскачивалась на кусте сама собой и хлестала гражданку по голове. А на ветке сидела кукла в желтом колпачке и в красной курточке! Черный пудель прыгал тут же под забором, лаял, рычал, старался укусить гражданку!

Все были так заняты друг другом, что не заметили Николая Ивановича.

Вот пудель подскочил и схватил гражданку зубами за ногу...

– Назад! – крикнул Николай Иванович, шагнул к забору и дернул пуделя за ошейник. Гражданка оглянулась на него,

вскрикнула «ах!» и выронила изо рта куклу в белом балахончике... Кукла полетела вниз головой в крапиву.

– Пьеро! – закричала девочка. – Миленький Пьеро! – И выпустила из рук пальто гражданки.

Тут гражданка вскинула ноги на забор. Чтото рыжее мелькнуло в воздухе, ни дать ни взять – лисий хвост! В тот же миг гражданка перемахнула через забор. И была такова!

– Эй, эй! – крикнул Николай Иванович. – Куда вы спешите? Скажите, как вы себя чувствуете? Сделали вам прививку?

Он подбежал к забору, схватился за перекладину, подтянулся и выглянул на улицу. Гражданка убегала опрометью, неслась как вихрь и ничего не слышала. Разве ее догонишь? Ее и след простыл.

– Что за оказия! – сказал Николай Иванович и спрыгнул на землю.

Девочка сидела в траве, держа на коленях кукол, одну в белом балахончике, другую в красной курточке. Она целовала их и приговаривала:

– Ах вы бедные мои! Ах вы миленькие мои!

А черный пудель ласково повизгивал и тыкал курчавой мордой их всех по очереди.

Николай Иванович узнал девочку: это была пионерка Майя. Зимой у нее болело горло, и он прописывал ей полоскание. Теперь на руках Майи горели красные пятна и виднелись белые пузыри. Она обожгла руки, когда доставала кук-

лу из крапивы.

– Ступай скорее в школу, к медицинской сестре! – сказал Николай Иванович. – Она даст тебе мазь от ожогов. Нужно смазать тебе руки.

– Мне некогда! – сказала Майя и вскочила на ноги. – А хорошо, что вы ее прогнали! Она хотела украсть Пьеро. Подумайте, она его в зубах тащила! И даже воротник ему разорвала!

– Но кто она такая? Ты ее знаешь? – спросил Николай Иванович.

– Да ведь это лиса, лиса Алиса! Они с Карабасом хотят украсть кукол у папы Карло и гоняются за ними по всему городу! Того и гляди утащат!

– Ничего не понимаю! – сказал Николай Иванович. – Расскажи толком, что тут у вас случилось?

– А вот что! Мы с Буратино пошли разыскивать Пьеро. Приходим – самолетик лежит под лопухами, и крыло у него отломано. А Пьеро нигде нет! И вдруг слышим – он кричит тоненько: «Спасите!» Артемон бросился в кусты, а мы за ним. А лиса уже через забор лезет и Пьеро в зубах держит. Вот мы и бросились его спасать. А вы ее здорово напугали. Так ей и надо!

Тут Майя подбежала к сломанному самолетику, взяла его под мышку и, подхватив своих кукол, пустилась бегом через поле в школьный сад.

– Майя! Майя! – крикнул Николай Иванович. – погоди!

Я все-таки ничего не понял!

Майя оглянулась на бегу.

– Мне некогда! Прочитайте сказку Толстого «Золотой ключик»! Там все описано!

И она скрылась за деревьями.

– Странная девочка! – сказал Николай Иванович. – Она начиталась сказок и теперь видит сны наяву! Но эта гражданка в клетчатой кепке еще более странная! Зачем ей, взрослому человеку, понадобилась эта кукла? Почему она лезет через забор, а не ходит, как все, в калитку? Подозрительная личность. Пожалуй, Друг был прав, когда хотел ее задержать!

Николай Иванович пошел в школу и сказал завхозу, что нужно заколотить дыру в заборе.

Глава шестнадцатая. О том, что случилось ночью в игрушечном ларьке

В Ленинграде есть старый каменный рынок, двухэтажный, сводчатый, с полутемными лестницами и переходами. В нем всегда прохладно, даже в июльский зной. Зимой холод прячется там в тени за каменными столбами и живет на рынке круглый год.

Построен этот рынок давным-давно – при царе Горохе. Бывало, прохаживались здесь барыни в чепцах с лентами, в бархатных салопчиках. За каждой семенил лакей или крепостная девушка с корзинкой для покупок. Бывало, гремели здесь шпорами гвардейские офицеры в золоченых погонах, одним надменным взглядом заставляя расступиться простой люд.

Пузатые купчихи кланялись им из-за прилавка:

– Ко мне, барин! Ко мне, барыня! У меня лучше, у меня дешевле – для почину, для вас! У меня все, что вашей душеньке угодно!

И хватали прохожих за полы.

А потом, зазвав в свою лавку, обмеривали, обвешивали, обжуливали покупателей по пословице: не обманешь – не продашь! И по ночам видели во сне груды нажитых денег. И

за барыш продавали все: и отца родного, и детей, и самого себя, и свою честь и совесть!

Все это было и прошло.

Правда, рынок стоит по-прежнему, но покупатели теперь совсем другие, продавцы и вовсе не похожи на прежних купчиков. Никто здесь не задирает нос и не сгибается в услужливых поклонах. Все – равные граждане нашей страны.

День-деньской снует по рынку деловитая, оживленная толпа. Чего только нет в нарядных магазинах! Тут радиоприемники, там платья, книжки, краски, карандаши.

А на втором этаже есть ларек, весь увешанный игрушками. Этот товар – яркий, пестрый, блестящий. Он так и сияет издали. Так и ждешь, что тут случится что-нибудь волшебное!

Торгует в ларьке седая женщина в сереньком свитере. Все ребята зовут ее бабушка Дуня.

Подойдешь к ларьку – с деньгами или без денег, – бабушка Дуня выложит на прилавок свои сокровища: заведет автомобиль, пустит бегать паровозик, сама постреляет из духового ружья, сама посмеется над чудаком, выскакивающим из коробочки! А ты смотри, забавляйся, только не сломай ничего!

И переводные картинки, купленные у бабушки Дуни, лучше всех других переводятся на бумагу – без пятнышка, без проплешинки!

В тот день, когда доктор Николай Иванович заметил в саду лисьи следы, бабушка Дуня принесла новые игрушки. Она

распаковала их, разложила по полкам и по коробочкам, а потом собралась домой. Время близилось к вечеру, пора было закрывать ларек.

В магазинах уже опускали железные шторы, навешивали замки на двери, и сторож протягивал между столбами рынка веревку, чтобы прохожие больше не ходили под сводами.

Вдруг послышался звонкий топот по каменным плитам, и к ларьку впопыхах подбежала девочка. Косички у нее растрепались, красный галстук сбился набок, в руках она держала кукол, а под мышкой – маленький самолет. За ней бежал черный пудель. Это была Майя с Артемоном.

– Бабушка Дуня! Почини, пожалуйста, самолетик! – сказала Майя. – У него крыло отломано!

Бабушка Дуня даже руками всплеснула. Ну и самолетик! Крылья серебряные, колесики стальные, пропеллер совсем как настоящий!

– Где ты такой достала. Майя?

– Это папа Карло сделал! Почини его, бабушка, поскорее! Ведь летчикам надо будет лететь обратно!

Тут Майя посадила на прилавок Буратино и Пьеро. Они глядели на бабушку во все глаза и молчали.

Бабушка приложила к самолету отломанное крыло, осмотрела его сверху и снизу и сказала:

– Починить – дело нетрудное! Завтра утром подклею крыло, перевяжу его веревочкой, чтобы правильно подсохло, и будет ладно! – Она взглянула на мальчиков и прибавила: –

Да и летчиков твоих нужно подправить. Вон у одного воротник разорван, а у другого башмака не хватает! Завтра к вечеру приготовлю. А пока пускай отдохнут, чаю напьются!

Бабушка Дуня подвинула маленькие стулья, усадила Буратино и Пьеро за чайный столик, поставила перед ними самоварчик и чашки, расписанные цветочками.

– Ой, как они уютно устроились! – сказала Майя. – Пускай посидят! Завтра вечером я за ними приду!

Буратино таращил глаза на свое отражение в самоваре. Он никогда прежде не видел ни самоваров, ни таких кривых рожиц.

Пьеро, глядя на него, помирал со смеху, спрятав подбородок в свой разорванный воротник. А пудель Артемон, уловив минутку, когда на него не смотрели, нырнул под прилавок и заполз в самый темный угол.

Майя помогла бабушке Дуне закрыть ларек ставнями. Потом они повесили на него замок и ушли. Сторож уже свистел в свисток, давая знак, что всем пора уходить с рынка.

Едва ставни закрылись, в ларьке наступила темнота. И сразу что-то зашуршало, заскрипело по углам, стало позвякивать и постукивать все громче и громче...

Пьеро и Буратино прижались друг к другу и таращили глаза. И ровно ничего не видели. А из темноты кто-то напирал на них, кто-то подталкивал под локти, кто-то дышал в лицо... Мальчикам стало жутко.

– Мужайся, Пьеро, – шептал Буратино, а сам дрожал, как

травинка в бую. — Ведь самая страшная опасность — та, которую не видишь, а только чувствуешь!

И вдруг Пьеро крикнул:

— Ох! — и подскочил.

Буратино чуть не упал со стула.

— Мне наступили на ногу! — сказал Пьеро.

И тотчас же над ними раздался важный, громкий, как труба, голос:

— Эй, эй! Кто там озорует? Кто обижает гостей?

В ответ послышалось множество тоненьких голосков:

— Мы нечаянно! Мы нечаянно! Мы только хотели на них посмотреть поближе!

Затопали чьи-то ножки, и мальчикам стало свободнее дышать. А трубный голос спросил:

— Где же наши фонарики? Спят они, что ли, лентяи?

— Не спим, не спим! — ответили откуда-то сверху.

Треньк! — в темноте вспыхнул огонек карманного фонарика. А за ним зажглись еще фонарики — другой, третий, четвертый...

Они лежали на полке и освещали мальчиков светлыми лучами, как маленькие прожекторы.

Пьеро и Буратино увидели вокруг себя целую толпу игрушек. Кого тут только не было! Куклы-матрешки в пестрых платочках, ваньки-встаньки, плюшевые мишки, обезьянки, зайчата, лягушата и золотые рыбки. На столе возле самовара сидела, свесив ножки, Красная Шапочка, а рядом с ней,

положив на стол передние лапы, стоял серый волк и вежливо улыбался. Позади сгрудились паровозы, автомобили, самолеты. А над всеми возвышался большой слон с розовой пастью и мягким хоботом.

Все смотрели на гостей блестящими, круглыми глазами.

– Мало, мало! Мало света для приема гостей! – сказал слон своим трубным голосом.

Тотчас же из высоких коробочек выскочили елочные свечи – красные, лиловые, желтые. Они выстроились на полках целыми дюжинами, облепили прилавок, взобрались на стол. И все сразу загорелись. Стало светлее, чем днем.

Игрушки заблестели и засверкали, а картонные маски принялись улыбаться во весь рот. И вдруг посреди прилавка забил огненный фонтан! Пьеро и Буратино отшатнулись. Они думали, это извержение вулкана и сейчас все погибнут!

– Не бойтесь! – сказал слон. – Это комнатный фейерверк! Он зажегся, чтобы приветствовать гостей!

А огненный фонтан шипел, выбрасывая золотые звезды, и весело трещал:

– Привет, привет, привет!

– Привет! – закричали игрушки. Они захлопали в ладошки, зазвенели бубенчиками, стали притопывать и приплясывать. И вот чернобровая матрешка с ванькой-встанькой пустилась в пляс! А за ними завертелись, закружились, заплясали и все другие! И опять кричали: «Привет!»

Пьеро и Буратино стояли красные от смущения и только

кланялись на все стороны. Шутка ли сказать, какая честь выпала на их долю!

Но вот фейерверк стал угасать, звезды падали реже и были уже не такие светлые, как сначала. Вот упала и рассыпалась последняя звезда. От фейерверка остался только красный уголек. Но и он потускнел, посерел и потух. Черный дымок поплыл по воздуху.

Игрушки угомонились. Они уселись на прилавке в кружок и опять глядели во все глаза на Буратино и Пьеро.

– Дорогие гости! – сказал слон. – Мы слышали, что вы прилетели к нам издалека! Расскажите нам, пожалуйста, о ваших приключениях! Нам так хочется послушать!

У Буратино даже уши запылали и во рту пересохло от смущения. А Пьеро чуть не заплакал. Легко ли рассказывать в первый раз в таком блестящем обществе!

Вдруг над прилавком кто-то зашевелился и послышалось громкое «ап-чхи!».

Игрушки вздрогнули. Пламя свечей заколебалось.

– Что это?.. – пискнула Красная Шапочка.

Тут из-под прилавка выглянула черная курчавая морда; шуря заспанные глаза, она громко зевнула, открыв страшную пасть с острыми белыми клыками!

Игрушки бросились врассыпную кто куда. Обезьянки полезли на полки, зайчата вскочили в автомобили, лягушки погнали паровоз в самый дальний угол. Фанерный журавль запнулся на дороге и упал.

Бежавшие спотыкались об его длинные ноги и тоже падали, крича от страха. Красная Шапочка свалилась со стола, а волк заполз под стул Пьеро, только серый хвост торчал у ног мальчика.

Один слон не растерялся, хотя и он был взволнован.

– Кто вы такой? И что вам нужно? – спросил он.

Черная морда повела на него блестящими глазами.

– Да это Артемон! – крикнул Буратино. – Это наш Артемон! Не бойтесь его. Он добрый, он самый хороший пес на свете! Он, верно, заснул под прилавком, а теперь расчихался от дыма!

– У-а-а-а! – взвизгнул Артемон, вскочил на прилавок и разлегся на нем, как лев.

Мальчики бросились к пуделю, стали обнимать его черную голову и гладить спутанные кудряшки.

А он лизал их личики и повизгивал.

Тут игрушки развеселились. Они повылезали из своих углов и снова окружили мальчиков. Буратино больше не стеснялся. Он прислонился к мохнатой спине Артемона и начал свой рассказ.

И когда он рассказал, что папа Карло болен, свечи горько заплакали – так им стало грустно! А когда сказал про Карабаса, маски принялись строить страшные рожи и щелкать беззубыми челюстями – так они рассердились! А когда он спросил, не видел ли кто-нибудь Мальвину, не знает ли, где она, – Красная Шапочка вскочила на ноги и сказала:

– Я знаю, где Мальвина!

– Где же? Где же она? – спросили мальчики, а пудель даже взвыл от восторга.

Красная Шапочка была толковая и рассудительная девочка. Она рассказала им, что только сегодня днем прибыла в ларек. А раньше она жила в игрушечном магазине.

Там было много Красных Шапочек. Все они были пришиты к толстому листу картона и стояли на прилавке. Поэтому они слышали все, о чем говорили покупатели.

И вот сегодня утром в магазин пришли женщина в белом беретике и черненький курносый мальчик. Они выбирали игрушки для детской площадки при том доме, где жили. Они купили мячики, скакалки и крокет.

Вдруг женщина сказала:

– Смотри, Костя, какие хорошенькие Красные Шапочки! Нужно взять парочку!

А мальчик ответил:

– Хорошенькие, да не очень! Та куколка, которую я нашел на набережной, гораздо лучше. У нее голубые волосы, и она умеет петь и танцевать. Приходи к нам во Дворец пионеров – увидишь, какая она! Мы зовем ее Мальвина, потому что точно такая кукла описана в сказке «Золотой ключик».

А женщина ответила:

– Обязательно приду посмотреть на вашу Мальвину! Но эти Красные Шапочки тоже очень хороши!

И она купила две штуки. А потом они ушли. Красным Ша-

почкам тоже захотелось посмотреть на Мальвину, и они целый день болтали между собой об этом. Вот и все!

– А где этот Дворец пионеров? – спросил Буратино.

– Недалеко! – сказал слон. – Когда бабушка Дуня несла меня из магазина – это было позавчера, – какая-то гражданка в клетчатой кепке спросила ее, где Дворец пионеров. Бабушка Дуня ответила: «А вот он!» – и показала на большой дом за чугунной оградой. Потом мы прошли еще несколько домов, свернули за угол и пришли на рынок. Это два шага отсюда!

– Пойдем во Дворец пионеров! Пойдем сейчас! – крикнул Пьеро и схватил Буратино за руку. А пудель вскочил на ноги и стал царапать ставни. Так ему захотелось к Мальвине!

– Нет, друзья, вы отсюда не выйдете! – сказал слон. – Ставни крепко заперты, и открыть замок можно только снаружи! Подождите до утра!

И вдруг все услышали, как снаружи загремел замок. Кто-то старался его открыть, кто-то дергал стальные колечки.

– Слышишь, открывают! – обрадовался Пьеро. – Бежим сейчас во Дворец пионеров.

– погоди! – сказал Буратино. – Нужно узнать сначала, кто это открывает!

Он подошел на цыпочках к ставне и приложил глаз к щели. И тотчас же отскочил, замахал руками и прошептал:

– Это лиса, лиса Алиса! Она пришла за нами.

Пьеро побледнел, а пудель ошетинился и зарычал.

Игрушки закричали от страха. Ведь Буратино только что рассказал им, какая злодейка эта лиса! И вот она тут, близехонько, за доской ставни! Вдруг она влезет сюда?

– Спокойно! – сказал слон. – Потушите свет! Все по местам. Враг стоит на пороге.

Свечи и фонари сразу погасли. В ларьке стало тихо и темно. И еще яснее послышалось, как лиса лязгала зубами по железу, дергала замок, грызла дерево ставни. Страшно было слышать это в темноте!

Пьеро и Буратино прижались к пуделю. А он весь дрожал. И вдруг он не выдержал да как зарычит, да как залает! Всех оглушил.

– Молчать! – сказал слон и топнул ногой. – Рта не раскрывать без моей команды!

Пудель смутился и замолчал. И все услышали в темноте злобный смешок. Лиса скребла ставню и приговаривала:

– Теперь не уйдете! Не уйдете от меня, глупые мальчишки! Уже ночь, все спят, никто вам не поможет. А вашему пуделю я глотку перекушу!

Она стала трясти и ломать ставню изо всех сил. И вот ставня поддалась... Один ее край отошел от прилавка... В щель просунулась рыжая когтистая лапа, и совсем близко защелкали лисьи зубы... Сейчас ставня отлетит...

– Свисток! – скомандовал слон.

Тут все паровозики в ларьке свистнули в один голос. Да так свистнули, что под сводами рынка все загудело!

Лиса только хихикнула в ответ и продолжала ломать ставню. Но вдруг по каменным плитам раздались звонкие шаги, кто-то пробежал мимо, вернулся и сказал:

– Где же это свистели?

Куклы увидели в щель – это был сторож, в овчинном тулупе, с большой палкой в руках. Он постоял немножко, а потом сел на каменный приступок возле какого-то магазина и положил палку рядом с собой. А лисы и след простыл! Завидев сторожа, она опрометью убежала с рынка. Рада была, что ноги унесла!

– Она не вернется! – сказал слон. – Сторож всю ночь будет неподалеку. Жаль мне, что он не поймал злодейку! Ну, ничего, она еще попадется. У нас вора́м спуску не дают! А теперь, дорогие гости, всем пора спать. Спите спокойно, уже поздно!

Буратино и Пьеро пожелали всем спокойной ночи, улеглись на прилавке рядом с Артемоном и крепко заснули.

Глава семнадцатая. О том, как бабушка Дуня проучила богатого барина

Мальчики проснулись только утром, когда бабушка Дуня сняла ставни с ларька.

Бабушка Дуня очень удивилась, увидев Артемона на прилавке.

– Ах ты, лукавый пес! И как я тебя вчера не заметила! Вот погляжу я, что ты тут натворил ночью! Тогда попадет тебе!

Но Артемон не натворил ничего худого. В ларьке все было в порядке, как будто бабушка Дуня и не уходила домой. Куклы сидели за чайным столиком. Игрушки лежали на своих местах. Свечки были целехоньки, и даже комнатный фейерверк, горевший вчера, сегодня был как новенький! Будто он не трещал ночью и не сыпал золотые звезды.

Только одна ставня криво висела на петле, замок был весь исцарапан, а колечки расшатаны. Бабушка Дуня сразу заметила это и даже побледнела.

– Неужто воры пытались взломать замок? Хорошо, что им не удалось! Уж не ты ли, пес, их напугал? Вот молодчина, спасибо тебе!

Артемон вилял хвостом и смотрел в глаза бабушке Дуне, словно он и в самом деле спас ларек от воров. Бабушка Дуня

погладила его и дала ему ломтик колбасы из своего завтрака. Он улегся за прилавком у ее ног.

Бабушка Дуня достала маленькие гвоздики, клей, бумагу, тонкую веревочку и принялась чинить самолет.

Прохожие сновали мимо – кто спешил на службу, кто торопился по своим делам. Покупателей пока не было.

Вдруг под сводами рынка появился толстый нарядный гражданин в гороховом костюме, в таких широких штанах, будто на каждой ноге у него была надета юбка. На затылке у него торчала шляпа с перышком, а через плечо висела блестящая желтая сумка с серебряными буквами К.Б.О.Б.

Он шествовал, заложив руки за спину, и посматривал вокруг так важно, будто ждал, что сейчас купчики выглянут из своих лавок, станут кланяться в пояс и зазывать его к себе.

«Вот так ферт! – подумала бабушка Дуня. – Видно, барин из прежних!»

А «барин» подошел к ее ларьку, стал, расставив ноги, и принялся глазеть на игрушки. Глаза у него были выпуклые и злые-презлые, рот – как щель у почтового ящика, а нос – лиловый!

«Ну и лицо!» – подумала бабушка Дуня, но вслух ничего не сказала: она была очень воспитанная.

А мальчики переглянулись – держи ухо востро и не жди добра от этого «барина»! Что понадобилось такому франту в игрушечном ларьке?

Вдруг «барин» снял свою шляпочку, поклонился и сказал:

– Мое почтение, госпожа купчиха!

Бабушка Дуня удивилась – что это он говорит? – но ничего не ответила. Тогда он шагнул к прилавку и крикнул ей прямо в ухо:

– Оглохли вы, что ли? Я с вами говорю!

Бабушка Дуня даже вздрогнула и руками всплеснула.

– Это я – госпожа? Это я – купчиха? Да вы с какой стати ругаетесь, гражданин?

– А кто же вы такая, если не купчиха?

– Кто я такая? Я работник торговли, не видите, что ли? Я не жульничаю, не обманываю народ, не набиваю себе карманы, как прежние купцы! Я получаю зарплату, а выручку сдаю государству. А оскорблять меня вы права не имеете!

Покраснела бабушка Дуня, седые волосы у нее растрепались, – вот как она рассердилась! «Барин» опешил, попятился и, глядя на нее, разинул рот. Мальчики подумали: «Так ему и надо, противному франту!»

– Ишь что вспомнили! – продолжала бабушка. – У нас ни купцов, ни господ и в помине нет! Будь они неладны!

– Ну, извините меня, я не знал... – пробормотал «барин», вертя в руках свою шляпочку. – Я только хотел купить у вас игрушки!

Если человек извиняется, как его не простить?

Бабушка Дуня пожала плечами и сказала:

– Покупайте, если хотите! Никто вам не запрещает! – А сама занялась починкой самолетика.

«Барин» опять поглядел на нее, будто он никогда таких продавцов не видел, и повернулся к игрушкам. Вдруг глаза у него сверкнули, он подался вперед, рука дернулась к прилавку...

И тотчас же Буратино грохнулся навзничь вместе со своим стулом, а Пьеро повалился набок и так стукнулся головой об стол, что самоварчик подпрыгнул. И тотчас же из-под прилавка выглянула черная собачья морда с горящими глазами и зарычала.

Они узнали Карабаса, хоть он и был без бороды!

– Осторожнее, гражданин! Какой вы неловкий! – сказала бабушка Дуня, подняла кукол и усадила их по-прежнему. А пуделя погладила по голове, чтобы успокоился.

«Барин» покраснел и задохнулся от волнения.

– Я куплю этих кукол! Берите за них, сколько хотите! Только дайте их мне поскорее!

Тут у Буратино душа ушла в пятки, а Пьеро весь помертвел. А ну как бабушка Дуня продаст их Карабасу? Тогда конец!

– Эти куклы не продаются, – ответила бабушка Дуня и оправила на Пьеро разорванный воротничок.

– Это почему же? – прохрипел «барин».

Бабушка объяснила ему, что она торгует игрушками, которые получает из магазина по накладной. Вон их сколько! И матрешки, и ваньки-встаньки, и Красные Шапочки! Выберите любую! А этих мальчиков ей принесла одна пионерка

в починку. Они только гостят в ларьке. Их нельзя продать.

Мальчики чуть не запрыгали от радости: они спасены! Но Карабас даже не слушал бабушку. Он раскрыл свою желтую сумку и сказал:

– Ладно, довольно разговаривать! Я дам вам сто червонцев, заверните мне кукол в бумагу и перевяжите их веревочкой!

Он бросил на прилавок горсть золотых монет и опять потянулся к куклам.

– Ну, пропали, – прошептал Буратино. – Теперь она нас продаст!

А Пьеро ничего не сказал, он просто онемел от страха. Зато пудель не молчал и не сидел спокойно. Он поднял такой лай, что прохожие останавливались.

– Цыц ты! – сказала бабушка. – А вы, гражданин, не дразните собаку и не трогайте кукол! Сказано вам – они не продаются.

– Да я у тебя весь товар куплю! Все, что есть в ларьке! Только отдай мне этих мальчишек! – заорал Карабас.

Но бабушка Дуня усмехнулась:

– Зачем это вам весь товар? Для спекуляции, что ли?

– Не твое дело! Захочу – все куплю, что пожелаю! И тебя куплю вместе с твоими дурацкими игрушками! Узнаешь тогда, кто я такой!

– Ну уж нет! – ответила бабушка Дуня. – Кто вы ни есть, хоть самый большой богач на свете, а меня не купите! Да у

нас таким крикунам вообще ничего не продают!

Она сняла с полки плакат и показала его Карабасу.

– Видите, что тут написано? «Требуя вежливости от продавца, сам будь вежлив с ним!» А вы кричите, ругаетесь, топаете ногами! Да я с вами и разговаривать не стану! Позову милиционера – и дело с концом!

Тут Карабас вздрогнул, спрятал голову в плечи, а глаза у него забегали в разные стороны. Уж очень ему не хотелось опять встречаться с милиционером!

– Уберите ваши червонцы! Нечего им здесь валяться, – сказала бабушка Дуня. Она сняла с полки несколько масок и посадила на их место Буратино и Пьеро – подальше от покупателя. И стала укладывать маски в коробку. «Барин» собирал червонцы с прилавка и злобно ворчал что-то себе под нос. Вдруг бабушка Дуня усмехнулась и сказала:

– Есть у меня одна подходящая вещичка для вас! Не хотите ли, я вам ее подарю?

– Что? Что подаришь? – встрепенулся «барин» и сунул голову в ларек.

Бабушка Дуня держала в руках ослиную маску. И едва Карабас нагнулся, чтобы ее рассмотреть, маска вырвалась из рук бабушки и – шлеп! – сама наделась на Карабаса.

– Ох! – вскрикнул Карабас и хотел сдернуть маску, но она прилипла так плотно, на тугой резинке – не оторвать!

Тут все маски в ларьке заулыбались беззубыми ртами. Бабушка Дуня тоже рассмеялась.

– Каков Савва, такова о нем слава! Ну, давайте я ее с вас сниму!

Но Карабас уже ничего не видел и ничего не понимал. Он заревел благим матом и, пошатываясь, пошел от ларька. Ослиные уши качались у него над головой. Прохожие шаркались в стороны и смеялись.

Но вот из-за угла выскочила маленькая барышня в клетчатой кепке, встала на цыпочки и сняла с «барина» маску. Потом они пошли под руку прочь с рынка. Ноги у «барина» подкашивались, а голова моталась от плеча к плечу, как мячик.

– Вишь как раскис! – сказала бабушка Дуня, глядя им вслед. – От пустяка раскис! А как важничал, как петушился! Эх, барин, барин!

Тут Буратино и Пьеро не выдержали. Они спрыгнули с полки прямо на руки бабушке Дуне и заговорили наперебой:

– Бабушка, это не «барин»! Это страшный злодей, богач Карабас! Директор кукольного театра!

– Ты видела у него на сумочке буквы К.Б.О.Б.? Это значит: Карабас Барабас Огромная Борода.

– Барин он или не барин, – ответила бабушка, – а замашки у него настоящие барские! «Все куплю... узнаешь, кто я такой...» Подумаешь, невидаль! Тьфу!

Тут мальчишки принялись обнимать и целовать бабушку Дуню, а пудель лизнул ее в подбородок.

– Какая ты хорошая, что не продала нас Карабасу! – ска-

зал Буратино.

– Я сочинил тебе стишки, – сказал Пьеро. – Послушай, пожалуйста!

Карабас нас покупал,
Сто червонцев предлагал,
А ларечник-инвалид
Карабасу говорит:
«Убери казну свою, —
Я гостей не продаю!»

Бабушка Дуня смеялась так, что у нее слезы текли по щекам.

– Ну и шутники вы оба! Да на что мне его червонцы? Дорогу мостить, что ли?

Она достала иголку с ниткой и пришила Пьеро оторванный воротник. А потом взяла кусочек черной клеенки и выкроила Буратино новый башмачок. Так они сидели в ларьке, шутили и смеялись. А пудель глядел на них веселыми глазами и вилял хвостом.

Тем временем Карабас и лиса шли домой и бранились.

– Каков Савва, такова о нем слава! Хорошая поговорка! – ворчала лиса. – Как раз к вам подходит! Вы уже теперь не Карабас Барабас Огромная Борода, а Карабас Барабас Ослиная Голова! Переделайте одну букву на вашей сумочке!

– Дура! – злился Карабас. – Это ты подучила меня обрезать бороду! Это ты послала меня к ларечнице! Сама гово-

рила: сначала будьте с ней полюбезнее, потом предложите ей золото, а потом припугните – и куклы будут наши! Вот и вышло черт знает что! Хороша советчица!

– А зачем вы назвали ее «госпожой купчихой»? Зачем кричали: «Все куплю... все возьму»? Этого я вам не советовала! Вы сущий осел!

– Эй, замолчи! – рычал Карабас. – Я твой хозяин!

– Пропадешь с таким хозяином!

Так, переругиваясь, они добрались до квартирки Марьи Ивановны.

На лестнице было темновато. Карабас споткнулся о какие-то ящики перед самой дверью!

– Глядите, куда ступаете, ослиное копыто! – зашипела на него лиса.

Она сунула ключик в скважину и толкнула дверь.

Дверь открылась, да не совсем: она была заперта изнутри на цепочку.

– Кто это запер? – ахнула лиса, и шерсть зашевелилась у нее на спине.

Она снова толкнула дверь, но стальная цепочка держалась крепко. Тут в прихожей послышались шаги. В щель выглянул загорелый мальчик в пионерском галстуке. Он посмотрел на пришельцев светлыми глазами и, обернувшись назад, крикнул:

– Бабушка! Вот они пришли! Открыть цепочку?

– Не открывай, не открывай, Миша! И ступай ты от дверей

подальше! Я сама с ними поговорю!

Тут в прихожую вышла сама Марья Ивановна. Нос у нее был красный, а глаза заплаканные. В руках она держала маятник от часов и грязную тряпочку. Лиса, как увидела ее, принялась кланяться и улыбаться в щель.

– Добрый день, Марья Ивановна! Как поживаете, Марья Ивановна?

Но Марья Ивановна поглядела на нее грустно и строго и сказала:

– Я вам доверила, а вы меня обманули! Возьмите ваши чемоданы, я выставила их на площадку, и ступайте отсюда прочь.

– Да что вы, Марья Ивановна? Да как же? – заюлила лиса. – Мы каждый день заводили ваши часики, а если они сломались, мы их починим! Пустите нас к себе!

– Нет, не пущу, – ответила Марья Ивановна. – Нам обманщиков не нужно! Миша прочел мне сказку «Золотой ключик», и я знаю теперь, кто вы такие! Ступайте прочь!

Тут она захлопнула дверь и заложила щеколду.

– Куда же мы теперь пойдем? – прошептала лиса.

Карабас не ответил. Он сидел на своем чемодане, уставившись в одну точку.

– Слушайте! – сказала лиса. – Нечего нюни распускать! Я знаю, где Мальвина! Поймаем ее и улетим сегодня ночью в Тарабарскую страну! Вставайте!

Она заставила его встать, схватила свой саквояжик, и они

стали спускаться по лестнице.

Навстречу им, выгнув спину и сердито фыркая, пробежала черная кошка. Она поднялась к двери Марьи Ивановны и сказала:

– Мяюу!

И тотчас дверь отворилась и ласковый голос сказал:

– Это ты, Мусенька? Входи, входи, родная...

А Карабасу и лисе туда входа не было!

Глава восемнадцатая. О том, что случилось в голубой комнате

Бабушка Дуня починила самолетик. Отломанное крыло приклеилось так ровно, будто оно никогда не отламывалось. Хоть сейчас лети в Тарабарскую страну. Да как же лететь, если нет Мальвины и нет счастья для папы Карло?

Мальчикам не терпелось поскорее пуститься на поиски, но бабушка Дуня сказала:

– Сидите смирно, а то вас Карабас заберет! Вот придет Майя, тогда нагуляетесь. А без Майи я никуда вас не отпущу.

Они сидели, вытянув ножки, между ватным кроликом и картонным барабаном и очень скучали. Школьники, пионеры и маленькие дети со своими мамами подходили к ларьку, выбирали себе игрушки, игры, картинки и опять уходили. А Майи все не было.

Вечерело. Уже приближалось время закрывать рынок. И вот примчалась Майя. Да не одна, а с двумя мальчиками в пионерских галстуках. Один был черненький, курносый, по имени Костя, другой загорелый и светлоглазый, его звали Миша. Они прибежали, чтобы взять кукол и отнести их во Дворец пионеров. Там их никакой Карабас не достанет. И пуделя нужно отдать туда же.

Ведь это не простой пес!

Майя взяла на руки Буратино, Костя – Пьеро, а Миша под-

хватил самолетик, позвал собаку, и они пошли.

– Осторожнее переходите улицу! – крикнула им вслед бабушка Дуня.

Дворец пионеров был когда-то царским дворцом. Давным-давно он был самым большим и великолепным домом в городе. Его окна ярко светились. Хрустальные люстры сияли, как солнце. В раззолоченных покоях разгуливали гордые князья, важные вельможи и чопорные дамы.

А кругом была непроглядная темень и непролазная грязь. И убогие домишки, где жили простые люди.

Все это было и прошло.

В городе много домов выше и просторнее, чем этот дворец. Они залиты ярким электрическим светом. И улицы залиты электрическим светом. Дворец никого не удивит своей роскошью и своими огнями.

А теперешние хозяева дворца совсем не похожи на прежних. Они простые и веселые. Они выдумщики и весельчаки. Одни играют на скрипке, другие – на рояле, третьи танцуют, четвертые рисуют... И все учатся, растут и, надо думать, умнеют с каждым днем!

Вы их, конечно, знаете. Это ленинградские пионеры.

Когда Майя и ее спутники вбежали во дворец, у кукол головы пошли кругом, а пудель даже оробел.

Стены блестят, колонны поднимаются ввысь, белая лестница ведет вверх. А по лестнице снуют пионеры – множество пионеров. Гомон стоит такой, что дворец гудит. Вдруг раз-

дался звонок, и все пионеры ринулись наверх.

– На спевку, – кричат. – Идемте на спевку! – И бегут по ступенькам.

– Ой! – вскрикнула Майя. – И нам нужно на спевку!

– Идем! – сказали Миша и Костя.

Быстренько забежали они в комнату игр, положили самолетик на стол, а кукол – в кресло и, сказав: «Тут вас никто не тронет!» – умчались.

Пудель остался с куклами.

Буратино и Пьеро выпрямились в кресле и удивленно оглянулись. Вот так комната! Не комната, а волшебное морское дно. Кресла и столы – из больших серебряных раковин. Кругом серые камни, ноздреватые скалы. Над ними колышется зеленая листва. А внизу блестит вода в аквариумах. Там плавают золотые рыбки. На полу сидят голубые фаянсовые лягушки. И свет в этой комнате голубой, мягкий, ни дать ни взять – лунный свет.

– Тебе нравится, Пьеро? – шепнул Буратино.

Пьеро только вздохнул.

– Как во сне!

И оба они подумали: «Вот если бы Мальвина и папа Карло были с нами!»

– Пойдем поищем Мальвину, – сказал Буратино и прыгнул с кресла. За ним – Пьеро. Они взялись за руки и пошли. Артемон двинулся за ними.

Тени растений колебались по стенам. В аквариумах вспы-

хивали голубые искры. Где-то в далекой комнате играла скрипка, а поближе за дверью негромко стучал молоток. Кто-то вбивал маленькие гвоздики.

Мальчики подошли к двери и выглянули.

– Не уходите! – сказал хриплый голос у них за спиной.

Они оглянулись.

Голубая лягушка сидела у двери и приветливо глядела на них.

– Не уходите! – повторила она. – Мальвина придет сюда кормить золотых рыбок! Тсс... Слышите?

В коридоре скрипнула дверь и послышались легкие шаги. Все рыбки в аквариумах засуетились, засверкали золотыми чешуйками.

На пороге появилась девочка в розовом платье. У нее были голубые волосы. Она бережно несла большой бумажный фунтик.

– Мальвина! – крикнули мальчики и бросились к ней. Артемон чуть не сбил свою хозяйку с ног.

– Ах! – вскрикнула Мальвина, роняя фунтик. – Наконец-то! Наконец-то вы приехали!

Она целовала мальчиков и пуделя и смеялась от радости.

Голубая лягушка улыбалась во весь рот, глядя на них. Вдруг Мальвина всплеснула руками и оттолкнула всех.

– Что я наделала? Ах, что я наделала!

Бумажный фунтик лежал на полу разорванный. Из него высыпалась кучка желтоватых крошек. Мальчики и пудель

топтали их.

– Отойдите! – закричала Мальвина. – Это рыбий корм! Бедные мои рыбки! – Она заплакала и стала сгребать крошки на бумагу.

Рыбы замерли в аквариумах, чуть-чуть шевеля плавниками, и обиженно глядели на нее сквозь стекло.

– Это все вы виноваты, мальчики! – сказала Мальвина. Мальчики обиделись.

– Подумаешь, беда! – сказал Буратино. – У нас папа Карло лежит больной, а ты возишься с рыбами!

– Бессердечная девчонка! – прошептал Пьеро. – Ты небось не достала счастья для папы Карло.

– Достала! – сказала Мальвина, собрав последние крошки и крепко завертывая фунтик.

– Врешь! – заорали оба мальчика.

Мальвина подошла к двери и крикнула в коридор:

– Папа Карло! Папа Карло, иди сюда! Наши мальчики приехали!

И тотчас же скрипнула другая дверь, кто-то быстро прошел по коридору, кто-то заглянул в голубую комнату.

Это был папа Карло, живой папа Карло в новой бархатной куртке, с молотком в одной руке и с гвоздиками в другой.

– Где они, мои милые? Дайте на них взглянуть! – крикнул он.

Мальчики без памяти бросились к нему на шею, гладили его седые волосы, целовали морщинистые щеки. А пудель

скакал вокруг, скулил от нежности и умудрился даже лизнуть папу Карло в левую бровь.

Мальвина смеялась и хлопала в ладоши, сев на спину голубой лягушке. А сама лягушка плакала от умиления.

Наконец папа Карло уселся в кресло из серебряных раковин и посадил Буратино и Пьеро к себе на колени. Пока Мальвина кормила своих рыбок, папа Карло рассказал мальчикам, как он здесь очутился.

Оказалось, Костя принес Мальвину прямо в кукольную мастерскую Дворца пионеров. Там за большим столом сидели дети и учились делать кукол для театра.

Костя поставил Мальвину на стол. Она протянула вперед ручки и пропела:

Тяжело и грустно мне:
Счастья нет в моей стране.
Папа Карло, мой родной,
Уж давно лежит больной.

Пионеры удивились: что за чудесная кукла? И какой искусный мастер сумел такую сделать? Они стали осторожно разглядывать Мальвину со всех сторон, и вот на подошве ее левого башмачка они усмотрели маленькую медную дощечку. На дощечке было что-то написано, тоненько, как иголкой. Они принесли большое увеличительное стекло из физического кабинета и разобрали надпись. А в надписи говорилось, что эту куклу сделал кукольник Карло, который жи-

вет там-то, в Тарабарской стране.

Эту дощечку Карло набил на башмачок Мальвины, когда был еще здоров.

Тут пионеры устроили собрание и решили пригласить папу Карло в свой дворец.

– Пускай он научит наших ребят делать таких же чудесных кукол!

Пионеры послали за папой Карло свой волшебный самолет, пестрый, блестящий, красивый, как жар-птица. Небо блестело, когда он полетел по воздуху, – так ярко горела на его крыльях золотая надпись «Сказка».

Раскинув радужные крылья, испуская ослепительный свет, самолет кружился над домишками Тарабарской страны. Он искал чердак папы Карло.

Тарабарские жители выползали из своих нор, глазели на чудесное зарево, и каждому верилось, что где-то на свете есть счастье.

Самолет подлетел к окошку папы Карло и осветил убогую каморку розовым светом. Летчик высунулся из кабины и сказал:

– Садитесь! Я отвезу вас в Ленинград.

Папа Карло захватил свои инструменты и взобрался в самолет. А через час они опустились на крыше Дворца пионеров.

Тут Карло встретил Мальвину. Вот они обрадовались друг другу! Они живут теперь во дворце, в комнате под самой

крышей. Ведь Карло любит, чтобы из окошка было далеко видно... Он устроил во дворце маленький театр и учит пионеров делать чудесных деревянных актеров.

– Пойдемте, я покажу вам наш театр! – сказал Карло и повел кукол в зрительный зал.

Глава девятнадцатая. О том, что случилось во время кукольного представления

Новый кукольный театр блестел, как елочная игрушка. По сторонам – пестрые ширмы, посередине – сцена, а над ней малиновый занавес с серебряной бахромой. Кругом – цветные фонарики и портреты Буратино и его друзей в зеленых венках.

Перед сценой были устроены две маленькие ложи с бархатными креслицами.

– Это ложи для гостей! – сказал папа Карло.

Он усадил кукол в одну ложу, а пуделя – в другую. Артемон еле уместился в ней со своим хвостом. Зато как важно сидел он потом, положив лапы в мохнатых манжетах на бархатный барьер!

Сидел и озира́л все вокруг.

– Посидите здесь! – сказал папа Карло. – А мне пора начинать представление! Видите, зрители уже собираются.

Он ушел за ширмы.

В зал с веселым шумом собирались пионеры.

Маленькие садились поближе, большие – подальше. Все любовались куклами, сидевшими в ложе, и спорили, живой это пес сидит против них или сделанный.

Раздался звонок. В зал вбежали опоздавшие – Майя, Костя и Миша. Они поскорее уселись на свободные места. И вот стало совсем темно. Только сцена осветилась изнутри ярким светом. Заиграла музыка. Малиновый занавес раздвинулся.

Едва наши друзья услышали музыку и увидели, как серебряная бахрома змеей ползет по полу, им так захотелось на сцену, так захотелось – просто невмочь! Подумать только, как давно они ничего не представляли! В Тарабарской стране это было им запрещено, а потом начались приключения... Где уж тут было представлять? Ах, выбежать бы сейчас на сцену, увидеть множество глаз, глядящих из темного зала, танцевать под музыку старой шарманки и петь о том, как радостно и как печально живет на свете! Чтобы все слышали. Буратино схватил Пьеро за руку.

– Ты помнишь, Пьеро?

Тот только посмотрел на него большими от слез глазами.

– Спокойнее, мальчики! – шепнула Мальвина. – Придет и ваша очередь.

На сцене зазвенели колокольчики, и одна за другой появились такие куклы, каких наши друзья никогда не видывали. Это был парад игрушек, сделанных учениками папы Карло. Тут были саами и узбеки, грузины и татары, украинцы и белорусы и еще много кукол – все в пестрых нарядных костюмах. Одни приехали на оленях, другие – на верблюдах, третьи – на автомобилях, а четвертые прилетели на самолетах.

И вот на земле стали вырастать невиданные прекрасные цветы – голубые, розовые, оранжевые. Сверху на них посыпались золотые звездочки. Сияющий туман закрыл сцену. Тогда выступили вперед мальчики и девочки в русских костюмах и приготовились плясать. Наши друзья так и впились в них глазами, Вдруг кто-то из зрителей задвигался на своем стуле и громко сказал:

– Дяденька, отойди!

А другой прибавил:

– Из-за тебя не видно! Ты не прозрачный!

А третий крикнул:

– Не маленький небось, а не понимаешь.

В зале поднялся шум. Наши друзья оглянулись и замерли на месте.

Рядом с ними, перед самой сценой, стоял Карабас в своем новом костюме, с чемоданом в руке. Стоял огромный, противный и ухмылялся своим страшным ртом!

Вот он протянул свою волосатую лапу к Мальвине...

– Р-р-р! Гав, гав, гав! – сорвался из своей ложи Артемон.

Зрители повскакали с мест. Майя бросилась к Карабасу.

– Не трогайте кукол, гражданин!

Но Карабас отпихнул Артемона сапогом, оттолкнул Майю и опять протянул руку к Мальвине...

– Не давайте, не давайте ему кукол! – закричала Майя и повисла у него на локте. Пионеры плотно окружили его, заслоняя собой сцену.

– Что вам нужно, гражданин?

Но Карабас только усмехнулся:

– Подите прочь, детишки! Я пришел за своим добром. Это мои куклы!

Пионеры смутились. Может быть, это в самом деле его куклы? Таких кукол еще не было во дворце.

Но Майя растопырила руки, защищая своих друзей, и сказала:

– Ах, не верьте, не верьте ему! Не давайте ему кукол, пожалуйста! Он вас обманывает. Ведь это Карабас из сказки «Золотой ключик», я его узнала по голосу.

Карабас расхохотался во всю глотку:

– Да ничего подобного! Я совсем не Карабас. У Карабаса большая борода, он так и зовется: Карабас Барабас Огромная Борода. А у меня никакой бороды нет. Хе-хе-хе!

Он погладил себя по жирному подбородку, шагнул вперед, схватил Пьеро за край белого балахончика и потащил к себе... Но тут к нему подскочил Миша и сказал:

– А вы все-таки Карабас. Когда вы снимали квартиру у моей бабушки, вы были с бородой. Она мне рассказывала. А сегодня вы пришли к ней без бороды, я сам видел. Вы просто обрезали свою бороду!

Тут Миша и Костя стали рядом с Майей и выставили вперед кулаки.

Карабас посмотрел на них злыми глазами, нагнул голову, как бык, и вдруг размахнулся и ударил Мишу. Мальчик по-

валился на Майю, Майя на Костю, а Костя еле удержался на ногах, ухватившись за край сцены.

– Эй, держите его! Он с ума сошел! – закричали пионеры и бросились на Карабаса. Но он рванулся так, что они посыпались в разные стороны, и заорал:

– Я вас в бараний рог согну! Я ваших кукол в порошок сотру! Узнаете, кто я такой!

Раз – он оборвал малиновый занавес, два – он стукнул сапожищем по маленькой ложе, и она разлетелась в щепы, три – он сграбастал лапами Мальвину, Буратино и Пьеро и сжал так, что все их косточки затрещали.

И вдруг стало совсем темно. Послышался свисток, такой пронзительный, такой жуткий, что у всех мороз пошел по коже...

Потом глухо забил барабан. Откуда-то появился тонкий светлый луч прожектора, пошарил в темноте, нашел Карабаса и ярко осветил его...

– Что это? – спросил Карабас. Волосы зашевелились у него на голове. Руки задрожали. Он выронил кукол...

А грозная музыка стала громче, сильнее. Как будто в темноте приближалось невидимое, могучее войско. И вот на сцену выполз тяжелый, закованный в броню танк. А из-за кулис высунулись дула пулеметов.

Танк медленно повернул башню и нацелил пушку прямо на Карабаса. И дула пулеметов направились на Карабаса. Снова раздался пронзительный свист, и со всех сторон

взметнулись, зареяли, засверкали крыльями маленькие самолеты и ринулись тучей на Карабаса...

– Мне страшно! Мне страшно! – завопил Карабас и рухнул на колени с таким громом, что весь зал вздрогнул.

– Эй, зажгите свет! Кто у вас тут безобразничает? – сказал из темноты звонкий голос.

Зал осветился. Над Карабасом стоял милиционер. А Карабас валялся на полу и выл от страха.

– Встаньте, гражданин! – сказал милиционер и потрогал его за плечо. – Батюшки, да это опять Карабас! Что он тут у вас натворил?

– Он хотел забрать наших кукол, а мы их не отдали, – сказала Майя. – Тогда он стал ломать театрик, а наш кукольник выпустил на сцену танк и напугал его. Он теперь от страха ревет. Он ведь только маленьких не боится!

– Помилуйте! Пощадите меня! – вопил Карабас, закрыв лицо руками.

– Эй, гражданин, – сказал милиционер. – Довольно выть. Вставайте и пойдемте со мной в милицию. Я прочел сказку «Золотой ключик» и знаю теперь, кто вы такой. Здесь таким безобразникам не место! Верно я говорю, ребята?

– Верно, верно! – закричали пионеры и затопали ногами. Милиционер заставил Карабаса встать и повел его к выходу. А тот хныкал и утирал глаза кулаком.

Вдруг в коридоре послышался громкий лай, дверь с треском распахнулась, и в зал опрометью вбежала маленькая

гражданка в клетчатой кепке. За ней по пятам гналась большая серая овчарка.

Вот она настигла гражданку в проходе, опрокинула ее и схватила зубами лиловую косынку на ее шее...

– На помощь! – закричали пионеры и бросились к ним.

Милиционер выхватил револьвер.

– Отойдите, дети! Может быть, собака бешеная!

– Нет, не бешеная! – сказал кто-то совсем спокойно. В дверях зала стоял доктор Николай Иванович, держа в одной руке собачью сворку, а в другой – обломки серебряного самолета.

– А, доктор! – сказал милиционер. – Опять вы пустили эту собаку без намордника! Мало я вас штрафовал? Уберите ее скорее, а то она загрызет гражданку!

– Друг! – крикнул Николай Иванович. – Поди сюда!

Друг отпустил свою добычу и подбежал к хозяину, весело виляя хвостом. Пионеры помогли гражданке встать на ноги.

– Мы с Другом, – сказал доктор, – застали эту гражданку на том, что она ломала на куски вот этот хорошенький самолетик.

– Он показал серебряные обломки. – Я не хотел причинить ей вреда, но, знаете, овчарку в таких случаях не удержишь. Взгляните!

Он подошел к гражданке и кончиком пальца дотронулся до ее розового ушка. Тогда розовое личико упало на пол с легким стуком, а вместо него выглянула рыжая шерстистая

морда с черным носом и злыми, блестящими глазами.

– Лиса! – ахнули все в один голос.

– Да, лиса! – сказал Николай Иванович. – Верная сообщница Карабаса. Я прочел сказку «Золотой ключик» и теперь знаю, кто такие они оба. Отведите их в милицию, товарищ милиционер! Друг вас проводит, чтобы они не улизнули.

– Ну и дела! – сказал милиционер и подтянул свой пояс. – Пойдемте, граждане!

Он вышел в дверь, за ним понуро плелся Карабас. Лиса ковыляла, пряча морду в лиловую косынку. А позади гордо выступал Друг – уши торчком, хвост как знамя.

Дверь захлопнулась, и всем в зале стало весело.

Карло вышел из-за ширмы и уселся на краю сцены. Мальвина, Буратино и Пьеро взобрались к нему на колени, пудель примостился у ног. Их окружили пионеры.

– Папа Карло, расскажите про Карабаса! Зачем он сюда явился? Что ему было нужно? – просили они.

Карло начал рассказывать свои приключения. Но едва он сказал о том, как тарабарские врачи отказались его лечить, поднялся страшный шум.

– Вот негодяи! Вот безобразники! Попались бы они нам, уж мы бы их проучили!

А доктор Николай Иванович сказал:

– Послушайте, Карло, как вам не совестно! Почему вы не обратились ко мне за советом сразу же, когда приехали? Я каждый день бываю во дворце.

– Спасибо! – сказал папа Карло. – Только зачем я пойду к доктору, если у меня ничего не болит? Я совсем выздоровел.

Тут все захлопали в ладоши и закричали «ура!». Пионеры решили, что Мальвина – самая хорошенькая. Пьеро – самый милый, а Буратино – самый забавный из всех деревянных актеров! А пудель Артемон – самый симпатичный из всех пуделей! А папа Карло – самый замечательный из всех кукольников на свете!

Все наши друзья остались жить во Дворце пионеров! А Карабас и лиса улетели в свою Тарабарскую страну, чтобы никогда больше к нам не возвращаться.

Глава двадцатая. самая коротенькая

Вот что рассказывал мне папа Карло и вот что я записал в тетрадку золотым перышком, пока куклы угощались яблоками и виноградом, а пудель Артемон посасывал косточку. Я дописал последнее слово и поставил точку. Тут папа Карло подумал немножко и сказал:

– Припишите еще вот что, это самое главное: нам живется здесь весело и счастливо, потому что мы делаем наше любимое дело и знаем, что мы нужны людям. Это и есть счастье!

Тут послышался звонок. Папа Карло и куклы пошли на сцену, а я – в зрительный зал. Там начиналось представление новой волшебной сказки.

Но о нем я расскажу в другой раз.

Сергей Аксаков

Аленький цветочек

Сказка ключницы Пелагеи

В некиим¹ царстве, в некиим государстве жил-был богатый купец, именитый человек.

Много у него было всякого богатства, дорогих товаров заморских, жемчугу, драгоценных каменьев, золотой и серебряной казны² и было у того купца три дочери, все три красавицы писанные, а меньшая лучше всех; и любил он дочерей своих больше всего своего богатства, жемчугов, драгоценных каменьев, золотой и серебряной казны – по той причине, что он был вдовец и любить ему было некого; любил он старших дочерей, а меньшую дочь любил больше, потому что она была собой лучше всех и к нему ласковее.

Вот и собирается тот купец по своим торговым делам за море, за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство, и говорит он своим любезным дочерям:

«Дочери мои милые, дочери мои хорошие, дочери мои

¹ В некиим – в некотором. В сказке много старинных слов; она написана так, как ее рассказывала ключница Пелагея.

² Казна – деньги.

пригожие, еду я по своим купецким делам за тридевять земель, в тридевятое царство, тридесятое государство, и мало ли, много ли времени проезжу – не ведаю, и наказываю я вам жить без меня честно и смирно, и коли вы будете жить без меня честно и смирно, то привезу вам такие гостинцы, каких вы сами захотите, и даю я вам сроку думать на три дня, и тогда вы мне скажете, каких гостинцев вам хочется».

Думали они три дня и три ночи и пришли к своему родителю, и стал он их спрашивать, каких гостинцев желают. Старшая дочь поклонилась отцу в ноги да и говорит ему первая:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи³, ни мехов черного соболя, ни жемчуга бурмицкого⁴, а привези ты мне золотой венец из камениев самоцветных, и чтоб был от них такой свет, как от месяца полного, как от солнца красного, и чтоб было от него светло в темную ночь, как среди дня белого».

Честной купец призадумался и сказал потом:

«Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, привезу я тебе таковой венец; знаю я за морем такого человека, который достанет мне таковой венец; а и есть он у одной королевишны заморской, а и спрятан он в кладовой каменной, а и стоит та кладовая в каменной горе, глубиной на три сажени, за тремя дверьми железными, за тремя замками немецкими.

³ Парча – шелковая материя, затканная золотыми или серебряными нитями.

⁴ Жемчуг бурмицкий – жемчуг особенно крупный и круглый.

Работа будет немалая: да для моей казны супротивного нет».

Поклонилась ему в ноги дочь середняя и говорит:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных мехов соболя сибирского, ни ожерелья жемчуга бурмицкого, ни золота венца самоцветного, а привези ты мне тувалет⁵ из хрусталию восточного, цельного, беспорочного, чтобы, глядя в него, видела я всю красоту поднебесную и чтоб, смотрясь в него, я не старилась и красота б моя девичья прибавлялася».

Приздумался честной купец и, подумав мало ли, много ли времени, говорит ей таковые слова:

«Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, достану я тебе таковой хрустальный тувалет; а и есть он у дочери короля персидского, молодой королевешны, красоты несказанной, неописанной и негаданной; и схоронен тот тувалет в терему каменном, высоком, и стоит он на горе каменной, вышина той горы в триста сажень, за семью дверьми железными, за семью замками немецкими, и ведут к тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени стоит по воину персидскому и день и ночь с саблею наголо булатною, и ключи от тех дверей железных носит королевешна на поясе. Знаю я за морем такого человека, и достанет он мне таковой тувалет. Потяжеле твоя работа сестриной, да для моей казны супротивного нет».

Поклонилась в ноги отцу меньшая дочь и говорит таково

⁵ Тувалет – туалет, зеркало.

СЛОВО:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального, а привези ты мне *аленький цветочек*, которого бы не было краше на белом свете».

Приздумался честной купец крепче прежнего. Мало ли, много ли времени он думал, доподлинно сказать не могу; на-думавшись, он целует, ласкает, приголубливает свою меньшую дочь, любимую, и говорит таковые слова:

«Ну, задала ты мне работу потяжеле сестриных: коли знаешь, что искать, то как не сыскать, а как найти то, чего сам не знаешь? Аленький цветочек не хитро найти, да как же узнать мне, что краше его нет на белом свете? Буду стараться, а на гостинце не взыщи».

И отпустил он дочерей своих, хороших, пригожих, в ихние терема девицьи. Стал он собираться в путь, во дороженьку, в дальние края заморские. Долго ли, много ли он соби-рался, я не знаю и не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Поехал он в путь, во дороженьку.

Вот ездит честной купец по чужим сторонам заморским, по королевствам невиданным; продает он свои товары втридорога, покупает чужие втридешева, он меняет товар на товар и того сходней, со придачею серебра да золота; золотой казной корабли нагружает да домой посылает. Отыскал он

заветный гостинец для своей старшей дочери: венец с камнями самоцветными, а от них светло в темную ночь, как бы в белый день. Отыскал заветный гостинец и для своей средней дочери: тувалет хрустальный, а в нем видна вся красота поднебесная, и, смотрясь в него, девичья красота не стареется, а прибавляется. Не может он только найти заветного гостинца для меньшей, любимой дочери – аленького цветочка, краше которого не было бы на белом свете.

Находил он во садах царских, королевских и султановых много аленьких цветочков такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером написать; да никто ему поруки не дает, что краше того цветка нет на белом свете; да и сам он того не думает. Вот едет он путем-дорогою со своими слугами верными по пескам сыпучим, по лесам дремучим, и, откуда ни возьмись, налетели на него разбойники, бусурманские, турецкие да индейские, и, увидя беду неминуемую, бросает честной купец свои караваны богатые со прислугою своей верною и бежит в темные леса. «Пусть-де меня растерзают звери лютые, чем попасться мне в руки разбойничьи, поганные и доживать свой век в плену во неволе».

Бродит он по тому лесу дремучему, непроезжному, непроходному, и что дальше идет, то дорога лучше становится, словно деревья перед ним расступаются, а часты кусты раздвигаются. Смотрит назад. – руки не просунуть, смотрит направо – пни да колоды, зайцу косому не проскочить, смотрит налево – а и хуже того. Дивуется честной купец, думает не

придумает, что с ним за чудо совершается, а сам все идет да идет: у него под ногами дорога торная. Идет он день от утра до вечера, не слышит он реву звериного, ни шипения змеиного, ни крику совиного, ни голоса птичьего: ровно около него все повымерло. Вот пришла и темная ночь; кругом его хоть глаз выколи, а у него под ногами светлехонько. Вот идет он, почитай, до полуночи, и стал видеть впереди будто зарево, и подумал он: «Видно, лес горит, так зачем же мне туда идти на верную смерть, неминуемую?»

Поворотил он назад — нельзя идти, направо, налево — нельзя идти; сунулся вперед — дорога торная. «Дай постою на одном месте, — может, зарево пойдет в другую сторону, аль прочь от меня, аль потухнет совсем».

Вот и стал он, дожидается; да не тут-то было: зарево точно к нему навстречу идет, и как будто около него светлее становится; думал он, думал и порешил идти вперед. Двух смертей не бывать, а одной не миновать. Перекрестился купец и пошел вперед. Чем дальше идет, тем светлее становится, и стало, почитай, как белый день, а не слышно шуму и треску пожарного. Выходит он под конец на поляну широкую и посередь той поляны широкой стоит дом не дом чертог не чертог, а дворец королевский или царский весь в огне, в серебре и золоте и в камнях самоцветных, весь горит и светит, а огня не видать; ровно солнышко красное, инда⁶ тяжело на него глазам смотреть. Все окошки во дворце растворены, и игра-

⁶ Инда — даже.

ет в нем музыка согласная, какой никогда он не слыхивал.

Входит он на широкий двор, в ворота широкие растворенные; дорога пошла из белого мрамора, а по сторонам бьют фонтаны воды, высокие, большие и малые. Входит он во дворец по лестнице, устланной кармазинным⁷ сукном, со перилами позолоченными; вошел в горницу – нет никого; в дружую, в третью – нет никого; в пятую, десятую – нет никого; а убранство везде царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, кость слоновая и мамонтовая.

Дивится честной купец такому богатству несказанному, а вдвое того, что хозяина нет; не только хозяина, и прислуги нет; а музыка играет не смолкаяючи; и подумал он в те поры про себя: «Все хорошо, да есть нечего» – и вырос перед ним стол, убранный-разубранный: в посуде золотой да серебряной яства⁸ стоят сахарные, и вина заморские, и питья медвяные. Сел он за стол без сумления,⁹ напился, наелся досыта, потому что не ел сутки целые; кушанье такое, что и сказать нельзя, – того и гляди, что язык проглотишь, а он, по лесам и пескам ходючи, крепко проголодался; встал он из-за стола, а поклониться некому и сказать спасибо за хлеб за соль некому. Не успел он встать да оглянуться, а стола с кушаньем как не бывало, а музыка играет не умолкаяючи.

⁷ Кармазинное – ярко-красное.

⁸ Яства – еда, кушанья.

⁹ Без сумления – без сомнения, без опасения.

Дивуется честной купец такому чуду чудному и такому диву дивному, и ходит он по палатам изукрашенным да любуются, а сам думает: «Хорошо бы теперь соснуть да всхрапнуть» – и видит, стоит перед ним кровать резная, из чистого золота, на ножках хрустальных, с пологом серебряным, с бахромою и кистями жемчужными; пуховик на ней как гора лежит, пуху мягкого, лебяжьего.

Дивится купец такому чуду новому, новому и чудному; ложится он на высокую кровать, задергивает полог серебряный и видит, что он тонок и мягок, будто шелковый. Стало в палате темно, ровно в сумерки, и музыка играет будто издали, и подумал он: «Ах, кабы мне дочерей хоть во сне увидеть!» – и заснул в ту же минуточку.

Просыпается купец, а солнце уже взошло выше дерева стоячего. Проснулся купец, а вдруг опомниться не может: всю ночь видел он во сне дочерей своих любезных, хороших и пригожих, и видел он дочерей своих старших: старшую и среднюю, что они веселым-веселехоньки, а печальна одна дочь меньшая, любимая; что у старшей и средней дочери есть женихи богатые и что собираются они выйти замуж, не дождавшись его благословения отцовского; меньшая же дочь любимая, красавица писаная, о женихах и слышать не хочет, покуда не воротится ее родимый батюшка. И стало у него на душе и радостно и не радостно.

Встал он со кровати высокой, платье ему все приготовлено, и фонтан воды бьет в чашу хрустальную; он одевается,

умывается и уж новому, чуду не дивуется: чай и кофей на столе стоят, и при них закуска сахарная. Помолившись богу, он накушался, и стал он опять по палатам ходить, чтоб опять на них полюбоваться при свете солнышка красного. Все показалось ему лучше вчерашнего. Вот видит он в окна растворенные, что кругом дворца разведены сады диковинные, плодовые и цветы цветут красоты неописанной. Захотелось ему по тем садам прогуляться.

Сходит он по другой лестнице из мрамора зеленого, из малахита медного, с перилами позолоченными, сходит прямо в зеленые сады. Гуляет он и любит: на деревьях висят плоды спелые, румяные, сами в рот так и просятся, инда, глядя на них, слюнки текут; цветы цветут распрекрасные, Махровые, пахучие, всякими красками расписанные; птицы летают невиданные: словно по бархату зеленому и пунцовому золотом и серебром выложенные, песни поют райские; фонтаны воды бьют высокие, инда глядеть на их вышину – голова запрокидывается; и бегут и шумят ключи родниковые по колодам хрустальным.

Ходит честной купец, дивуется; на все такие диковинки глаза у него разбежались, и не знает он, на что смотреть и кого слушать. Ходил он так много ли, мало ли времени – неведомо: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. И вдруг видит он, на пригорочке зеленом цветет цветок цвету алого, красоты невиданной и неслыханной, что ни в сказке сказать, ни пером написать. У честного купца дух занимает-

ся; подходит он ко тому цветку; запах от цветка по всему саду ровно струя бежит; затряслись и руки и ноги у купца, и возговорил он голосом радостным:

«Вот аленький цветочек, какого нет краше ни белом свете, о каком просила меня дочь меньшая, любимая».

И, проговорив таковы слова, он подошел и сорвал аленький цветочек. В ту же минуту, безо всяких туч, блеснула молния и ударил гром, инда земля зашаталась под ногами, — и вырос, как будто из земли, перед купцом зверь не зверь, человек не человек, а так какое-то чудище, страшное и мохнатое, и заревел он голосом диким:

«Что ты сделал? Как ты посмел сорвать в моем саду мой заповедный, любимый цветок? Я хранил его паче зеницы ока¹⁰ моего и всякий день утешался, на него глядячи, а ты лишил меня всей утехи в моей жизни. Я хозяин дворца и сада, я принял тебя, как дорогого гостя и званого, накормил, напоил и спать уложил, а ты эдак-то заплатил за мое добро? Знай же свою участь горькую: умереть тебе за свою вину смертью безвременною!...»

И несчетное число голосов диких со всех сторон завопило:

«Умереть тебе смертью безвременною!»

У честного купца от страха зуб на зуб не приходил, он оглянулся кругом и видит, что со всех сторон, из-под каж-

¹⁰ Хранить паче зеницы ока — беречь, хранить что-либо больше, чем глаза.

дого дерева и кустика, из воды, из земли лезет к нему сила нечистая и несметная, все страшилища безобразные. Он упал на колени перед набольшим хозяином, чудищем мохнатым, и возговорил голосом жалобным:

«Ох ты той еси, господин честной, зверь лесной, чудо морское: как взвеличать тебя – не знаю, не ведаю! Не погуби ты души моей христианской за мою продерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери красавицы, хорошие и пригожие; обещал я им по гостинцу привезть: старшей дочери – самоцветный венец, средней дочери – тувалет хрустальный, а меньшей дочери – аленький цветочек, какого бы не было краше на белом свете. Старшим дочерям гостинцы я сыскал, а меньшей дочери гостинца отыскать не мог; увидел я такой гостинец у тебя в саду – аленький цветочек, какого краше нет на белом свете, и подумал я, что такому хозяину, богатому-богатому, славному и могучему, не будет жалко цветочка аленького, о каком просила моя меньшая дочь, любимая. Каюсь я в своей вине перед твоим величеством. Ты прости мне, неразумному и глупому, отпусти меня к моим дочерям родимым и подари мне цветочек аленький для гостинца моей меньшей, любимой дочери. Заплачу я тебе казны золотой, что потребуешь».

Раздался по лесу хохот, словно гром загремел, и возговорит купцу зверь лесной, чудо морское:

«Не надо мне твоей золотой казны: мне своей девать неку-

да. Нет тебе от меня никакой милости, и разорвут тебя мои слуги верные на куски, на части мелкие. Есть одно для тебя спасенье. Я отпущу тебя домой невредимого, награжу казной несчетною, подарю цветочек аленький, коли дашь ты мне слово честное купецкое и запись своей руки, что пришьешь вместо себя одну из дочерей своих, хороших, пригожих; я обиды ей никакой не сделаю, а и будет она жить у меня в чести и приволье, как сам ты жил во дворце моем. Стало скучно мне жить одному, и хочу я залучить себе товарища».

Так и пал купец на сыру землю, горючими слезами обливается; а и взглянет он на зверя лесного, на чудо морское, а и вспомнит он своих дочерей, хороших, пригожих, а и пуще того завопит истошным голосом: больно страшен был лесной зверь, чудо морское. Много времени честной купец убивается и слезами обливается, и возговорит он голосом жалобным:

«Господин честной, зверь лесной, чудо морское! А и как мне быть, коли дочери мои, хорошие и пригожие, по своей воле не захотят ехать к тебе? Не связать же мне им руки и ноги да насильно прислать? Да и каким путем до тебя доехать? Я ехал к тебе ровно два года, а по каким местам, по каким путям, я не ведаю».

Возговорит купцу зверь лесной, чудо морское:

«Не хочу я невольницы: пусть приедет твоя дочь сюда по любви к тебе, своей волею и хотением; а коли дочери твои не поедут по своей воле и хотению, то сам приезжай, и велю я

казнить тебя смертью лютою. А как приехать ко мне – не твоя беда; дам я тебе перстень с руки моей: кто наденет его на правый мизинец, тот очутится там, где пожелает, во единое ока мгновение. Сроку тебе даю дома пробыть три дня и три ночи».

Думал, думал купец думу крепкую и придумал так: «Лучше мне с дочерьми повидаться, дать им свое родительское благословение, и коли они избавить меня от смерти не захотят, то приготовиться к смерти по долгу христианскому и воротиться к лесному зверю, чуду морскому». Фальши у него на уме не было, а потому он рассказал, что у него было на мыслях. Зверь лесной, чудо морское, и без того их знал; видя его правду, он и записи с него заручной¹¹ не взял, а снял с своей руки золотой перстень и подал его честному купцу.

И только честной купец успел надеть его на правый мизинец, как очутился он в воротах своего широкого двора; в ту пору в те же ворота въезжали его караваны богатые с прислугою верною, и привезли они казны и товаров втрое противу прежнего. Поднялся в доме шум и гвалт, повскакали дочери из-за пялец своих, а вышивали они серебром и золотом ширинки¹² шелковые; почали¹³ они отца целовать, миловать и разными ласковыми именами называть, и две старшие сест-

¹¹ Запись заручная – расписка.

¹² Ширинка – здесь: широкое полотенце.

¹³ Почали – начали.

ры лебезят пуще меньшей сестры. Видят они, что отец как-то нерадостен и что есть у него на сердце печаль потаенная. Стали старшие дочери его допрашивать, не потерял ли он своего богатства великого; меньшая же дочь о богатстве не думает, и говорит она своему родителю:

«Мне богатства твои ненадобны; богатство дело наживное, а открой ты мне свое горе сердешное».

И возговорит тогда честной купец своим дочерям родимым, хорошим и пригожим:

«Не потерял я своего богатства великого, а нажил казны втрое-вчетверо; а есть у меня другая печаль, и скажу вам об ней завтрашний день, а сегодня будем веселиться».

Приказал он принести сундуки дорожные, железом окované; доставал он старшей дочери золотой венец, золота аравийского, на огне не горит, в воде не ржавеет, со камнями самоцветными; достает гостинец средней дочери, тувалет хрусталию восточного; достает гостинец меньшей дочери, золотой кувшин с цветочком аленьким. Старшие дочери от радости рехнулись, унесли свои гостинцы в терема высокие и там на просторе ими досыта потешались. Только дочь меньшая, любимая, увидав цветочек аленький, затряслась вся и заплакала, точно в сердце ее что ужалило. Как возговорит к ней отец таковы речи:

«Что же, дочь моя милая, любимая, не берешь ты своего цветка желанного? Краше его нет на белом свете».

Взяла дочь меньшая цветочек аленький ровно нехотя, це-

лует руки отцовы, а сама плачет горячими слезами. Скоро прибежали дочери старшие, попытали¹⁴ они гостинцы отцовские и не могут опомниться от радости. Тогда сели все они за столы дубовые, за скатерти браные¹⁵ за яства сахарные, за пития медвяные; стали есть, пить, прохлаждатися, ласковыми речами утешатися.

Вечеру гости понаехали, и стал дом у купца полнехонек дорогих гостей, сродников, угодников, прихлебателей. До полуночи беседа продолжалася, и таков был вечерний пир, какого честный купец у себя в дому не видывал, и откуда что бралось, не мог догадаться он, да и все тому дивовались: и посуды золотой-серебряной, и кушаний диковинных, каких ни когда в дому не видывали.

Заутра позвал к себе купец старшую дочь, рассказал ей все, что с ним приключилось, все от слова до слова, и спросил: хочет ли она избавить его от смерти лютой и поехать жить к зверю лесному, к чуду морскому? Старшая дочь наотрез отказалась и говорит:

«Пусть та дочь и выручает отца, для кого он доставал аленький цветочек».

Позвал честной купец к себе другую дочь, среднюю, рассказал ей все, что с ним приключилось, все от слова до слова, и спросил, хочет ли она избавить его от смерти лютой и поехать жить к зверю лесному, чуду морскому? Средняя

¹⁴ Пытались – здесь: посмотрели, примерили.

¹⁵ Скатерть браная – скатерть, вытканная узорами.

дочь наотрез отказалась и говорит:

«Пусть та дочь и выручает отца, для кого он доставал аленький цветочек».

Позвал честной купец меньшую дочь и стал ей все рассказывать, все от слова до слова, и не успел кончить речи своей, как стала перед ним на колени дочь меньшая, любимая, и сказала:

«Благослови меня, государь мой батюшка родимый: я поеду к зверю лесному, чуду морскому, и стану жить у него. Для меня достал ты аленький цветочек, и мне надо выручить тебя».

Залился слезами честной купец, обнял он свою меньшую дочь, любимую, и говорит ей таковые слова:

«Дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая, да будет над тобою мое благословение родительское, что выручаешь ты своего отца от смерти лютой и по доброй воле своей и хотению идешь на житье противное к страшному зверю лесному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворце, в богатстве и приволье великом; да где тот дворец – никто не знает, не ведает, и нет к нему дороги ни конному, ни пешему, ни зверю прысучему¹⁶ ни птице перелетной. Не будет нам от тебя ни слуха, ни весточки, а тебе от нас и по-давно. И как мне доживать мой горький век, лица твоего не выдаючи, ласковых речей твоих не слыхаячи? Расстаюсь я с тобою на веки вечные, ровно тебя живую, в землю хороню».

¹⁶ Прысучий – стремительный, быстрый.

И возговорит отцу дочь меньшая, любимая:

«Не плачь, не тоскуй, государь мой батюшка родимый; житье мое будет богатое, привольное: зверя лесного, чуда морского, я не испугаюсь, буду служить ему верою и правдою, исполнять его волю господскую, а может, он надо мной и сжалится. Не оплакивай ты меня живую, словно мертвую: может, бог даст, я и вернусь к тебе».

Плачет, рыдает честной купец, таковыми речами не утешается.

Прибегают сестры старшие, большая и середняя, подняли плач по всему дому: вишь, больно им жалко меньшей сестры, любимой; а меньшая сестра и виду печального не кажет, не плачет, не охает и в дальний путь неведомый собирается. И берет с собою цветочек аленький во кувшине позолоченном.

Прошел третий день и третья ночь, пришла пора расставаться честному купцу, расставаться с дочерью меньшей, любимой; он целует, милует ее, горячими слезами обливает и кладет на нее крестное благословение свое родительское. Вынимает он перстень зверя лесного, чуда морского, из ларца кованого, надевает перстень на правый мизинец меньшей, любимой дочери – и не стало ее в ту же минуточку со всеми ее пожитками.

Очутилась она во дворце зверя лесного, чуда морского, во палатах высоких, каменных, на кровати из резного золота со ножками хрустальными, на пуховике пуха лебяжьего,

покрытом золотой камкой¹⁷ ровно она и с места не сходил-
ла, ровно она целый век тут жила, ровно легла почивать да
проснулася. Заиграла музыка согласная, какой отродясь она
не слыхивала.

Встала она со постели пуховой и видит, что все ее по-
житки и цветочек аленький в кувшине позолоченном тут же
стоят, раскладены и расставлены на столах зеленых малахи-
та медного, и что в той палате много добра и скарба всяко-
го, есть на чем посидеть-полежать, есть во что приодеться,
есть во что посмотреться. И была одна стена вся зеркальная,
а другая стена золоченая, а третья стена вся серебряная, а
четвертая стена из кости слоновой и мамонтовой, самоцвет-
ными яхонтами вся разубранная; и подумала Она: «Должно
быть, это моя опочивальня».

Захотелось ей осмотреть весь дворец, и пошла она осмат-
ривать все его палаты высокие, и ходила она немало време-
ни, на все диковинки любующись; одна палата была краше
другой, и все краше того, как рассказывал честной купец, го-
сударь ее батюшка родимый. Взяла она из кувшина золоче-
ного любимый цветочек аленький, сошла она в зеленые сады,
и запели ей птицы свои песни райские, а деревья, кусты и
цветы замахали своими верхушками и ровно перед ней пре-
клонились; выше забили фонтаны воды и громче зашумели
ключи родниковые; и нашла она то место высокое, приго-

¹⁷ Камка – шелковая цветная ткань с узорами.

рок муравчатый¹⁸ на котором сорвал честной купец цветочек аленький, краше которого нет на белом свете. И вынула она тот аленький цветочек из кувшина золоченого и хотела посадить на место прежнее; но сам он вылетел из рук ее и прирос к стеблю прежнему и расцвел краше прежнего.

Подивилась она такому чуду чудному, диву дивному, порадовалась своему цветочку аленькому, заветному и пошла назад в палаты свои дворцовые; и в одной из них стоит стол накрыт, и только она подумала: «Видно, зверь лесной, чудо морское, на меня не гневается, и будет он ко мне господин милостивый», – как на белой мраморной стене появились словеса огненные:

«Не господин я твой, а послушный раб. Ты моя госпожа, и все, что тебе пожелается, все, что тебе на ум придет, исполнять я буду с охотою».

Прочитала она словеса огненные, и пропали они со стены белой мраморной, как будто их никогда не бывало там. И вспало ей на мысли написать письмо к своему родителю и дать ему о себе весточку. Не успела она о том подумати, как видит она, перед нею бумага лежит, золотое перо со чернильницей. Пишет она письмо к своему батюшке родимому и сестрицам своим любезным:

«Не плачьте обо мне, не горюйте, я живу во дворце у зверя лесного, чуда морского, как королевишна; самого его не

¹⁸ Муравчатый – здесь: поросший травой (муравой)

вижу и не слышу, а пишет он ко мне на стене беломраморной словесами огненными; и знает он все, что у меня на мысли, и в ту же минуту все исполняет, и не хочет он называться господином моим, а меня называет госпожой своей».

Не успела она письмо написать и печатью припечатать, как пропало письмо из рук и из глаз ее, словно его тут и не было. Заиграла музыка пуще прежнего, на столе явились яства сахарные, питья медвяные, вся посуда золота червонного. Села она за стол веселешенька, хотя сроду не обедала одна-одинешенька; ела она, пила, прохлаждалася, музыкою забавлялася. После обеда, накушавшись, она опочивать легла; заиграла музыка потише и подальше – по той причине, чтоб ей спать не мешать.

После сна встала она веселешенька и пошла опять гулять по садам зеленым, потому что не успела она до обеда обходить и половины их, наглядеться на все их диковинки. Все деревья, кусты и цветы перед ней преклонялися, а спелые плоды – груши, персики и наливные яблочки – сами в рот лезли. Походив время немалое, почитай вплоть до вечера, воротилась она во свои палаты высокие, и видит она: стол накрыт, и на столе яства стоят сахарные и питья медвяные, и все отменные.

После ужина вошла она в ту палату беломраморную, где читала она на стене словеса огненные, и видит она на той же стене опять такие же словеса огненные:

«Довольна ли госпожа моя своими садами и палатами,

угощением и прислугою?»

И возговорила голосом радостным молодая дочь купецкая, красавица писаная:

«Не зови ты меня госпожой своей, а будь ты всегда мой добрый господин, ласковый и милостивый. Я из воли твоей никогда не выступлю. Благодарствую тебе за все твое, угощение. Лучше твоих палат высоких и твоих зеленых садов не найти на белом свете: то и как же мне довольною не быть? Я отродясь таких чудес не видывала. Я от такого дива еще в себя не приду, только боюсь я почивать одна; во всех твоих палатах высоких нет ни души человеческой».

Появились на стене словеса огненные:

«Не бойся, моя госпожа прекрасная: не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя девушка сенная,¹⁹ верная и любимая; и много в палатах душ человеческих, а только ты их не видишь и не слышишь, и все они вместе со мною берегут тебя и день и ночь: не дадим мы на тебя ветру венути,²⁰ не дадим и пылинке сесть».

И пошла почивать в опочивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писаная, и видит: стоит у кровати ее девушка сенная, верная и любимая, и стоит она чуть от страха жива; и обрадовалась она госпоже своей, и целует ее руки белые, обнимает ее ноги резвые. Госпожа была ей также рада, принялась ее расспрашивать про батюшку родимого, про

¹⁹ Девушка сенная – служанка.

²⁰ Венути – повеять, подуть.

сестриц своих старших и про всю свою прислугу девичью; после того принялась сама рассказывать, что с нею в это время приключилось; так и не спали они до белой зари.

Так и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная. Всякий день ей готовы наряды новые, богатые, и убранства такие, что цены им нет, ни в сказке сказать, ни пером написать; всякий день угощенья я веселья новые, отменные: катанье, гулянье с музыкою на колесницах без коней и упряжи по темным лесам; а те леса перед ней расступались и дорогу давали ей широкую, широкую и гладкую. И стала она рукодельями заниматься, рукодельями девичьими, вышивать ширинки серебром и золотом и низать бахромы частым жемчугом; стала посылать подарки батюшке родимому, а и самую богатую ширинку подарила своему хозяину ласковому, а и тому лесному зверю, чуду морскому; а и стала она день ото дня чаще ходить в залу беломраморную, говорить речи ласковые своему хозяину милостивому и читать на стене его ответы и приветы словесами огненными.

Мало ли, много ли тому времени прошло: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, — стала привыкать к своему житью-бытью молодая дочь купецкая, красавица писаная; ничему она уже не дивуется, ничего не пугается; служат ей слуги невидимые, подают, принимают, на колесницах без коней катают, в музыку играют и все ее повеления исполняют. И возлюбляла она своего господина милостивого день ото дня, и видела она, что недаром он зовет ее госпожой

своей и что любит он ее пуще самого себя; и захотелось ей его голоса послушать, захотелось с ним разговор повести, не ходя в палату беломраморную, не читая словесов огненных.

Стала она его о том молить и просить; да зверь лесной, чудо морское, не скоро на ее просьбу соглашается, испугать ее своим голосом опасается; упросила, умолила она своего хозяина ласкового, и не мог он ей супротивным быть, и написал он ей в последний раз на стене беломраморной словами огненными:

«Приходи сегодня во зеленый сад, сядь во свою беседку любимую, листьями, ветками, цветами заплетенную, и скажи так: «Говори со мной, мой верный раб»».

И мало спустя времечка побежала молодая дочь купецкая, красавица писаная, во сады зеленые, входила во беседку свою любимую, листьями, ветками, цветами заплетенную, и садилась на скамью парчовую; и говорит она задыхаячись, бьется сердечко у ней, как у птички пойманной, говорит таковые слова:

«Не бойся ты, господин мой, добрый, ласковый, испугать меня своим голосом: после всех твоих милостей не убоюсь я и рева звериного; говори со мной не опасаячись».

И услышала она, ровно кто вздохнул за беседкою, и раздался голос страшный, дикий и зычный, хриплый и сиплый, да и то говорил он еще вполголоса. Вздрогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услышав голос зверя лесного, чуда морского, только со страхом своим совла-

дала и виду, что испугалась, не показала, и скоро слова его ласковые и приветливые, речи умные и разумные стала слушать она и заслушалась, и стало у ней на сердце радостно.

С той поры, с того времечка пошли у них разговоры, почитай, целый день – во зеленом саду на гуляньях, во темных лесах на катаньях и во всех палатах высоких. Только спросит молодая дочь купецкая, красавица писаная:

«Здесь ли ты, мой добрый, любимый господин?»

Отвечает лесной зверь, чудо морское:

«Здесь, госпожа моя прекрасная, твой верный раб, неизменный друг».

И не пугается она его голоса дикого и страшного, и пойдут у них речи ласковые, что конца им нет.

Прошло мало ли, много ли времени: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, – захотелось молодой дочери купецкой, красавице писаной, увидеть своими глазами зверя лесного, чуда морского, и стала она его о том просить и молить. Долго он на то не соглашается, испугать ее опасается, да и был он такое страшилище, что ни в сказке сказать, ни пером написать; не только люди, звери дикие его завсегда устрашались и в свои берлоги разбегались. И говорит зверь лесной, чудо морское, таковые слова:

«Не проси, не моли ты меня, госпожа моя распрекрасная, красавица ненаглядная, чтобы показал я тебе свое лицо противное, свое тело безобразное. К голосу моему попривыкла

ты; мы живем с тобой в дружбе, согласии друг с другом, почитай, не разлучаемся, и любишь ты меня за мою любовь к тебе несказанную, а увидя меня, страшного и противного, возненавидишь ты меня, несчастного, прогонишь ты меня с глаз долой, а в разлуке с тобой я умру с тоски».

Не слушала таких речей молодая купецкая дочь, красавица писаная, и стала молить пуще прежнего, клясться, что никакого на свете страшилища не испугается и что не разлюбит она своего господина милостивого, и говорит ему такие слова:

«Если ты стар человек – будь мне дедушка, если середович²¹ – будь мне дядюшка, если же молод ты – будь мне названный брат, и поколь я жива – будь мне Сердечный друг».

Долго, долго лесной зверь, чудо морское, не поддавался на такие слова, да не мог просьбам и слезам своей красавицы супротивным быть, и говорит ей таково слово:

«Не могу я тебе супротивным быть по той причине, что люблю тебя пуще самого себя; исполню я твое желание, хотя знаю, что погублю мое счастье и умру смертью безвременной. Приходи во зеленый сад в сумерки серые, когда сядет за лес солнышко красное, и скажи: «Покажись мне, верный друг!» – и покажу я тебе свое лицо противное, свое тело безобразное. А коли станет неважно тебе больше у меня оставаться, не хочу я твоей неволи и муки вечной: ты найдешь в опочивальне своей, у себя под подушкой, мой золот пер-

²¹ Середович – человек средних лет.

стенъ. Надень его на правый мизинец – и очутишься ты у ба-
тюшки родимого и ничего обо мне николи не услышишь».

Не убоясь, не утратившись, крепко на себя понадеялась
молодая дочь купецкая, красавица писаная. В те поры, не
мешкая ни минуточки, пошла она во зеленый сад дожидат-
ся часу урочного и, когда пришли сумерки серые, опусти-
лося за лес солнышко красное, проговорила она: «Покажись
мне, мой верный друг!» – и показался ей издали зверь лес-
ной, чудо морское: он прошел только поперек дороги и про-
пал в частых кустах; и невзвидела света молодая дочь купец-
кая, красавица писаная, всплеснула руками белыми, закри-
чала истошным голосом и упала на дорогу без памяти. Да
и страшен был зверь лесной, чудо морское: руки кривые, на
руках когти звериные, ноги лошадиные, спереди-сзади гор-
бы великие верблюжие, весь мохнатый от верху донизу, изо
рта торчали кабаньи клыки, нос крючком, как у беркута, а
глаза были совиные.

Полежавши долго ли, мало ли времени, опаматовалась
молодая дочь купецкая, красавица писаная, и слышит: пла-
чет кто-то возле нее, горючими слезами обливается и гово-
рит голосом жалостным:

«Погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не ви-
дать мне больше твоего лица распрекрасного, не захочешь
ты меня даже слышати, и пришло мне умереть смертью без-
временною».

И стало ей жалкой совестно, и совладала она со своим

страхом великим и с своим сердцем робким девичьим, и заговорила она голосом твердым:

«Нет, не бойся ничего, мой господин добрый и ласковый, не испугаюсь я больше твоего вида страшного, не разлучусь я с тобой, не забуду твоих милостей; покажись мне теперь же в своем виде давешнем; я только впервые испугалась».

Показался ей лесной зверь, чудо морское, в своем виде страшном, противном, безобразном, только близко подойти к ней не осмелился, сколько она ни звала его; гуляли они до ночи темной и вели беседы прежние, ласковые и разумные, и не чуяла никакого страха молодая дочь купецкая, красавица писаная. На другой день увидала она зверя лесного, чудо морское, при свете солнышка красного, и хотя сначала, разглядя его, испугалась, а виду не показала, и скоро страх ее совсем прошел. Тут пошли у них беседы пуще прежнего: день-деньской, почитай, не разлучались, за обедом и ужином яствами сахарными насыщались, питьями медвяными прохлаждались, гуляли по зеленым садам, без коней катались по темным лесам.

И прошло тому немало времени: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Вот однажды и привиделось во сне молодой купецкой дочери, красавице писаной, что батюшка ее нездоров лежит; и напала на нее тоска неусыпная, и увидал ее в той тоске и слезах зверь лесной, чудо морское, и сильно закручинился и стал спрашивать: отчего она во тос-

ке, во слезах? Рассказала она ему свой недобрый сон и стала просить у него позволения повидать своего батюшку родимого и сестриц своих любезных. И возговорит к ней зверь лесной, чудо морское:

«И зачем тебе мое позволение? Золот перстень мой у тебя лежит, надень его на правый мизинец и очутишься в дому у батюшки родимого. Оставайся у него, пока не соскучишься, а и только я скажу тебе: коли ты ровно через три дня и три ночи не воротишься, то не будет меня на белом свете, и умру я тою же минутою, по той причине, что люблю тебя больше, чем самого себя, и жить без тебя не могу».

Стала она заверять словами заветными и клятвами, что ровно за час до трех дней и трех ночей воротится во палаты его высокие. Простилась она с хозяином своим ласковым и милостивым, надела на правый мизинец золот перстень и очутилась на широком дворе честного купца, своего батюшки родимого. Идет она на высокое крыльцо его палат каменных; набежала к ней прислуга и челядь дворовая, подняли шум и крик; прибежали сестрицы любезные и, увидевши ее, диву дались красоте ее девичьей и ее наряду царскому, королевскому; подхватили ее под руки белые и повели к батюшке родимому; а батюшка нездоров лежал, нездоров и нерастовен, день и ночь ее воспоминаючи, горячими слезами обливаясь; и не вспомнился он от радости, увидавши свою дочь милую, хорошую, пригожую, меньшую, любимую, и дивился он красоте ее девичьей, ее наряду царскому, королев-

скому.

Долго они целовались, миловались, ласковыми речами утешались. Рассказала она своему батюшке родимому и своим сестрам старшим, любезным, про свое житье-бытье у зверя лесного, чуда морского, все от слова до слова, никакой крохи не скрываючи. И возвеселился честной купец ее жизнью богатому, царскому, королевскому, и дивился, как она привыкла смотреть на своего хозяина страшного и не боится зверя лесного, чуда морского; сам он, об нем вспоминаячи, дрожкой дрожал. Сестрам же старшим, слушая про богатства несметные меньшей сестры и про власть ее царскую над своим господином, словно над рабом своим, инда завистно стало.

День проходит, как единый час, другой день проходит, как минуточка, а на третий день стали уговаривать меньшую сестру сестры старшие, чтоб не ворочалась она к зверю лесному, чуду морскому. «Пусть-де околеет, туда и дорога ему...» И прогневалась на сестер старших дорогая гостья, меньшая сестра, и сказала им таковы слова:

«Если я моему господину доброму и ласковому за все его милости и любовь горячую, несказанную заплачу его смертью лютою, то не буду я стоять того, чтобы мне на белом свете жить, и стоит меня тогда отдать диким зверям на растерзание».

И отец ее, честной купец, похвалил ее за такие речи хорошие, и было положено, чтобы до срока ровно за час воро-

тилась к зверю лесному, чуду морскому, дочь хорошая, пригожая, меньшая, любимая. А сестрам то в досаду было, и задумали они дело хитрое, дело хитрое и недоброе; взяли они да все часы в доме целым часом назад поставили, и не ведал того честной купец и вся его прислуга верная, челядь дворовая.

И когда пришел настоящий час, стало у молодой купечкой дочери, красавицы писаной, сердце болеть и щемить, ровно стало что-нибудь подмывать ее, и смотрит она то и дело на часы отцовские, аглицкие, немецкие, – а все равно ей пускаться в дальний путь. А сестры с ней разговаривают, о том о сем спрашивают, позадерживают. Однако сердце ее не вытерпело; простилась дочь меньшая, любимая, красавица писаная, со честным купцом, батюшкой родимым, приняла от него благословение родительское, простилась с сестрами старшими, любезными, со прислугою верною, челядью дворовою, и, не дождавшись единой минутки до часа урочного, надела золот перстень на правый мизинец и очутилась во дворце белокаменном, во палатах высоких зверя лесного, чуда морского, и, дивуючись, что он ее не встречает, закричала она громким голосом:

«Где же ты, мой добрый господин, мой верный друг? Что же ты меня не встречаешь? Я воротилась раньше срока назначенного целым часом со минуткой».

Ни ответа, ни привета не было, тишина стояла мертвая;

в зеленых садах птицы не пели песни райские, не били фонтаны воды и не шумели ключи родниковые, не играла музыка во палатах высоких. Дрогнуло сердечко у купечкой дочери, красавицы писаной, почуяла она нешто недоброе; обежала она палаты высокие и сады зеленые, звала зычным голосом своего хозяина доброго – нет нигде ни ответа, ни привета и никакого гласа послушания.²² Побежала она на пригорок муравчатый, где рос, красовался ее любимый цветочек аленький, и видит она, что лесной зверь, чудо морское, лежит на пригорке, обхватив аленький цветочек своими лапами безобразными. И показалось ей, что заснул он, ее дожидаячись, и спит теперь крепким сном. Начала его будить потихоньку дочь купечкая, красавица писаная, – он не слышит; принялась будить покрепче, схватила его за лапу мохнатую – и видит, что зверь лесной, чудо морское, бездыханен, мертв лежит...

Помутились ее очи ясные, подкосились ноги резвые, пала она на колени, обняла руками белыми голову своего господина доброго, голову безобразную и противную, и завопила истошным голосом:

«Ты встань, пробудись, мой сердечный Друг, я люблю тебя как жениха желанного!...»

И только таковы слова она вымолвила, как заблестели молнии со всех сторон, затряслась земля от грома великого, ударила громава стрела каменная в пригорок муравчатый,

²² Глас послушания – ответный голос.

и упала без памяти молодая дочь купецкая, красавица писаная. Много ли, мало ли времени она лежала без памяти – не ведаю; только, очнувшись, видит она себя во палате высокой, беломраморной, сидит она на золотом престоле со каменьями драгоценными, и обнимает ее принц молодой, красавец писанный, на голове со короною царскою, в одежде златокованой; перед ним стоит отец с сестрами, а кругом на коленях стоит свита великая, все одеты в парчах золотых, серебряных. И возговорит к ней молодой принц, красавец писанный, на голове со короною царскою:

«Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, в образе чудища безобразного, за мою добрую душу и любовь к тебе; полюби же меня теперь в образе человеческом, будь моей невестой желанною. Злая волшебница прогневалась на моего родителя покойного, короля славного и могучего, укра-ла меня, еще малолетнего, и сатанинским колдовством своим, силой нечистою, оборотила меня в чудище страшное и наложила таковое заклятие, чтобы жить мне в таковом виде безобразном, противном и страшном для всякого человека, для всякой твари божией, пока найдется красная девица, какого бы роду и звания ни была она, и полюбит меня в образе страшилища и пожелает быть моей женой законною, – и тогда колдовство все покончится, и стану я опять по-прежнему человеком молодым и пригожим. И жил я таковым страшилищем и пугалом ровно тридцать лет, и залучал я в мой дворец заколдованный одиннадцать девиц красных, ты была

двенадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и угождения, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угождения, за мою душу добрую, за любовь мою к тебе несказанную, и будешь ты за то женою короля славного, королевою в царстве могучем».

Тогда все тому подивилися, свита до земли преклонилася. Честной купец дал свое благословение дочери меньшей, любимой, и молодому принцу-королевичу. И поздравили жениха с невестою сестры старшие, завистные, и все слуги верные, бояре великие и кавалеры ратные, и нимало не медля принялись веселым пирком да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама там была, пиво-мед пила, по усам текло, да в рот не попало.

Вильгельм Гауф

Сказки

Рассказ о калифе аисте

I

Однажды в прекрасное послеобеденное время багдадский калиф Хасид уютно сидел на своем диване. Он немного поспал, потому что был жаркий день, и теперь, после своего короткого сна, имел очень веселый вид. Он курил из длинной трубки розового дерева, отпивал иногда немного кофе, который наливал ему раб, и всякий раз, когда кофе казался ему вкусным, весело поглаживал себе бороду. Словом, по калифу видно было, что ему очень приятно. В этот час очень хорошо можно было говорить с ним, потому что он был всегда очень милостив и снисходителен; поэтому и его великий визирь Мансор ежедневно посещал его в это время. В это послеобеденное время он тоже пришел, но против обыкновения имел очень задумчивый вид. Калиф немного вынул изо рта трубку и сказал:

– Почему у тебя такое задумчивое лицо, великий визирь?

Великий визирь крестообразно сложил руки на грудь, поклонился своему государю и ответил:

— Государь, задумчивое ли у меня лицо — я не знаю, но там внизу, у дворца, стоит торговец, у которого такие прекрасные вещи, что мне досадно не иметь много лишних денег.

Калиф, который уже давно охотно порадовал бы своего великого визиря, послал вниз черного раба, чтобы привести торговца наверх. Скоро раб вернулся с торговцем. Это был маленький, толстый человек, смуглый лицом и в оборванной одежде. Он принес ящик, в котором у него были всякие товары: жемчуг и кольца, богато оправленные пистолеты, кубки и гребни. Калиф и его визирь все пересмотрели, и калиф купил наконец для себя и Мансора прекрасные пистолеты, а для жены визиря — гребень. Когда торговец хотел уже опять закрыть свой ящик, калиф увидел маленький выдвижной ящичек и спросил, есть ли и там еще товары.

Торговец вынул ящик и показал в нем коробку с черноватым порошком и бумагу с очень странной надписью, которую не могли прочесть ни калиф, ни Мансор.

— Эти две вещи я получил однажды от купца, который нашел их в Мекке на улице, — сказал торговец. — Я не знаю, что они содержат; они к вашим услугам за ничтожную цену, я ведь ничего не могу сделать с ними.

Калиф, который любил иметь в своей библиотеке старинные рукописи, хотя и не мог читать их, купил рукопись и коробку и отпустил торговца. Он стал думать, как бы ему

узнать, что содержит рукопись, и спросил визиря, не знает ли он кого-нибудь, кто мог бы разобрать ее.

– Всемиловейший государь и повелитель, – отвечал визирь, – у большой мечети живет один человек, которого зовут Селимом Мудрецом; он знает все языки. Позови его, может быть, он знает эти таинственные знаки.

Скоро ученый Селим был приведен.

– Селим, – сказал ему калиф, – говорят, ты очень учен. Взгляни-ка немного на эту рукопись, можешь ли ты прочесть ее? Если ты сможешь прочесть ее, то получишь от меня новое праздничное платье, если не сможешь – получишь двенадцать ударов по щеке и двадцать пять по подошвам, потому что тогда тебя напрасно называют Селимом Мудрецом.

Селим поклонился и сказал:

– Да будет воля твоя, государь!

Он долго и внимательно рассматривал рукопись, но вдруг воскликнул:

– Это написано по-латыни, государь, или пусть меня повесят!

– Скажи, что в ней написано, – приказал калиф, – если это по-латыни.

Селим начал переводить:

«Человек, ты, который найдешь это, восхвали Аллаха за его милость. Кто понюхает порошка в этой коробке и при этом скажет *мутабор*²³ тот

²³ Я превращаюсь.

может превратиться во всякое животное и будет понимать также язык животных. Если он захочет опять возвратиться в свой человеческий образ, то пусть он трижды поклонится на восток и скажет это же слово! Но остерегайся смеяться, когда будешь превращен! Иначе волшебное слово совершенно исчезнет из твоей памяти и ты останешься животным!»

Когда Селим Мудрец прочел все это, калиф был чрезвычайно доволен. Он велел ученому поклясться никому ничего не говорить об этой тайне, подарил ему прекрасное платье и отпустил его. А своему великому визирю он сказал:

– Это я называю хорошей покупкой, Мансор! Как я буду рад, когда буду животным! Завтра утром ты придешь ко мне! Потом мы вместе пойдем в поле, понюхаем немного из моей коробки, а затем будем подслушивать, что говорится в воздухе и в воде, в лесу и в поле.

II

Едва на другое утро калиф Хасид позавтракал и оделся, как уже явился великий визирь сопровождать его, как он приказал, на прогулку. Калиф сунул коробку с волшебным порошком за пояс и, приказав своей свите остаться сзади, отправился в путь с одним великим визирем. Сперва они пошли по обширным садам калифа, но напрасно высматривали что-нибудь живое, чтобы испытать свой фокус. Нако-

нец визирь предложил пойти дальше, к пруду, где он уже часто видал много животных, а именно аистов, которые своей важностью и своим курлыканьем всегда возбуждали его внимание.

Калиф одобрил предложение своего визиря и пошел с ним к пруду. Придя туда они увидели аиста, который важно расхаживал, отыскивая лягушек и иногда что-то курлыча про себя. В то же время далеко вверх, в воздухе, они увидели другого аиста, летевшего к этому месту.

– Ручаюсь своей седой бородой, всемилостивейший государь, – сказал великий визирь, – если эти двое длинноногих не поведут между собою прекрасного разговора. А что если нам сделаться аистами?

– Отлично! – отвечал калиф.

– Но прежде еще раз сообразим, как сделаться опять человеком.

– Верно! Трижды поклонившись на восток и сказав мутабор я буду опять калифом, а ты – визирем. Но только, ради неба, не смеяться, а то мы пропали!

Сказав так, калиф увидел, что другой аист парит над их головами и медленно опускается на землю. Он быстро вынул из-за пояса коробку, взял хорошую щепоть, предложил ее великому визирю, который тоже понюхал, и оба воскликнули: «Мутабор!»

Тогда их ноги сморщились и стали тонкими и красными: красивые желтые туфли калифа и его спутника сделались

безобразными ногами аистов, руки – крыльями, шея вышла из плеч и стала длиной в локоть, борода исчезла, а все тело покрыли мягкие перья.

– У вас красивый клюв, великий визирь, – сказал после долгого изумления калиф. – Клянусь бородой Пророка, ничего такого я не видал в своей жизни!

– Покорнейше благодарю, – ответил великий визирь кланяясь, – но, если я могу осмелиться, я утверждаю, что аистом ваше высочество почти еще красивее, чем калифом. Однако пойдемте, если вам угодно, подслушивать там наших товарищей и испытать, действительно ли мы знаем язык аистов.

Между тем другой аист прилетел на землю. Он почистил себе клювом ноги, расправил перья и подошел к первому аисту. А оба новых аиста поспешили подойти поближе к ним и, к своему изумлению, услышали следующий разговор:

– Здравствуйте, Длинноножка! Так рано и уже на лугу?

– Очень вам благодарна, моя милая Трещотка! Я добыла себе только маленький завтрак. Может быть, вам угодно четвертинку ящерицы или бедрышко лягушки?

– Благодарю покорно – у меня сегодня совсем нет аппетита. Я прилетела на луг даже совсем за другим. Я должна сегодня танцевать перед гостями своего отца и хочу немного поупражняться наедине.

В то же время молодой аист с удивительными движениями зашагал по полю. Калиф и Мансор с удивлением смотрели на него. А когда он в живописной позе стал на одной ноге

и при этом грациозно замахал крыльями, тогда оба они уже не могли сдержаться: из их клювов вырвался неудержимый смех, от которого они опомнились только спустя долгое время.

Сперва успокоился калиф.

– Это была прекрасная шутка! – воскликнул он, – Такой не купишь за деньги! Жаль, что своим смехом мы спугнули глупых животных, а то они, наверно, еще и спели бы.

Но теперь великому визирю пришло в голову, что смех во время превращения был запрещен. Поэтому он поделился своим опасением с калифом.

– Клянусь Меккой и Мединой! Это была бы плохая шутка, если бы я должен был остаться аистом! Вспомни же глупое слово! Я не произнесу его.

– Мы должны трижды поклониться на восток и при этом сказать: му-му-му...

Они стали к востоку и беспрестанно кланялись, так что их клювы почти касались земли. Но горе! Они забыли волшебное слово, и сколько ни кланялся калиф, как страстно его визирь ни восклицал при этом му-му-му, всякое воспоминание о нем исчезло, и бедный Хасид и его визирь остались аистами.

III

Печально бродили заколдованные по полям. Они совер-

шенно не знали, что им делать в своем горе. Выйти из своей кожи аистов они не могли, вернуться в город, чтобы дать возможность узнать себя, тоже не могли; ведь кто же поверил бы аисту, что он калиф? А если бы даже и поверили этому, то захотят ли жители Багдада иметь калифом аиста?

Так они блуждали несколько дней и скудно питались полевыми плодами, которыми, однако, вследствие своих длинных клювов они не могли хорошо кормиться. Впрочем, к ящерицам и лягушкам у них не было аппетита, потому что они опасались испортить себе такими лакомствами желудок. Их единственным удовольствием в этом печальном положении было то, что они могли летать, и вот они часто летали на крыши Багдада смотреть что происходит в нем.

В первые дни они замечали на улицах большое беспокойство и печаль. А приблизительно на четвертый день после своего превращения они сидели на дворце калифа и увидели внизу на улице пышное шествие. Звучали барабаны и трубы; на разукрашенной лошади сидел человек в вышитой золотом пурпурной мантии, окруженный блестящими слугами.

За ним бежала половина Багдада, и все кричали: «Да здравствует Мицра, властитель Багдада!» Тогда оба аиста на крыше дворца посмотрели друг на друга, и калиф Хасид сказал:

– Ты догадываешься теперь, почему я заколдован, великий визирь? Этот Мицра – сын моего смертельного врага, могущественного волшебника Кашнура, который в минуту

гнева поклялся мне в мести. Но я еще не теряю надежды. Пойдем со мной, верный товарищ моего горя! Мы отправимся к гробу Пророка; может быть, в святом месте это колдовство будет уничтожено.

Они поднялись с крыши дворца и полетели в сторону Медины.

Но лететь им не очень-то удавалось, потому что у обоих аистов было еще мало упражнения.

– Государь, – застонал через несколько часов великий визирь, – простите, я уж недолго выдержу это! Вы летите слишком быстро! Да и уж вечер! Мы хорошо бы сделали, если бы поискали на ночь пристанища.

Калиф выслушал просьбу своего слуги, а так как внизу в долине он увидел развалины, которые, казалось, давали приют, то они полетели туда. Место, где они спустились на эту ночь, прежде, по-видимому, было замком. Среди развалин возвышались прекрасные колонны; несколько комнат, которые еще достаточно сохранились, свидетельствовали о прежнем великолепии этого дома. Хасид и его спутник пошли по коридорам искать себе сухое местечко.

Вдруг аист Мансор остановился.

– Государь и повелитель, – тихо прошептал он, – глупо было бы великому визирю, а еще больше аисту, бояться привидений! Мне очень страшно, потому что здесь рядом что-то только что совершенно внятно вздыхало и стонало.

Калиф тоже остановился и совершенно ясно услышал ти-

хий плач, который принадлежал, казалось, скорее человеку, нежели животному. Исполненный ожидания, он хотел подойти к тому месту, откуда шли жалобные звуки, но визирь схватил его клювом за крыло и с мольбой попросил его не бросаться в новые, неизвестные опасности. Но напрасно! Калиф, у которого и под крылом аиста билось храброе сердце, вырвался, потеряв несколько перьев, и поспешил в темный проход. Скоро он подошел к двери, которая, казалось, была только притворена и из-за которой он услышал явственные вздохи и стоны. Он открыл дверь, толкнув ее клювом, но в изумлении остановился на пороге. В развалившейся комнате, которая скудно освещалась только небольшим решетчатым окном, он увидел сидевшую на полу большую ночную сову. Крупные слезы катились у нее из больших, круглых глаз и хриплым голосом она издавала вопли своим кривым клювом. Но когда она увидела калифа и его визиря, который между тем тоже подкрался, она подняла громкий радостный крик. Она красиво утерла крылом с бурыми пятнами слезы с глаз и, к великому изумлению обоих, воскликнула на хорошем арабском языке:

– Милости просим, аисты! Вы для меня добрый знак моего спасения, потому что через аистов мне явится большое счастье. Так однажды мне было предсказано!

Когда калиф опомнился от своего изумления, он поклонился своей длинной шеей, красиво поставил свои тонкие ноги и сказал:

– Сова! По твоим словам я могу думать, что вижу в тебе товарища по несчастью. Но увь! Твоя надежда, что через нас явится твое спасение, напрасна! Ты сама узнаешь нашу беспомощность, когда услышишь нашу историю.

Сова попросила его рассказать, а калиф начал и рассказал то, что мы уже знаем.

IV

Когда калиф изложил сове свою историю, она поблагодарила его и сказала:

– Узнай также мою историю и выслушай, что я не меньше тебя несчастна. Мой отец – король Индии; меня, его единственную, несчастную дочь, зовут Лузой. Тот волшебник Кашнур, который заколдовал вас, сделал несчастной и меня. Однажды он явился к моему отцу и стал просить меня в жены для своего сына Мицры. А мой отец, человек вспыльчивый, велел спустить его с лестницы. Негодяй сумел под другим видом опять подкрасться близко ко мне, и когда я однажды в своем саду захотела выпить прохладительного, он, переодетый рабом, принес мне питье, которое превратило меня в этот мерзкий вид. Он принес меня, бессильную от ужаса, сюда и страшным голосом крикнул мне в уши:

«Ты должна оставаться безобразной, презираемой даже животными до своей смерти или пока кто-нибудь добровольно не пожелает тебя, даже в этом ужасном виде, в супруги.

Так я мщу тебе и твоему гордому отцу!»

С тех пор прошло много месяцев. Одинок и печально я живу отшельницей в этих стенах, ненавидимая миром и отвратительная даже для животных; прекрасная природа недоступна мне: ведь днем я слепа, и только когда месяц разливают на эти стены свой бледный свет, с моих глаз спадает окутывающий их покров.

Сова кончила и крылом опять утерла глаза, потому что рассказ о своих страданиях вызвал у нее слезы.

При рассказе принцессы калиф погрузился в глубокие размышления.

– Если не все меня обманывает, – сказал он, – то между нашими несчастьями существует таинственная связь; но где мне найти ключ к этой загадке?

Сова отвечала ему:

– О государь, и я предчувствую это, потому что однажды, в ранней юности, мне было предсказано мудрой женщиной, что аист принесет мне большое счастье, и я, может быть, знаю, как мы могли бы спастись.

Калиф был очень изумлен и спросил, каким же путем можно спастись по ее мнению.

– Волшебник, который обоих нас сделал несчастными, – сказала она, – раз в месяц приходит в эти развалины. Недалеко от этой комнаты есть зала. Там он и многие его товарищи собираются и пируют. Уже не раз я подслушивала их там. Тогда они рассказывают друг другу свои постыдные де-

ла; быть может, в то время он произносит волшебное слово, которое вы забыли.

– Дражайшая принцесса! – воскликнул калиф. – Скажи, когда он приходит и где эта зала!

Сова минуто помолчала, а потом сказала;

– Не обижайтесь, но только под одним условием я могу исполнить ваше желание.

– Говори! Говори! – закричал Хасид. – Приказывай, для меня все хорошо!

– Я очень хотела бы тоже быть свободной. Но это может произойти лишь тогда, когда один из вас предложит мне свою руку.

Аисты, по-видимому, были несколько смущены этим предложением, и калиф сделал своему слуге знак немного отойти с ним.

– Великий визирь, – сказал за дверью калиф, – это глупая сделка, но вы могли бы, как мне кажется, принять ее.

– Как? – отвечал визирь, – Чтобы моя жена, когда я приду домой, выцарапала мне глаза? К тому же я старик, а вы еще молоды, не женаты. Вы скорее можете отдать руку молодой, прекрасной принцессе.

– То-то и есть, – вздохнул калиф, печально опуская крылья, – кто же говорит тебе, что она молода и прекрасна? Это значит купить за глаза!

Они еще долго уговаривали друг друга, но наконец, когда калиф увидел, что его визирь предпочитает остаться аистом,

нежели жениться на сове, он решился сам исполнить условие. Сова очень обрадовалась. Она призналась им, что в лучшее время они не могли бы прийти, потому что волшебники соберутся, вероятно, в эту ночь.

Она вместе с аистами покинула комнату, чтобы вести их в ту Залу. Они долго шли в темном коридоре; наконец из-за полуразвалившейся стены им блеснул в глаза яркий свет.

Когда они подошли туда, сова посоветовала им держать себя совсем тихо. Через отверстие, у которого они стояли, они могли осмотреть большую залу. Она была украшена колоннами и великолепно убрана. Множество цветных ламп заменяли дневной свет. Посредине залы стоял круглый стол, уставленный множеством изысканных кушаний. Вокруг стола тянулся диван, на котором сидели восемь человек. В одном из этих людей аисты узнали того торговца, который продал им волшебный порошок. Его сосед пригласил его рассказать им свои новейшие дела. Он рассказал между прочим и историю калифа и его визиря.

– Какое же слово ты им задал? – спросил его другой волшебник.

– Очень трудное, латинское слово – *мутабор*.

V

Когда аисты у своего отверстия в стене услышали это, они от радости почти вышли из себя. На своих длинных ногах

они так быстро побежали к воротам развалин, что сова едва могла поспевать. Там растроганный калиф сказал сове:

– Спасительница моей жизни и жизни моего друга, возьми меня в супруги в знак вечной благодарности за то, что ты сделала для нас!

А затем он обернулся к востоку. Аисты трижды склонили свои длинные шеи навстречу солнцу, которое только что поднималось за горами. «Мутабор!» – воскликнули они и вмиг превратились в людей. В великой радости от вновь дарованной жизни государь и слуга смеясь и плача обнимали друг друга. Но кто опишет их изумление, когда они оглянулись? Перед ними стояла прекрасная, великолепно наряженная дама. Она с улыбкой подала калифу руку.

– Разве вы уже не узнаете свою ночную сову? – сказала она.

Это была она. Калиф был так восхищен ее красотой и прелестью, что воскликнул:

– Мое величайшее счастье, что я в свое время сделался аистом!

Теперь все трое вместе направились в Багдад.

В своей одежде калиф нашел не только коробку с волшебным порошком, но и свой кошелек с деньгами. Поэтому в ближайшей деревне он купил все, что было необходимо для их путешествия, и вот они скоро приехали к воротам Багдада. А там прибытие калифа возбудило большое изумление. Его выдавали за умершего, и поэтому народ был очень рад

опять иметь своего возлюбленного государя.

Но тем сильнее возгорелась ненависть жителей к обманщику Мицре. Они пошли во дворец и поймали старого волшебника и его сына. Старика калиф отправил в ту самую комнату развалин, где принцесса жила совой, и велел повесить его там. А сыну, который ничего не понимал в искусствах отца, калиф предоставил выбрать, что он хочет: умереть или понюхать порошка. Когда он выбрал последнее, великий визирь подал ему коробку. Порядочная щепоть и волшебное слово калифа превратили его в аиста. Калиф велел запереть его в железную клетку и поставить ее в своем саду.

Долго и весело жил калиф Хасид со своей женой принцессой. Его самыми приятными часами были всегда те, когда после обеда его посещал великий визирь. Тогда они часто говорили о своих приключениях, когда были аистами, и если калиф был очень весел, то снисходил до того, что изображал великого визиря, какой вид он имел аистом. Он важно ходил не сгибая ног назад и вперед по комнате, курлыкал, махал руками, как крыльями, и показывал, как визирь тщетно кланялся на восток и при этом восклицал му-му. Для жены калифа и ее детей это представление всегда было большой радостью; но когда калиф слишком долго курлыкал, кланялся и кричал му-му, то визирь улыбаясь грозил ему, что сообщит жене калифа, что обсуждалось за дверью принцессы ночной совы.

Когда Селим Барух окончил свой рассказ, купцы, казалось, были очень довольны им.

– Правда, послеобеденное время прошло у нас так, что мы и не заметили! – сказал один из них, открывая ковер палатки. – Дует прохладный, вечерний ветер; мы могли бы проехать еще хорошее расстояние.

Его товарищи согласились на это. Палатки были разобраны, и караван отправился в путь в том же порядке, в каком пришел.

Они проехали почти всю ночь; ведь днем было душно, а ночь была прохладная и звездная. Наконец они подъехали к удобному привалу, раскинули палатки и легли отдыхать. О незнакомце купцы заботились так, как будто он был их самым дорогим гостем. Один дал ему подушки, другой – одеяла, третий дал рабов; словом, ему прислуживали так хорошо, как будто он был дома. Когда они опять встали, наступили уже более жаркие часы дня, и они единодушно решили дожидаться здесь вечера. Пообедав вместе, они опять сдвинулись ближе, и молодой купец обратился к самому старшему и сказал:

– Вчера Селим Барух доставил нам приятный послеобеденный отдых. Что, если вам, Ахмет, тоже рассказать нам что-нибудь из своей долгой жизни, которая, вероятно, может указать на много приключений, или хорошенькую сказку.

На это Ахмет некоторое время молчал, как бы колеблясь про себя – сказать ли ему то или другое или нет. Наконец он

заговорил:

– Любезные друзья! Вы оказались в этом нашем путешествии верными товарищами, а Селим тоже заслуживает моего доверия. Поэтому я поделюсь с вами кое-чем из своей жизни, что обыкновенно я неохотно и не всякому рассказываю: я расскажу вам историю о корабле привидений.

Рассказ о корабле привидений

Мой отец имел в Бальсоре небольшую лавку. Он был ни беден ни богат и был одним из тех людей, которые неохотно решаются на что-нибудь, из страха потерять то небольшое, что имеют. Он воспитывал меня просто и хорошо и скоро достиг того, что я мог помогать ему. Как раз в то время, когда мне было восемнадцать лет и когда он совершил первое более крупное предприятие, он умер, вероятно от печали, что вверил морю тысячу золотых.

Вскоре после этого я должен был считать его смерть счастливой, так как спустя немного недель пришло известие, что корабль, на который мой отец отдал свои товары, пошел ко дну. Но эта неудача не могла сломить моего юношеского мужества. Я окончательно превратил в деньги все, что оставил мой отец, и отправился испытать свое счастье на чужбине; меня сопровождал только старый слуга моего отца, который по старинной привязанности не хотел расстаться со мной и моей судьбой.

В гавани Бальсоры мы сели на корабль при благоприятном ветре. Корабль, на котором я купил себе место, направлялся в Индию. Мы проехали обычной дорогой уже пятнадцать дней, когда капитан объявил нам о буре. Он был задумчив, потому что в этом месте он, по-видимому, недостаточно знал фарватер, чтобы спокойно встретить бурю. Он велел убрать

все паруса, и мы поплыли совсем тихо.

Наступила ночь, было светло и холодно, и капитан уже думал, что обманулся в признаках бури. Вдруг вблизи нашего корабля пронесся другой корабль, которого мы раньше не видали. С его палубы раздавалось дикое ликование и крик, чему я в этот страшный час перед бурей немало удивился. А капитан рядом со мной побледнел как смерть.

— Мой корабль погиб! — воскликнул он. — Там носится смерть!

Еще прежде чем я мог спросить его об этом странном восклицании, уже вбежали с воплем и криком матросы.

— Видели вы его? — кричали они. — Теперь мы погибли!

Капитан велел читать вслух утешительные изречения из Корана и сам встал к рулю. Но напрасно! Видимо, буря разбушевалась, и не прошло часа, как корабль затрещал и остановился. Были спущены лодки, и едва спаслись последние матросы, как корабль на наших глазах пошел ко дну, и я нищим оказался в открытом море. Но несчастьем еще не было конца. Буря стала свирепствовать страшнее; лодкой уж нельзя было управлять. Я крепко обнял своего старого слугу, и мы пообещали никогда не покидать друг друга.

Наконец наступил день. Но с первым проблеском утренней зари ветер подхватил лодку, в которой мы сидели, и опрокинул ее. Никого из своих моряков я уж не видал. Падение оглушило меня, а когда я очнулся, то находился в объятиях своего старого, верного слуги, который спасся на опро-

кинутую лодку и вытащил за собою меня.

Буря улеглась. От нашего корабля ничего уж не было видно, но недалеко от себя мы заметили другой корабль, к которому волны несли нас. Когда мы приблизились, я узнал тот самый корабль, который ночью пронесся мимо нас и который навел на капитана такой страх. Я почувствовал странный ужас перед этим кораблем. Заявление капитана, которое так страшно подтвердилось, и безлюдный вид корабля, на котором никто не показывался, как близко мы ни подплывали, как громко ни кричали, испугали меня. Однако это было нашим единственным средством спасения, поэтому мы восхвалили Пророка, который так чудесно сохранил нас.

На носу корабля свешивался длинный канат. Мы стали руками и ногами грести, чтобы схватить его. Наконец это удалось. Я еще раз возвысил голос, но на корабле все оставалось тихо. Тогда мы стали взбираться по канату наверх; я, как более молодой, — впереди. О ужас! Какое зрелище представилось моим глазам, когда я вступил на палубу! Пол был красен от крови; на нем лежало двадцать или тридцать трупов в турецких одеждах; у средней мачты стоял человек, богато одетый и с саблей в руке, но его лицо было бледно и искажено, а через лоб проходил большой гвоздь, которым он был прибит к мачте, и он был мертв.

Ужас сковал мои шаги, я едва смел дышать. Наконец и мой спутник взошел наверх. И его поразили вид палубы, на которой совсем не было видно ничего живого, но лишь

столько ужасных мертвецов. Наконец, помолившись в душевном страхе Пророку, мы решили пройти дальше. На каждом шагу мы оглядывались, не представится ли чего-нибудь нового, еще ужаснее. Но все оставалось так как было – нигде ничего живого, кроме нас и океана. Мы даже не решались громко говорить из страха, что мертвый, пригвожденный к мачте капитан направит на нас свои неподвижные глаза или один из мертвецов повернет голову.

Наконец мы подошли к лестнице, которая вела в трюм. Там мы невольно остановились и посмотрели друг на друга, потому что ни один не решался выразить свои мысли прямо.

– Господин, – сказал мой верный слуга, – здесь произошло что-то ужасное. Однако если даже корабль там внизу наполнен убийцами, все-таки я предпочитаю безусловно сдаться им, чем оставаться среди этих мертвецов.

Я думал так же, как он. Мы собрались с духом и стали спускаться вниз, исполненные ожидания. Но и здесь была мертвая тишина, и только наши шаги раздавались на лестнице. Мы стали у двери каюты. Я приложил ухо к двери и прислушался; ничего не было слышно. Я отворил. Комната представляла беспорядочный вид. Одежда, оружие и утварь – все лежало в беспорядке. Должно быть, команда или по крайней мере капитан недавно бражничали, потому что все было еще разбросано. Мы пошли дальше, из помещения в помещение, из комнаты в комнату; везде мы находили чудные запасы шелка, жемчуга, сахара. При виде этого я был

вне себя от радости: ведь так как на корабле никого нет, думал я, то все можно присвоить себе. Но Ибрагим обратил мое внимание на то, что мы, вероятно, еще очень далеко от земли, до которой одни и без человеческой помощи не сможем добраться.

Мы подкрепились кушаньями и напитками, которые нашли в изобилии, и наконец опять поднялись на палубу. Но здесь мы все время дрожали от ужасного вида трупов. Мы решили избавиться от них и выбросить их за борт. Но как страшно нам стало, когда оказалось, что ни один труп нельзя сдвинуть с места. Они лежали на полу как заколдованные, и чтобы удалить их, пришлось бы вынимать пол палубы, а для этого у нас не было инструментов. Капитана тоже нельзя было оторвать от мачты; мы даже не могли вырвать саблю из его окоченевшей руки.

Мы провели день, печально размышляя о своем положении; когда же стала наступать ночь, я позволил старому Ибрагиму лечь спать. Сам я хотел бодрствовать на палубе, чтобы высмотреть спасение. Но когда взошла луна и я по звездам рассчитал, что, вероятно, сейчас одиннадцатый час, мною овладел такой непреодолимый сон, что я невольно навзничь упал за бочку, которая стояла на палубе. Впрочем, это было скорее оцепенение, чем сон, потому что я ясно слышал удары моря о бок корабля и треск и свист парусов от ветра. Вдруг мне показалось, что я слышу голоса и человеческие шаги по палубе. Я хотел приподняться, чтобы посмот-

реть, но невидимая сила сковала мои члены — я даже не мог открыть глаза. А голоса становились все яснее; мне казалось, будто по палубе бродит веселый экипаж, а иногда казалось, что я слышу сильный голос командира, причем ясно слышал, как поднимали и опускали канаты и паруса. Но мало-помалу я терял сознание и впадал во все более глубокий сон, во время которого слышал только шум оружия. Проснулся я лишь тогда, когда солнце стояло уже очень высоко и жгло мне лицо.

Я с удивлением посмотрел вокруг себя. Буря, корабль, мертвецы и то, что я слышал в эту ночь, представлялось мне сном; но когда я поднял взор, я нашел все как вчера. Мертвецы лежали неподвижно, неподвижен был прибитый к мачте капитан. Я посмеялся над своим сном и встал, чтобы разыскать своего старика.

Он очень задумчиво сидел в каюте.

— Господин! — воскликнул он, когда я вошел к нему. — Я предпочел бы лежать глубоко на дне моря, чем провести еще ночь на этом заколдованном корабле!

Я спросил его о причине его горя, и он отвечал мне:

— Проспав несколько часов, я проснулся и услышал, что над моей головой кто-то бежит взад и вперед. Сперва я подумал, что это вы; но наверху бегали по крайней мере двадцать человек, притом я слышал возгласы и крики. Наконец по лестнице раздались тяжелые шаги. Потом я ничего уж не сознавал; лишь по временам сознание на несколько минут

возвращалось ко мне, и тогда я видел, что тот самый человек, который наверху пригвожден к мачте, сидит там, за тем столом, поет и пьет; а тот, который в ярко-красной одежде лежит на полу недалеко от него, сидит около него и пьет вместе с ним.

Так рассказал мне мой старый слуга.

Вы можете поверить мне, друзья мои, что на душе у меня было не очень хорошо; ведь это был не обман, ведь и я отлично слышал мертвецов. Плавать в таком обществе мне было страшно. А мой Ибрагим опять погрузился в глубокую задумчивость.

— Теперь я, кажется, припомнил! — воскликнул он наконец.

Он вспомнил заклинание, которому его научил дедушка, опытный, много путешествовавший человек. Оно должно было помогать против всякой нечистой силы и колдовства; при этом он утверждал, что тот неестественный сон, который овладел нами, в следующую ночь можно отвратить, если очень усердно читать изречения из Корана.

Предложение старика мне очень понравилось. Мы со страхом стали ожидать наступления ночи. Около каюты была маленькая каморка, куда мы решили забраться. В двери мы просверлили несколько отверстий, достаточно больших, чтобы через них видеть всю каюту. Затем мы как можно лучше заперли изнутри дверь, а Ибрагим во всех четырех углах написал имя Пророка. Так мы стали ожидать ночные ужа-

сы. Было, вероятно, опять около одиннадцати часов, когда меня стало сильно клонить ко сну. Поэтому мой товарищ посоветовал мне прочесть несколько изречений Корана, что мне и помогло. Вдруг нам показалось, что наверху становится оживленнее: затрещали канаты, по палубе раздались шаги и можно было ясно различить голоса. В таком напряженном ожидании мы просидели несколько минут, а затем услышали, что по лестнице каюты кто-то спускается. Когда старик услышал это, он начал произносить заклинание, которому его научил дедушка – заклинание против нечистой силы и колдовства:

Из поднебесья ль вы спускаетесь,
Со дна ль морского поднимаетесь,
В темной ли могиле вы спали.
От огня ли начало вы взяли,
У вас повелитель один,
Аллах – ваш господин;
Все вы покорны ему.

Я должен признаться, что совсем не верил в это заклинание, и у меня дыбом встали волосы, когда распахнулась дверь. Вошел тот высокий, статный человек, которого я видел пригвожденным к мачте. Гвоздь и теперь проходил у него через мозг, но меч был вложен в ножны. За ним вошел еще другой, менее великолепно одетый – и его я видел лежащим наверху. У капитана, ведь это, несомненно, был он,

было бледное лицо, большая черная борода и дико блуждающие глаза, которыми он оглядывал всю комнату. Когда он проходил мимо нашей двери, я мог видеть его совершенно ясно, а он, казалось, совсем не обращал внимания на дверь, которая скрывала нас. Оба сели за стол, стоявший посреди каюты, и громко, почти крича, заговорили между собой на незнакомом языке. Они становились все шумнее и сердитее, пока наконец капитан не ударил кулаком по столу, так что комната задрожала. Другой с диким смехом вскочил и сделал капитану знак следовать за ним. Капитан встал, выхватил из ножен саблю, и оба оставили комнату. Когда они ушли, мы вздохнули свободнее; но нашему страху еще долго не было конца. На палубе становилось все шумнее и шумнее. Послышалось торопливое беганье взад и вперед, крик, смех и вопли. Наконец поднялся поистине адский шум, так что мы думали, что палуба со всеми парусами упадет на нас, бряцание оружия и крик — и вдруг наступила глубокая тишина. Когда мы спустя много часов решились взойти наверх, мы нашли все по-прежнему: ни один труп не лежал иначе, нежели раньше. Все были неподвижны, как деревянные.

Так мы пробыли на корабле несколько дней. Он шел все на восток, туда, где по моему расчету должна была лежать земля; но если даже днем он проходил много миль, то ночью, по-видимому, всегда возвращался назад, потому что, когда всходило солнце, мы находились всегда опять на том же месте. Мы могли объяснить себе это не иначе как тем, что

мертвецы каждую ночь на всех парусах плыли назад. Чтобы предотвратить это, мы до наступления ночи убрали все паруса и прибегли к тому же средству, как у двери в каюте: мы написали на пергаменте имя Пророка, а также заклинание дедушки, и привязали его к собранным парусам. Мы со страхом стали ожидать в своей каморке последствий. Нечистая сила неистовствовала на этот раз, казалось, еще злобнее; но на другое утро паруса были еще скатаны, как мы их оставили. В течение дня мы поднимали лишь столько парусов, сколько было необходимо, чтобы корабль тихо плыл дальше, и таким образом в пять дней прошли хорошее расстояние.

Наконец утром шестого дня мы на незначительном расстоянии заметили землю и возблагодарили Аллаха и его Пророка за свое чудесное спасение. Этот день и следующую ночь мы плыли у берега, а на седьмое утро нам показалось, что недалеко виднеется город. С большим трудом мы бросили в море якорь, который тотчас захватил землю, спустили маленькую лодку, стоявшую на палубе, и изо всей силы стали грести к городу. Спустя полчаса мы вошли в реку, которая вливалась в море, и вступили на берег. В городских воротах мы осведомились, как называется город, и узнали, что это индийский город, недалеко от того места, куда я сперва хотел ехать. Мы отправились в караван-сарай и подкрепились после своего путешествия, исполненного приключений. Там же я стал спрашивать о каком-нибудь мудром и разумном человеке, давая хозяину понять, что я хотел бы иметь такого,

который немного понимает в колдовстве. Он повел меня в отдаленную улицу, к невзрачному дому, постучался, и меня пустили, с указанием, что я должен спросить Мулея.

В доме навстречу ко мне вышел старый человечек с седой бородою и длинным носом. Он спросил, что мне надо. Я сказал ему, что ищу мудрого Мулея, и он отвечал мне, что это он сам. Я спросил у него совета, что мне сделать с мертвецами и как мне взяться за дело, чтобы снять их с корабля. Он отвечал мне, что люди на корабле, вероятно, заколдованы за какое-нибудь злодеяние относительно моря. Он думает, что колдовство будет разрушено, если принести их на землю, а это можно сделать только вырвав доски, на которых они лежат.

По всей правде и справедливости корабль вместе со всеми товарами принадлежит мне, потому что я, так сказать, нашел его, но я должен все держать в большой тайне и сделать ему от своего избытка маленький подарок. За это он своими рабами поможет мне убрать мертвецов. Я обещал щедро наградить его, и с пятью рабами, снабженными топорами и пилами, мы отправились в дорогу. По дороге волшебник Мулей очень хвалил нашу счастливую выдумку обертывать паруса изречениями Корана. Он сказал, что это было единственным средством нашего спасения.

Когда мы прибыли на корабль, было еще довольно рано. Мы все тотчас же принялись за дело, и через час в челноке уже лежали четыре трупа. Некоторые из рабов должны бы-

ли отвезти их на землю, чтобы там зарыть их. Вернувшись, они рассказали, что мертвецы избавили от труда погребать их, рассыпавшись в пыль, как только их положили на землю. Мы продолжали отпиливать мертвецов, и до вечера все они были свезены на землю. Наконец на борту никого больше не было, кроме пригвожденного к мачте. Мы напрасно старались вытащить из дерева гвоздь, никакая сила не могла подвинуть его даже на волос. Я не знал, что делать – нельзя же было срубить мачту, чтобы отвезти ее на землю! Но в этом затруднении помог Мулей. Он быстро велел рабу съездить на берег и привезти горшок земли. Когда горшок был привезен, волшебник произнес над ним таинственные слова и высыпал землю на голову мертвеца. Последний тотчас открыл глаза и глубоко вздохнул, а на лбу из раны от гвоздя потекла кровь. Теперь мы легко вытащили гвоздь, и раненый упал на руки одного из рабов.

– Кто привез меня сюда? – спросил он, немного придя, по-видимому, в чувство.

Мулей указал на меня, и я подошел к нему.

– Благодарю тебя, неизвестный чужестранец, ты избавил меня от долгих мучений. Уже пятьдесят лет мое тело плавает по этим волнам, а моя душа была осуждена каждую ночь возвращаться в него. Но теперь моя голова коснулась земли, и я, примирившись, могу наконец пойти к своим отцам.

Я попросил его сказать все-таки нам, как он дошел до этого ужасного состояния, и он сказал:

— Пятьдесят лет тому назад я был могущественным, знатым человеком и жил в Алжире; страсть к наживе заставила меня снарядить корабль и заняться морским разбоем. Я продолжал это занятие уже много времени, и вот однажды на острове Занте я взял на корабль дервиша, который хотел ехать даром. Я и мои товарищи были грубыми людьми и не уважали святости этого человека; я даже насмеялся над ним. А когда он однажды, в святом рвении, упрекнул меня моим грешным образом жизни, ночью в каюте, когда я со своим штурманом много выпил, — мною овладел гнев.

Взбешенный тем, что сказал мне дервиш и чего я не позволил бы сказать мне ни одному султану, я бросился на палубу И вонзил ему в грудь свой кинжал. Умирая, он проклял меня и мой экипаж, чтобы нам не умирать и не жить, до тех пор пока мы не положим своей головы на землю. Дервиш умер, мы выбросили его в море и осмеяли его угрозы. Но его слова исполнились еще в ту же ночь. Часть моего экипажа возмутилась против меня. Борьба шла со страшной яростью, пока мои приверженцы не погибли, а я не был пригвожден к мачте. Но и мятежники погибли от ран, и скоро мой корабль был только большой могилой. У меня тоже помутились глаза, остановилось дыхание. Я думал, что умру. Но это было только оцепенение, которое сковало меня. На следующую ночь, в тот самый час, когда мы бросили дервиша в море, я и все мои товарищи проснулись. Жизнь возвратилась к нам, но мы могли делать и говорить только то, что говори-

ли и делали в ту ночь. Так мы плаваем уже пятьдесят лет, не можем ни жить ни умереть; в самом деле, как мы могли достигнуть земли? С безумной радостью мы всегда плыли на всех парусах в бурю, надеясь разбиться наконец об утес и сложить усталую голову на дне моря. Это нам не удавалось. Но теперь я умру. Еще раз благодарю тебя, неведомый спаситель! Если сокровища могут наградить тебя, то в знак благодарности возьми мой корабль!

Сказав это, капитан склонил свою голову и умер. И он, как и его товарищи, тотчас же рассыпался в пыль. Мы собрали ее в ящичек и зарыли на берегу, а из города я взял работников, которые привели мой корабль в хорошее состояние.

С большой выгодой обменяв товары, бывшие у меня на корабле, на другие, я нанял матросов, щедро одарил своего друга Мулея и отплыл в свое отечество. Но я сделал крюк, приставая ко многим островам и странам и вынося свои товары на рынок. Пророк благословил мое предприятие. Спустя три четверти года я приехал в Бальсору вдвое богаче, чем сделал меня умерший капитан. Мои сограждане были изумлены моими богатствами и моим счастьем и не сомневались в том, что я нашел алмазную долину знаменитого путешественника Синдбада. Я оставил их в этой уверенности, но с этих пор молодые люди Бальсоры, едва достигнув восемнадцати лет, должны были отправляться по свету, чтобы подобно мне составить свое счастье. А я живу спокойно и мирно и каждые пять лет совершаю путешествие в Мекку,

чтобы в святом месте благодарить Аллаха за его благословение и просить за капитана и его людей, чтобы Он принял их в свой рай.

На другой день путь каравана продолжался без задержки. Когда купцы отдохнули на привале, незнакомец Селим заговорил с Мулеем, самым младшим из купцов:

– Вы, конечно, самый молодой из нас, но вы всегда веселы и наверно знаете какую-нибудь хорошую, забавную повесть. Расскажите ее, чтобы после дневного зноя она оживила нас!

– Я, пожалуй, рассказал бы вам что-нибудь, – отвечал Мулей, – что могло бы позабавить вас, но юности во всем подобает скромность, поэтому мои старшие спутники должны иметь преимущество. Цалейкос всегда так угрюм и замкнут – не расскажет ли он нам, что сделало его жизнь такой суровой? Может быть, мы в состоянии облегчить его горе, если оно есть у него. Ведь мы охотно служим своему брату, даже если он другой веры.

Названный Мулеем человек был греческим купцом средних лет, красивым и сильным, но очень угрюмым. Хотя он был неверным, то есть не мусульманином, однако его спутники любили его, потому что он всем своим поведением внушал им уважение и доверие. У него была, впрочем, только одна рука, и некоторые из его товарищей предполагали, что, может быть, потеря руки делает его таким угрюмым.

На откровенный вопрос Мулея Цалейкос отвечал:

– Я очень польщен вашим доверием. У меня нет никакого

горя, по крайней мере такого, в котором вы, даже при лучшем желании, можете помочь мне. Но так как Мулей, кажется, упрекает меня в угрюмости, то я кое-что расскажу вам, что должно оправдать меня, если я кажусь угрюмее других. Вы видите, что я потерял левую руку. Ее нет у меня не от рождения, я лишился ее в самые ужасные дни своей жизни. Есть ли у меня причина быть со времени тех дней угрюмее, чем это следует в моем положении, или я не прав, — вы можете судить.

Рассказ об отрубленной руке

Родился я в Константинополе, мой отец был драгоманом²⁴ при Порте и вел, кроме того, довольно выгодную торговлю благовонными эссенциями и шелковыми материями. Он дал мне хорошее воспитание, частью сам обучая меня, частью отдав меня для обучения одному нашему священнику. Сначала он рассчитывал передать мне со временем свою лавку, но когда я стал оказывать большие способности, чем он ожидал, то по совету своих друзей он решил сделать меня лекарем, так как лекарь, если он научился чему-нибудь большему, чем обыкновенные шарлатаны, может в Константинополе составить себе счастье. В наш дом ходили многие франки.²⁵ Один из них уговорил моего отца отпустить меня в его отечество, в город Париж, где таким вещам можно научиться даром и всего лучше. Он обещал, что сам даром возьмет меня с собой, когда поедет туда. Мой отец, который в молодости тоже путешествовал, согласился, и франк сказал мне, что я могу в течение трех месяцев готовиться к отъезду. Я был вне себя от радости, что увижу незнакомые страны, и не мог дожждаться той минуты, когда мы сядем на корабль.

Наконец франк устроил свои дела и стал готовиться в

²⁴ Драгоман – переводчик при посольстве.

²⁵ Так на Востоке называют французов, а иногда и вообще всех жителей Западной Европы.

путь. Накануне отъезда отец повел меня в свою спальню. Там я увидел прекрасные одежды и оружие, лежавшие на столе. Но что еще более привлекло мои взоры, это большая куча золота, потому что я никогда еще не видал его так много.

Отец обнял меня и сказал:

– Вот, сынок, я приготовил тебе для путешествия одежду. Это оружие твое; оно то самое, которое повесил на меня твой дед, когда я уезжал на чужбину. Я знаю, что ты умеешь владеть им, но никогда не употребляй его, кроме как при нападении, а тогда уж бей сильно! Мое состояние невелико и я разделил его на три части: одна из них – твоя, вторая пусть будет моим содержанием и обеспечением на черный день, а третья пусть будет священным и неприкосновенным достоянием, пусть она послужит тебе в трудную минуту!

Так сказал мой старый отец, и на глазах у него повисли слезы, может быть вследствие предчувствия, потому что я его никогда уж не видал.

Путешествие прошло благополучно. Скоро мы прибыли в страну франков и спустя шесть дней приехали в большой город Париж. Здесь мой франкский друг нанял мне комнату и посоветовал мне осторожно тратить деньги; всего их было две тысячи талеров. Я прожил в этом городе три года и научился тому, что должен знать дельный лекарь, но мне пришлось бы солгать, если сказать, что мне было приятно там, потому что нравы этого народа мне не нравились. К тому же у меня там было лишь немного хороших друзей, но все это

были благородные молодые люди.

Моя тоска по родине становилась все сильнее. За все это время я ничего не слышал о своем отце и поэтому воспользовался благоприятным случаем приехать домой.

Из страны франков отправлялось к Высокой Порте посольство. Я нанялся лекарем в свиту посла и счастливо опять приехал в Стамбул. Но отцовский дом я нашел запертым, а соседи, увидев меня, изумились и сказали мне, что мой отец умер два месяца тому назад. Тот священник, который обучал меня в молодости, принес мне ключ. Я вступил в опустевший дом одиноким и покинутым и все нашел еще так, как оставил мой отец. Недоставало только золота, которое он обещал оставить мне. Я спросил об этом священника, и он поклонившись сказал:

– Ваш отец умер святым человеком, ведь свое золото он завещал церкви!

Это было и осталось непонятным для меня, но что мне было делать! Я не имел никаких свидетелей против священника и должен был радоваться, что он не взглянул на отцовский дом и товары, как на завещанное. Это было первым несчастьем, постигшим меня. Но с этих пор удар следовал за ударом. Моя слава как лекаря совсем не распространялась, потому что я стыдился зазывать к себе и везде мне доставало рекомендации моего отца. Он ввел бы меня к самым богатым и знатным, которые теперь уж не думали о бедном Цалейкосе. Увы, товары моего отца не находили сбыта, потому

что покупатели после его смерти разбрелись, а новые приобретаются только медленно.

Когда я однажды безутешно размышлял о своем положении, мне пришло в голову, что у франков я часто видал людей нашего народа, которые проезжали по стране и на городских рынках выставляли свои товары. Я вспомнил, что у них охотно покупали, потому что они приезжали из чужих краев, и что при такой торговле можно наживать во сто раз. Тотчас же было принято решение. Я продал свой отцовский дом, отдал часть вырученных денег испытанному другу на сохранение, а на остальные купил то, что у франков редко встречается: шали, шелковые материи, мази и масла. Я купил на корабле место и таким образом предпринял второе путешествие в страну франков.

Счастье, казалось, опять стало благосклонно ко мне, лишь только дворцы Дарданелл остались позади меня. Наше путешествие было коротко и благополучно. Я проехал большие и малые города франков и везде находил усердных покупателей на свои товары. Мой друг в Стамбуле снова присылал мне всегда свежие запасы, и я день ото дня становился зажиточнее. Когда я наконец скопил столько, что счел возможным решиться на большее предприятие, я поехал со своими товарами в Италию. Но я должен еще кое в чем признаться, что приносило мне тоже немало денег: я помогал себе и своим врачебным искусством. Когда я приезжал в какой-нибудь город, я извещал объявлением, что прибыл греческий врач,

который уже многих исцелил. Действительно, мой бальзам и мои лекарства приносили мне много цехинов.

Так я приехал наконец в город Флоренцию в Италии. Я собирался остаться в этом городе подольше, частью потому что он мне очень понравился, частью также потому что хотел отдохнуть от трудов своего скитания. В квартале Санта Кроче я нанял себе лавку, а недалеко от нее, в одной гостинице, две прекрасные комнаты, выходившие на балкон, и тотчас же велел разнести свои объявления, извещавшие обо мне как о враче и купце. Едва я открыл лавку, как стали стекаться многочисленные покупатели, и хотя у меня были немного высокие цены, однако я продавал больше других, потому что был услужлив и любезен с покупателями.

Я с удовольствием прожил во Флоренции уже четыре дня, как однажды вечером, когда я уже хотел запирать лавку и только по обыкновению еще раз решил осмотреть запасы мази в банках, я в одной маленькой банке нашел записку, которой, как припоминал, не клал туда. Я развернул записку и нашел в ней приглашение явиться в эту ночь, ровно в двенадцать часов, на мост, который называется Ponte Vecchio.²⁶ Я долго раздумывал о том, кто же это мог быть, кто приглашал меня туда. Но так как я не знал во Флоренции ни одной души, то подумал, что меня хотят, может быть, тайно привести к какому-нибудь больному, что уже часто случалось. Поэтому я решил пойти туда, но из предосторожности надел

²⁶ Старый Мост (ит.).

саблю, которую мне некогда подарил отец.

Когда время подходило близко к полуночи, я отправился в путь и скоро пришел на Ponte Vecchio. Я нашел мост покинутым и пустынным и решил ждать, пока не явится тот, кто звал меня. Ночь была холодная; светила ясная луна, и я стал смотреть вниз на волны Арно, далеко блиставшие при лунном свете. Вот на городских церквях пробило двенадцать часов. Я выпрямился – передо мной стоял высокий человек, совершенно закутанный в красный плащ, край которого он держал перед лицом.

Я сначала немного испугался, потому что он так внезапно возник передо мной, но тотчас же опять успокоился и сказал:

– Если вы призывали меня сюда, то говорите, что вам угодно!

Красный Плащ повернулся и медленно сказал:

– Следуй за мной!

Мне стало немного жутко одному идти с этим незнакомцем. Я остановился и сказал:

– О нет, любезный, не угодно ли вам прежде сказать мне куда; нельзя ли вам также немного показать мне свое лицо, чтобы мне видеть – добро ли вы замышляете со мной.

Но Красный Плащ, по-видимому, не обратил на это внимания.

– Если ты не хочешь, Цалейкос, то оставайся! – отвечал он и пошел дальше.

Тогда я вспыхнул и с гневом воскликнул:

– Вы думаете, что я позволю всякому дураку издеваться надо мной и буду напрасно ждать в эту холодную ночь!

В три прыжка я настиг его, схватил за плащ и закричал еще громче, положив другую руку на саблю. Но плащ остался у меня в руке, а незнакомец исчез за ближайшим углом. Мой гнев мало-помалу улегся. У меня был плащ, и он уж должен был дать мне ключ к этому удивительному приключению. Я надел его и пошел своей дорогой домой. Едва я отошел на сто шагов, как кто-то проскользнул близко от меня и прошептал на франкском языке:

– Берегитесь, граф, сегодня ночью совсем ничего нельзя сделать.

Но прежде чем я мог оглянуться, этот неизвестный уже пробежал, и я увидел только тень, скользившую по домам. Я понял, что это восклицание относилось к плащу, а не ко мне, однако и оно не объяснило мне дела.

На другое утро я стал обдумывать что делать. Сначала я намеревался объявить о плаще, как будто я его нашел; но незнакомец мог получить его через третье лицо, и дело тогда не разъяснилось бы. Раздумывая об этом, я стал ближе осматривать плащ. Он был из тяжелого генуэзского бархата пурпурно-красного цвета, оторочен мехом и богато вышит золотом. Великолепный вид плаща навел меня на одну мысль, которую я и решил исполнить.

Я принес его в лавку и выставил на продажу, но назначил за него очень высокую цену. Я был уверен, что не найду по-

купателя. При этом моею целью было пристально оглядывать каждого, кто спросит этот мех; ведь я среди тысяч узнал бы наружность незнакомца, которую после потери плаща видел хотя лишь мельком, но ясно. Находилось много охотников купить плащ, необыкновенная красота которого привлекала к себе все взоры, но ни один даже отдаленно не походил на незнакомца и ни один не хотел заплатить за плащ высокую цену в двести цехинов. При этом меня поражало, что на мои вопросы тому или другому покупателю, неужели во Флоренции нет другого такого плаща, все отвечали «нет» и уверяли, что никогда не видели такой дорогой и со вкусом сделанной работы.

Наступил уже вечер, когда наконец пришел молодой человек, уже часто бывавший у меня и даже сегодня много предлагавший за плащ. Он бросил на стол кошелек с цехинами и воскликнул:

– Ей-богу, Цалейкос, я должен иметь твой плащ, хотя бы из-за этого мне пришлось сделаться нищим!

В то же время он начал пересчитывать свои золотые. Я был в большом затруднении, ведь я вывесил плащ только затем, чтобы, может быть, привлечь к нему взоры своего незнакомца, а теперь явился молодой глупец, чтобы заплатить огромную цену. Но что мне оставалось делать? Я уступил, потому что, с другой стороны, мне была приятна мысль так хорошо вознаградить себя за ночное приключение. Юноша надел плащ и пошел, но на пороге он опять обернулся, со-

рвал бумагу, прикрепленную к плащу, бросил ее мне и сказал:

– Здесь, Цалейкос, что-то висит, что, вероятно, не относится к плащу.

Я равнодушно взял записку, но в ней было написано:

«Сегодня ночью, в известный час, принеси плащ на Ponte Vecchio. Тебя ожидают четыреста цехинов!»

Я стоял как пораженный громом. Итак, я сам потерял свое счастье и совсем не достиг своей цели! Недолго раздумывая я быстро схватил двести цехинов, бросился за тем, кто купил плащ, и сказал:

– Возьмите свои цехины назад, любезный друг, и оставьте мне плащ, мне никак нельзя отдать его.

Сначала он счел это за шутку. Когда же он заметил, что это серьезно, то возмутился моим требованием, обругал меня дураком, и вот дело дошло наконец до драки. Но я был так счастлив, что в драке сорвал с него плащ и уже хотел убежать с ним, когда молодой человек позвал на помощь полицию и потащил меня с собою в суд. Судья был очень изумлен его жалобой и присудил плащ моему противнику. Но я стал предлагать юноше двадцать, пятьдесят, восемьдесят, даже сто цехинов сверх его двухсот, если он отдаст мне плащ. Чего не могли сделать мои просьбы, то сделало мое золото. Он взял мои цехины, а я торжествуя ушел с плащом и должен был допустить, чтобы меня во всей Флоренции сочли за помешанного. Но мнение людей мне было совершенно без-

различно, ведь я лучше их знал, что еще наживу на этой торговле.

Я с нетерпением ожидал ночи. В то же самое время, как вчера, я пошел, с плащом под мышкой, на Ponte Vecchio. С последним ударом колокола ко мне из мрака подошла какая-то фигура. Это, несомненно, был вчерашний человек.

– У тебя плащ? – спросил он меня.

– Да, господин, – отвечал я, – но он стоил мне сто цехинов наличными.

– Я знаю это, – спокойно сказал он, – смотри, здесь четыреста.

Он подошел со мной к широким перилам моста и стал отсчитывать золотые. Их было четыреста, они великолепно блестели при лунном свете, и их блеск радовал мое сердце.

Увы! Оно не предчувствовало, что это будет его последней радостью. Я сунул деньги в карман и затем хотел хорошенько разглядеть и доброго незнакомца, но у него на лице была маска, из-под которой на меня страшно сверкали темные глаза.

– Благодарю вас, господин, за вашу доброту, – сказал я ему, – чего вы теперь потребуете от меня? Но я вам заранее говорю, что это не должно быть чем-нибудь незаконным.

– Излишняя забота, – отвечал он, накинув плащ на плечи. – Мне нужна ваша помощь как врача, но не для живого, а для мертвого.

– Как это может быть? – воскликнул я с огромным удив-

лением.

— Я с сестрой приехал из далеких стран, — начал он рассказывать и в то же время сделал мне знак следовать за ним, — Здесь я жил с ней у одного друга моего дома. Вчера моя сестра скоростижно умерла от болезни, и родственники хотят завтра похоронить ее. Но по старинному обычаю нашей семьи все должны покоиться в могиле отцов; многие, умершие в чужой стране, все-таки были забальзамированы и покоятся там. Поэтому ее тело я отдаю своим родственникам, а отцу должен привезти по крайней мере голову его дочери, чтобы ему еще раз взглянуть на нее.

Хотя этот обычай отрезать головы любимых родственников показался мне немного ужасным, но из опасения оскорбить незнакомца я ничего не решился возразить на это. Поэтому я сказал ему, что хорошо знаком с бальзамированием мертвых, и попросил его вести меня к умершей. Однако я не мог удержаться, чтобы не спросить, почему же все это должно произойти так таинственно и ночью. Он отвечал мне, что его родственники, которые считают его намерение ужасным, днем ни за что не допустили бы этого, но раз голова будет отнята, им ничего уж нельзя будет сказать. Он, конечно, мог бы принести мне голову, но естественное чувство удерживает его самому отнять ее.

Между тем мы подошли к большому, великолепному дому. Мой спутник указал мне на него, как на цель нашей ночной прогулки. Мы прошли мимо главных ворот дома, вошли

в маленькую калитку, которую незнакомец тщательно затворил за собой, и затем в темноте стали подниматься по узкой винтовой лестнице. Она вела в слабо освещенный коридор; из него мы прошли в комнату, освещенную висевшей на потолке лампой.

В этой комнате стояла кровать, на которой лежал труп. Незнакомец отвернул лицо и хотел, по-видимому, скрыть слезы. Он указал на кровать, велел мне хорошо и скоро исполнить свое дело и опять вышел за дверь.

Я вынул нож, который, как врач, всегда носил при себе, и приблизился к кровати. От трупа была видна только голова, но она была так прекрасна, что мною невольно овладело искреннее сожаление. Темные волосы спускались длинными косами, лицо было бледно, глаза закрыты. Сперва я сделал на коже надрез, как это делают врачи, когда отрезают какой-нибудь член. Потом взял самый острый нож и одним взмахом перерезал горло. Но какой ужас! Покойница открыла глаза и тотчас же опять закрыла — она, по-видимому, только теперь с глубоким вздохом испустила дух. В то же время на меня из раны брызнула струя теплой крови. Я убедился, что умертвил несчастную. Ведь было несомненно, что она умерла, так как от этой раны нет спасения. Несколько минут я стоял в страхе, смущенный происшедшим. Обманул ли меня Красный Плащ или, может быть, сестра была только в летаргическом сне? Последнее казалось мне вероятнее. Но я не смел сказать брату умершей, что, может быть, менее быстрый над-

рез разбудил бы ее не умерщвляя, и поэтому хотел совершенно отделить голову; но умирающая простонала еще раз, с болезненным движением вытянулась и умерла. Тогда мною овладел ужас и дрожа от него я бросился из комнаты. Но в коридоре было темно, потому что лампа была погашена. От моего спутника уж не было и следов, и я должен был в темноте наугад пробираться около стены, чтобы дойти до лестницы. Наконец я нашел ее и то падая, то скользя спустился вниз. И внизу никого не было, дверь была только притворена. Я вздохнул свободнее, когда оказался на улице, — ведь в доме мне стало совсем страшно. Пришпориваемый страхом, я побежал в свое жилище и зарылся в подушки постели, чтобы забыть то ужасное, что я сделал. Но сон бежал от меня и только утром я опять приободрился и успокоился. Мне казалось невероятным, что человек, склонивший меня на этот нечестивый поступок, каким он представлялся мне теперь, выдаст меня. Я решил тотчас же идти в лавку к своему делу и принять, насколько возможно, беззаботный вид. Но увы! Новое обстоятельство, которое я только теперь заметил, еще увеличило мое горе.

У меня не хватало шапки и пояса, а также ножа. Я не знал наверно, оставил ли я их в комнате убитой или же потерял во время своего бегства. К сожалению, первое казалось мне более вероятным и, следовательно, меня, убийцу, могли найти.

В обычное время я открыл свою лавку. Ко мне подошел мой сосед, как он обыкновенно делал это каждое утро, пото-

му что был разговорчивым человеком.

– Эй, что вы скажете об ужасном происшествии, – начал он, – случившемся сегодня ночью?

Я сделал вид, будто ничего не знаю.

– Как, неужели вы не знаете того, чем занят весь город? Не знаете, что прекраснейший цветок Флоренции, дочь губернатора Бианка убита в эту ночь? Ах, я видел, как еще вчера она такой веселой проезжала со своим женихом по улицам; ведь сегодня у них была бы свадьба!

Каждое слово соседа кололо меня в сердце. И как часто повторялась моя попытка – ведь каждый покупатель рассказывал мне это происшествие и всегда один ужаснее другого, однако никто не мог рассказать так ужасно, как я сам видел. Около полудня в лавку вошел полицейский и попросил меня удалить людей.

– Синьор Цалейкос, – сказал он, вынимая вещи, которых я хватился, – эти вещи вам принадлежат?

Я подумал, не отречься ли мне от них; но увидев через полуоткрытую дверь своего хозяина и нескольких знакомых, которые могли, пожалуй, свидетельствовать против меня, я решил не ухудшать дела еще ложью и признал показанные мне вещи. Полицейский попросил меня следовать за ним и привел меня в большое здание, в котором я скоро узнал тюрьму. Там он указал мне место заключения до суда.

Мое положение было ужасно, когда я в уединении стал раздумывать о нем. Мысль, что я убил, хотя и невольно, все

возвращалась. При этом я не мог скрыть от себя, что блеск золота омрачил мои чувства: иначе я не мог бы так слепо пойти в ловушку. Через два часа после ареста меня вывели из тюрьмы. Мы спустились по нескольким лестницам и затем пришли в большую залу. Там около длинного стола, покрытого черным сукном, сидели двенадцать человек, большей частью старики. По бокам залы возвышались скамьи, наполненные знатнейшими лицами Флоренции. На галереях, пристроенных вверху, густой толпой стояли зрители. Когда я подошел к черному столу, поднялся человек с мрачным, печальным лицом. Это был губернатор. Он сказал собравшимся, что, как отец, он не может судить в этом деле и на этот раз уступает свое место старейшему из сенаторов. Старейший из сенаторов был по крайней мере девяноста лет. Он стоял сгорбившись, его виски были покрыты тонкими белыми волосами, но глаза еще пылали огнем, а голос был силен и тверд. Он стал спрашивать меня, сознаюсь ли я в убийстве. Я попросил его выслушать меня и без страха и внятным голосом рассказал то, что сделал и что знал. Я заметил, что губернатор во время моего рассказа то бледнел, то краснел, а когда я кончил, он с бешенством вскочил.

– Как, несчастный! – крикнул он мне. – Так ты еще хочешь свалить на другого преступление, которое совершил из алчности?

Сенатор упрекнул его за это вмешательство, так как он добровольно отказался от своего права. Притом совсем не

доказано, что я совершил злодеяние из алчности, ведь и по его собственному показанию у убитой ничего не было украдено. Мало того, сенатор пошел еще дальше. Он объявил губернатору, что он должен дать отчет о прежней жизни своей дочери; ведь только таким образом можно решить, правду ли я сказал или нет. Вместе с тем он на сегодня отменил суд, чтобы познакомиться, как он сказал, с бумагами умершей, которые ему передаст губернатор. Я был опять отведен в тюрьму, где печально провел день, весь поглощенный горячим желанием, чтобы открылась хоть какая-нибудь связь между умершей и таинственным Красным Плащом.

На другой день я с надеждой вошел в зал суда. На столе лежали несколько писем. Старый сенатор спросил меня, мой ли это почерк. Я посмотрел на письма и нашел, что они, должно быть, написаны той же рукой, как те две записки, которые я получил. Я высказал это сенаторам, но они, по-видимому, не обратили на это внимания и отвечали, что я мог написать и, должно быть, написал то и другое, потому что подпись на письмах, несомненно, Ц, начальная буква моего имени. А письма содержали угрозы умершей и всячески предостерегали ее от свадьбы, к которой она готовилась.

По-видимому, губернатор дал странные объяснения относительно моей личности, потому что с этого дня со мной стали обращаться недоверчивее и строже. В свое оправдание я сослался на бумаги, которые должны оказаться в моей комнате, но мне сказали, что там искали и ничего не нашли. Та-

ким образом, в конце этого судебного дня у меня исчезла всякая надежда, и когда я на третий день был опять приведен в зал суда, мне прочли приговор, по которому я, уличенный в умышленном убийстве, был присужден к смерти.

Так вот до чего я дошел! Покинутый всем, что мне было еще дорого на земле, вдали от родины, я во цвете лет должен был невинно умереть под топором!

Вечером этого ужасного дня, решившего мою участь, я одиноко сидел в тюрьме. Мои надежды погибли, мои грустные мысли были обращены к смерти. Вдруг дверь моей тюрьмы отворилась, и вошел человек, который долго молча смотрел на меня.

– Так я опять встречаю тебя, Цалейкос? – сказал он.

При тусклом свете своей лампы я не узнал его, но звук его голоса пробудил во мне старые воспоминания. Это был Валетти, один из тех немногих друзей, которых я знал в городе Париже во время своих занятий. Он сказал, что случайно приехал во Флоренцию, где его отец живет знатным человеком, услышал о моей истории и пришел, чтобы еще раз увидеть меня и от меня самого узнать, как я мог так тяжело провиниться. Я рассказал ему всю историю. Он, казалось, очень удивился ей и заклинал меня все сказать ему, своему единственному другу, и не покидать этот свет с ложью.

Я поклялся ему самой дорогой для меня клятвой, что сказал правду и что надо мной не тяготеет никакой другой вины, кроме той, что, ослепленный блеском золота, я не постиг

неправдоподобности рассказа незнакомца.

– Так ты не знал Бианки? – спросил он.

Я уверял его, что никогда не видел ее. Тогда Валетти стал рассказывать мне, что в этом деле есть глубокая тайна, что губернатор очень поспешно произнес надо мной приговор, а в народе появился слух, что я уже давно знал Бианку и умертвил ее из мести за ее брак с другим. Я заметил ему, что все это соответствует Красному Плащу, но я ничем не могу доказать его участие в этом деле. Валетти рыдая обнял меня и обещал мне сделать все, чтобы по крайней мере спасти мою жизнь. У меня было мало надежды, но я знал, что Валетти умный и сведущий в законах человек и что он сделает все, чтобы спасти меня.

Два долгих дня я был в неизвестности. Наконец явился и Валетти.

– Я приношу утешение, хотя и печальное. Ты будешь жив и будешь свободен, но потеряешь руку.

Тронутый этим, я благодарил друга за свою жизнь. Он сказал мне, что губернатор был неумолим и не позволил снова расследовать дело, но чтобы не показаться несправедливым, он согласился наконец сообразовать мое наказание с наказанием, постановленным в книгах флорентийской истории, если в них найдется подобный случай. Тогда Валетти и его отец стали день и ночь читать старые книги и наконец нашли случай, вполне подобный моему. В книгах приговор гласит: ему должно отрубить левую руку, отобрать его имущество, а

самого его навсегда изгнать. Таково теперь и мое наказание, и я должен готовиться к тому мучительному часу, который ожидает меня.

Я не стану изображать вам этот ужасный час, когда я на открытой площади положил на плаху свою руку, когда моя собственная кровь ручьем полилась на меня!

Валетти принял меня в свой дом, пока я не выздоровел, а потом великодушно снабдил меня деньгами на дорогу; ведь все, что я приобрел себе с таким трудом, стало добычей суда. Из Флоренции я поехал на Сицилию, а оттуда с первым кораблем, который застал, в Константинополь. Мои надежды были обращены на ту сумму, которую я передал своему другу, причем я просил его позволить мне жить у него. Как я изумился, когда он спросил меня, почему же я не еду в свой дом! Он сказал мне, что какой-то иностранец купил на мое имя дом в греческом квартале и при этом говорил соседям, что скоро и я сам приеду. Я тотчас же вместе с другом пошел туда и был с радостью принят всеми старыми знакомыми. Старый купец дал мне письмо, которое оставил у него человек, купивший для меня дом.

Я стал читать его:

«Цалейкос! Две руки готовы неутомимо хлопотать, чтобы ты не чувствовал потери одной! Дом, который ты видишь, и все, что есть в нем, — твое. Тебе ежегодно будут доставлять столько, что среди своего народа ты будешь принадлежать к богатым. Да простишь ты тому,

кто несчастнее тебя!»

Я мог предполагать, кто написал это, а купец на мой вопрос сказал мне, что этого человека он принял за франка и что он был одет в красный плащ. Я узнал достаточно и сознался, что незнакомец, должно быть, не вполне все-таки лишен благородства. В моем новом доме все было устроено наилучшим образом, даже был подвал с лучшими товарами, чем я когда-либо имел. С тех пор прошло десять лет; больше по старой привычке, чем по необходимости, я продолжаю свои торговые поездки, но той страны, где я стал таким несчастным, я никогда уж не видал. С тех пор я каждый год получал тысячу золотых; но хотя мне и отрадно сознавать, что тот несчастный благороден, однако он не может искупить скорбь моей души, потому что во мне вечно живет ужасный образ убитой Бианки.

Цалейкос, греческий купец, окончил свой рассказ. Остальные с большим участием слушали его; особенно, казалось, был тронут им незнакомец. Он несколько раз глубоко вздыхал, а Мулею показалось даже, что раз у него на глазах были слезы. Они еще долго беседовали об этой истории.

– И вы не проклинаете того неизвестного, который так гнусно лишил вас столь благородного члена вашего тела, который даже подверг опасности вашу жизнь? – спросил незнакомец.

– Конечно, прежде были минуты, – отвечал грек, – когда

мое сердце обвиняло его перед Богом, за то что он навлек на меня это горе и отравил мою жизнь, но я находил утешение в вере отцов, а она повелевает мне любить своих врагов; притом он, может быть, еще несчастнее меня.

– Вы благородный человек! – воскликнул тронутый незнакомец и пожал греку руку.

Но начальник стражи прервал их беседу. Он с озабоченным видом вошел в палатку и сообщил, что здесь не следует отдыхать, потому что в этом месте караваны обыкновенно подвергаются нападению и его стражам даже кажется, что вдали видны несколько всадников.

Купцы были очень смущены этим известием, а незнакомец Селим удивился их смущению, заметив, что при такой хорошей защите им нечего бояться шайки разбойничьих арабов.

– Да, господин, – возразил ему начальник стражи. – Если бы это был только такой сброд, то можно было бы без опасения лечь отдохнуть, но с некоторого времени опять появимся страшный Орбазан, и поэтому следует быть осторожнее.

Незнакомец спросил, кто же этот Орбазан, и Ахмет, старый купец, отвечал ему:

– Среди народа существуют разные сказания об этом удивительном человеке. Одни считают его сверхчеловеческим существом, потому что он часто выдерживает борьбу с пятью-шестью воинами сразу, другие считают его храбрым франком, которого в эту страну привело несчастье; но

прежде всего верно только то, что он проклятый разбойник и вор.

– Этого вы не можете утверждать, – возразил ему Леза, один из купцов. – Хотя он и разбойник, но он все-таки благородный человек. Таким он показал себя моему брату, и этот пример я мог бы рассказать вам. Всю свою шайку он сделал порядочными людьми, и пока он рыщет по пустыне, не смеет показаться никакая другая шайка. Притом он не грабит, как другие, а берет только деньги за охрану караванов, и кто добровольно заплатил ему, тот едет дальше благополучно, потому что Орбазан – господин пустыни.

Так говорили между собой в палатке путники, а стража, расставленная вокруг места привала, начала беспокоиться. На расстоянии получаса показалась довольно значительная кучка вооруженных всадников; они ехали, по-видимому, прямо к лагерю. Поэтому один из людей стражи пошел в палатку известить, что они, вероятно, подвергнутся нападению. Купцы стали совещаться между собой, что им делать: идти ли навстречу всадникам или подождать нападения.

Ахмет и двое старших купцов желали последнего, а пылкий Мулей и Цалейкос требовали первого и призывали к себе на помощь незнакомца. Он же спокойно вынул из-за пояса маленький голубой платок с красными звездами, привязал его к копыю и велел одному из рабов воткнуть копьё над палаткой. Он ручается своей жизнью, говорил он, что, увидев этот знак, всадники спокойно проедут мимо. Мулей не верил

в успех, но раб воткнул копьё над палаткой. Между тем все находившиеся в лагере взялись за оружие и с напряженным ожиданием смотрели на всадников. Но последние заметили, по-видимому, знак над палаткой; они сразу свернули со своего направления к лагерю и, сделав большой полукруг, пронеслись в стороне.

Удивленные путники несколько мгновений стояли и смотрели то на всадников, то на незнакомца. Последний совершенно равнодушно, как будто ничего не произошло, стоял перед палаткой и смотрел на равнину. Наконец Мулей прервал молчание.

– Кто ты, могущественный незнакомец, – воскликнул он, – ты, который знаком укрощает дикие орды пустыни?

– Вы считаете мое искусство выше, чем оно есть, – отвечал Селим Барух. – Я запасся этим знаком, когда убежал из плена, а что он должен показывать – я сам не знаю. Я знаю только то, что путешествующий с этим знаком находится под могущественной защитой.

Купцы благодарили незнакомца и называли его своим спасителем. Действительно, число всадников было так велико, что караван, вероятно, не смог бы оказать сопротивление.

Теперь они с облегченным сердцем улеглись отдыхать; когда же солнце стало заходить и по песчаной равнине пронесся вечерний ветер, они выступили в путь и поехали дальше.

На следующий день они сделали привал на расстоянии приблизительно только одного дня пути от конца пустыни.

Когда путники опять собрались в большой палатке, купец Леза заговорил:

– Я вчера сказал вам, что страшный Орбазан – благородный человек; позвольте мне сегодня доказать вам это рассказом о приключениях моего брата. Мой отец был кади²⁷ в Акаре. У него были трое детей. Я был самым старшим, брат и сестра было гораздо моложе меня. Когда мне было двадцать лет, брат моего отца призвал меня к себе. Он назначил меня наследником своего имущества с условием, чтобы я остался при нем до его смерти. Но он достиг глубокой старости, так что я только два года тому назад вернулся на родину и ничего не знал о том, какая ужасная судьба постигла мой дом и как милостивый Аллах отвратил ее.

²⁷ Кади – судья.

Спасение Фатьмы

Мой брат Мустафа и моя сестра Фатьма были почти одинакового возраста. Брат был старше самое большее двумя годами. Они искренне любили друг друга и вместе содействовали всему, что могло облегчить нашему болезненному отцу тяжесть его старости. Когда Фатьме исполнилось шестнадцать лет, брат в день ее рождения устроил празднество. Он пригласил всех ее подруг, угостил их в отцовском саду изысканными кушаньями, а когда наступил вечер, пригласил их немного проехаться по морю на лодке, которую он нанял и ио-праздничному украсил. Фатьма и ее подружки с радостью согласились, потому что вечер был прекрасный, и город, особенно вечером, если смотреть с моря, представлял великолепный вид. Но девушкам так понравилось в лодке, что они уговаривали моего брата ехать все дальше в море. Мустафа же неохотно соглашался, потому что несколько дней тому назад показался разбойничий корабль.

Недалеко от города в море выдавался мыс. Девушки захотели проехать и туда, чтобы посмотреть оттуда закат солнца в море. Огибая мыс, они на незначительном расстоянии от себя увидели лодку, занятую вооруженными людьми. Не предчувствуя ничего хорошего, мой брат велел гребцам повернуть свое судно и грести к берегу. Действительно, его опасение, по-видимому, подтверждалось, потому что та лод-

ка быстро последовала за лодкой моего брата, обогнала ее, так как на ней было больше гребцов, и все время держалась между берегом и нашей лодкой. Осознав опасность, в которой они находились, девушки стали вскакивать, кричать и плакать. Мустафа напрасно старался успокоить их, напрасно уговаривал их сидеть смирно, потому что своей беготней взад и вперед они подвергали лодку опасности опрокинуться. Ничто не помогало, и когда они наконец, при приближении другой лодки, все бросились на заднюю сторону судна, оно опрокинулось. А между тем с берега наблюдали за движениями незнакомой лодки, и так как уже некоторое время опасались корсаров, то это судно возбудило подозрение и несколько лодок отчалили от берега на защиту нашей лодки. Но они прибыли только-только вовремя, чтобы подобрать утопавших. В суматохе неприятельское судно ускользнуло, а на обеих лодках, которые приняли спасенных, было неизвестно, все ли спасены. Сошлись и – увы! Оказалось, что моей сестры и одной из ее подруг не было; но в то же время в одной из лодок заметили какого-то неизвестного человека. На угрозы Мустафы он признался, что принадлежит к неприятельскому кораблю, который стоит на якоре в двух милях к востоку, и что его товарищи во время своего поспешного бегства покинули его, когда он собирался помогать вытаскивать из воды девушек. Он сказал также, что видел, как двух из девушек втащили на корабль.

Скорбь моего старого отца была безгранична, но и Муста-

фа был до смерти огорчен, не только потому что пропала его любимая сестра и что в ее несчастье он обвинял себя, – та подруга Фатьмы, которая разделила ее несчастье, была своими родителями обещана ему в супруги, и только нашему отцу он еще не смел признаться в этом, потому что ее родители были бедны и низкого происхождения. А мой отец был строгий человек. Когда его скорбь немного улеглась, он позвал к себе Мустафу и сказал ему:

– Твоя глупость лишила меня утешения моей старости и радости моих очей. Уходи, я навеки прогоняю тебя с глаз долой. Я проклиная тебя и твоих потомков, и только когда ты возвратишь мне Фатьму, я сниму с твоей головы отцовское проклятие!

Этого мой бедный брат не ожидал; он уже раньше решил отыскать свою сестру и ее подругу и только хотел испросить себе для этого благословения отца, а теперь отец посылал его по свету с проклятием. Но если прежде горе удручало его, то теперь его мужество только укрепило то полное несчастье, которого он не заслуживал.

Он пошел к пленному морскому разбойнику, расспросил его, куда лежал путь его корабля, и узнал, что разбойники вели торговлю рабами и обыкновенно много торговали в Бальсоре.

Когда он вернулся домой, чтобы приготовиться в путь, гнев отца, по-видимому, немного прошел, потому что он прислал сыну кошелек с золотом для поддержки во время

пути. Мустафа плача простился с родителями Зораиды – так звали его похищенную невесту – и отправился в Бальсору.

Мустафа поехал сухим путем, потому что из нашего маленького города в Бальсору совсем не ходили корабли. Поэтому он должен был проезжать в день очень много, чтобы прибыть в Бальсору вскоре после морских разбойников. Так как у него был добрый конь и не было никакой поклажи, то он мог надеяться достигнуть этого города в конце шестого дня. Но вечером на четвертый день, когда он совершенно один ехал своей дорогой, на него вдруг напали три человека. Заметив, что они хорошо вооружены и сильны и что они покушаются скорее на его жизнь, чем на деньги и коня, он крикнул им, что сдается. Они сошли с лошадей и связали ему ноги под брюхом его лошади, а самого его взяли в середину и, схватив поводья его коня, рысью поехали вместе с ним не говоря ни слова.

Мустафа предался немому отчаянию. Отцовское проклятие, по-видимому, уже теперь исполнялось над несчастным, и как он мог надеяться спасти свою сестру и Зораиду, если, лишенный всех средств, он мог употребить для их освобождения только свою жалкую жизнь. Проехав около часа Мустафа и его немые спутники свернули в небольшую долину. Долина была окаймлена высокими деревьями; мягкий темно-зеленый луг и ручей, протекавший посредине его, манили к отдыху. Действительно, Мустафа увидел пятнадцать – двадцать раскинутых там палаток. К колышкам палаток бы-

ли привязаны верблюды и красивые лошади, а из одной палатки раздавалась веселая мелодия цитры и двух прекрасных мужских голосов. Моему брату показалось, что люди, выбравшие себе для лагеря такое веселое местечко, не могут замысливать против него никакого зла, и поэтому он без боязни последовал призыву своих проводников, которые, развязав его веревки, сделали ему знак сойти с лошади.

Его привели в палатку; она была больше остальных и внутри красиво, почти изящно убрана. Великолепные вышитые золотом подушки, тканые ковры и позолоченные курильницы где-нибудь в другом месте указывали бы на богатство и довольство, а здесь они казались только смелой добычей. На одной из подушек сидел старый, маленький человек; у него было безобразное лицо, смуглая и блестящая кожа, а неприятная черта злобной хитрости в глазах и рот делали его вид противным. Хотя этот человек старался придать себе некоторую важность, однако Мустафа скоро заметил, что не для него палатка так богато украшена, а разговор его проводников подтверждал, по-видимому, его замечание.

– Где атаман? – спросили они у карлика.

– На маленькой охоте, – отвечал он, – но он поручил мне занимать его место.

– Это он не умно сделал, – возразил один из разбойников, – потому что скоро надо решить: умереть ли этой собаке или заплатить выкуп, а это атаман знает лучше тебя.

Маленький человек с сознанием своего достоинства встал

и вытянулся, чтобы концом руки достать ухо своего противника, потому что, по-видимому, хотел отомстить ему ударом; но увидев, что его усилие бесплодно, он начал браниться (правда, и другие не оставались у него в долгу), так что палатка задрожала от их спора. Вдруг дверь палатки растворилась и вошел высокий, статный человек, молодой и прекрасный, как персидский принц. Его одежда и оружие, кроме богато украшенного кинжала и блестящей сабли, было скромно и просто, но его строгий взор, вся его наружность внушали уважение, не возбуждая страха.

– Кто это смеет затевать спор в моей палатке? – крикнул он перепугавшимся разбойникам.

Некоторое время в палатке царила глубокая тишина. Наконец один из тех, которые привели Мустафу, рассказал, как это произошло. Тогда лицо атамана, казалось, покраснело от гнева.

– Когда это я сажал тебя на свое место, презренный Гасан? – страшным голосом крикнул он.

Карлик съежился от страха, так что стал казаться еще гораздо меньше, чем прежде, и скользнул к двери палатки. Достаточно было одного удара ногою, чтобы он большим странным прыжком вылетел за дверь.

Когда карлик исчез, три человека подвели Мустафу к хозяину палатки, который между тем лег на подушки.

– Вот мы привели того, кого ты приказал нам поймать. Атаман долго смотрел на пойманного и затем сказал:

– Зулейкский паша! Твоя собственная совесть скажет тебе, почему ты стоишь перед Орбазаном.

Услыхав это, мой брат бросился перед ним на колени и отвечал:

– Господин! Ты, кажется, ошибаешься. Я бедный неудачник, а не паша, которого ты ищешь!

Все в палатке были изумлены этой речью. Но хозяин сказал:

– Тебе мало может помочь твое притворство, потому что я приведу к тебе людей, которые хорошо знают тебя.

Он велел привести Зулейму. В палатку привели старую женщину, которая на вопрос, не узнает ли она в моем брате зулейкского пашу, отвечала:

– Конечно! Клянусь могилой Пророка, это паша, а никто другой.

– Видишь, негодный, как не удалась твоя малодушная хитрость? – гневно заговорил атаман. – Ты для меня слишком жалок, чтобы я испачкал твоей кровью свой хороший кинжал; но завтра, когда взойдет солнце, я привяжу тебя к хвосту своего коня и буду скакать с тобой по лесам, до тех пор, пока оно не скроется за холмы Зулейка!

Тогда мой бедный брат упал духом.

– Это проклятие моего жестокого отца подвергает меня позорной смерти! – воскликнул он плача. – И ты погибла, милая сестра, и ты, Зораида!

– Твое притворство не поможет тебе, – сказал один из раз-

бойников, связывая ему за спину руки. — Убирайся из палатки, потому что атаман кусает себе губы и посматривает на свой кинжал. Если ты хочешь прожить еще одну ночь, то уходи!

Когда разбойники собрались увести моего брата из палатки, они встретили трех других, которые гнали перед собою пленника. Они вошли вместе с ним.

— Вот мы привели пашу, как ты велел нам! — сказали они и подвели пленника к подушке атамана.

Когда пленника вели, мой брат имел случай рассмотреть его и сам поразился сходством между собой и этим человеком; только лицо у того было смуглее и борода чернее. Атаман, по-видимому, был очень изумлен появлением второго пленника.

— Кто же из вас настоящий? — спросил он, смотря то на моего брата, то на другого человека.

— Если ты подразумеваешь зулиейкского пашу, — отвечал гордым тоном пленник, — то это я!

Атаман долго смотрел на него своим строгим, страшным взглядом, а затем молча сделал знак увести пашу. После этого он подошел к моему брату, разрезал кинжалом его веревки и сделал ему знак сесть к нему на подушку.

— Мне жаль, незнакомец, — сказал он, — что я принял тебя за того негодяя; но припиши это непостижимой воле неба, которая привела тебя в руки моих братьев именно в час, предназначенный для гибели того нечестивца.

Мой брат стал просить у него одной-единственной милости – тотчас же позволить ему опять ехать дальше, потому что всякое промедление может сделаться для него гибельным. Атаман осведомился о его спешных делах, и когда Мустафа все рассказал ему, он стал уговаривать брата остаться на эту ночь в его палатке: он и его конь нуждаются в отдыхе, а на следующий день он покажет ему дорогу, которая в полтора дня приведет его в Бальсору. Мой брат согласился, был прекрасно угощен и до утра спокойно спал в палатке разбойника.

Проснувшись, Мустафа увидел, что он совершенно один в палатке, но за занавесом палатки он услышал голоса, которые принадлежали, по-видимому, хозяину палатки и маленькому смуглому человеку. Он немного прислушался и к своему великому ужасу услышал, что карлик настоятельно предлагает другому умертвить незнакомца, потому что он может всех выдать, если будет освобожден.

Мустафа тотчас заметил, что карлик ненавидит его; ведь он был причиной того, что вчера с карликом так дурно обошлись. Атаман, по-видимому, несколько минут раздумывал.

– Нет, – сказал он, – он мой гость, а право гостеприимства для меня священно, к тому он не похож на того, кто может выдать нас.

Сказав так, он откинул занавес и вошел.

– Да будет с тобою мир, Мустафа! – сказал он. – Давай отведаем утреннего напитка, а потом готовься к отъезду!

Он подал моему брату чашу с шербетом. Напившись, они взнуздали лошадей, и поистине с облегченным сердцем вскочил Мустафа на лошадь. Скоро они оставили палатки позади себя, а затем направились по широкой тропинке, которая вела в лес. Атаман рассказал моему брату, что тот паша, которого они поймали на охоте, обещал им терпеть их в своей области и не причинять им вреда; но несколько недель тому назад он поймал одного из их самых храбрых людей и после ужаснейших мучений велел повесить. Он долго подстерегал пашу, и уже сегодня паша должен умереть. Мустафа не смел ничего возразить на это: он был рад, что сам ушел невредимым.

В конце леса атаман остановил лошадь, подробно описал моему брату дорогу, пожал ему на прощание руку и сказал: — Мустафа, ты странным образом сделался гостем разбойника Орбазана. Я не хочу требовать у тебя не выдавать того, что ты видел и слышал. Ты несправедливо испытал страх смерти, и я должен вознаградить тебя. Возьми на память этот кинжал! Если тебе нужна будет помощь, то пришли его мне, и я поспешу помочь тебе. А этот кошелек, может быть, пригодится тебе в пути.

Мой брат поблагодарил его за великодушие и взял кинжал, но от кошелька отказался. Орбазан еще раз пожал ему руку, бросил кошелек на землю и с быстротой вихря помчался в лес. Когда Мустафа увидел, что ему уж не догнать разбойника, он слез, чтобы поднять кошелек, и испугался боль-

шого великодушия своего гостеприимного друга, так как кошелек содержал много золота. Он поблагодарил Аллаха за свое спасение, поручил его милости благородного разбойника и затем весело поехал дальше по дороге в Бальсору.

Здесь Леза замолчал и вопросительно посмотрел на старого купца Ахмета.

– Нет, если это так, – сказал последний, – то я охотно исправлю свое суждение об Орбазане. Правда, с твоим братом он поступил прекрасно!

– Он поступил как честный мусульманин! – воскликнул Мулей, – Но я надеюсь, что этим ты не кончил своего рассказа; ведь, как мне кажется, мы все желаем слушать дальше, что случилось с твоим братом и освободил ли он твою сестру Фатьму и прекрасную Зораиду!

– Если это вам не надоедает, то я охотно расскажу дальше, – сказал Леза, – потому что история моего брата действительно полна приключений и вообще чудесна.

В полдень на седьмой день после отъезда Мустафа въехал в ворота Бальсоры. Только что остановившись в караван-сарае он спросил, когда начнется торг рабами, который здесь происходит ежегодно. Но он получил ужасный ответ, что опоздал на два дня. Его опозданию выразили сожаление и рассказали ему, что он много потерял, потому что еще в последний день торговли прибыли две рабыни такой вели-

кой красоты, что привлекли к себе взоры всех покупателей. Из-за них порядком спорили и бились, и они, конечно, были проданы, притом за какую-то столь высокую цену, что ее не мог испугаться только их теперешний господин. Мустафа подробнее осведомился о рабынях, и у него не оставалось никакого сомнения, что это те несчастные, которых он ищет. Он узнал также, что человек, купивший их обеих, живет от Бальсоры на расстоянии сорока часов езды, что его зовут Тиули-Кос, что это знатный, богатый, но уже пожилой человек, который раньше был капудан-пашой²⁸ султана, а теперь со своими накопленными богатствами удалился на покой.

Сначала Мустафа хотел тотчас же опять сесть на лошадь, чтобы поспешить вслед за Тиули-Косом, который мог быть впереди его только на один день. Но сообразив, что он один ведь ничего не может сделать могущественному путешественнику и еще меньше может отнять у него добычу, он стал придумывать другой план и скоро нашел его. Сходство с зулиейским пашой, которое едва не стало так опасно для него, навело его на мысль отправиться под этим именем в дом Тиули-Коса и таким образом решиться на попытку спасти обеих несчастных девушек. Поэтому он нанял нескольких слуг с лошадьми, в чем ему отличногодились деньги Орбазана, закупил для себя и своих слуг великолепные одежды и отправился в путь к замку Тиули.

Через пять дней Мустафа приехал к этому замку. Он ле-

²⁸ Капудан-паша – командующий флотом.

жал на прекрасной равнине и был окружен кольцом высоких стен, над которыми здания возвышались лишь очень мало. Прибыв туда, Мустафа выкрасил волосы и бороду в черный цвет, а лицо вымазал соком какого-то растения, который придал ему смуглый цвет, совершенно такой, как у того паши. Затем он послал одного из своих слуг в замок и велел от имени зулейкского паши просить ночлега. Скоро слуга вернулся и с ним четверо прекрасно одетых рабов, которые взяли лошадь Мустафы под уздцы и повели во двор замка. Там они помогли самому ему сойти с лошади, а четверо других рабов повели его по широкой мраморной лестнице к Тиули.

Тиули, старый весельчак, принял моего брата почтительно и велел подать ему самое лучшее, что мог приготовить его повар. После обеда Мустафа мало-помалу перевел разговор на новых рабынь, и Тиули стал расхваливать их красоту и сожалел только, что они всегда так печальны, но думал, что это скоро пройдет. Мой брат был очень доволен этим приемом и лег отдыхать с прекраснейшими надеждами.

Он проспал, вероятно, около часа, когда его разбудил свет лампы, который ослепительно падал в глаза. Приподнявшись, он подумал, что еще видит сон, потому что перед ним стоял с лампой в руке тот маленький смуглый человек из палатки Орбазана. Его широкий рот был искривлен отвратительной улыбкой. Мустафа ущипнул себя за руку, дернул за нос, чтобы убедиться, проснулся ли он, но видение по-прежнему оставалось.

– Чего тебе надо у моей постели? – воскликнул Мустафа, опомнившись от своего изумления.

– Не беспокойтесь же так, господин! – сказал карлик. – Я отлично догадался, ради чего вы приехали сюда, притом мне было еще очень памятно ваше почтенное лицо; но право, если бы я собственными руками не помогал вешать пашу, то вы, может быть, обманули бы и меня. А теперь я здесь затем, чтобы предложить вам один вопрос.

– Прежде всего скажи, как ты попал сюда, – возразил ему Мустафа, взбешенный тем, что его так быстро узнали.

– Это я скажу вам, – отвечал карлик. – Я не мог дольше ладить с атаманом, почему и бежал; а собственно, ты, Мустафа, был причиной нашей ссоры. За это ты должен дать мне в жены свою сестру, а я помогу вам убежать; если ты не отдашь ее, то я пойду к своему новому господину и кое-что расскажу ему о новом паше.

Мустафа был вне себя от ужаса и бешенства. Теперь, когда он уверенно считал себя у цели своих желаний, суждено было явиться этому несчастному и разрушить их. Было только одно средство, которое могло спасти его план: он должен был убить маленькое страшилище. Поэтому он одним прыжком бросился с кровати на карлика, но последний, вероятно предчувствуя нечто подобное, уронил лампу, так что она погасла, и в темноте отскочил, убийственно закричав о помощи.

Теперь Мустафа находился в затруднительном положе-

нии. В эту минуту он должен был отказаться от девушек и думать только о собственном спасении, поэтому он подошел к окну, чтобы посмотреть, нельзя ли ему убежать. До земли было довольно далеко, а на другой стороне стояла высокая стена, которую нужно было перелезть. Он в раздумье стоял у окна, когда услышал множество голосов, приближающихся к его комнате. Они были уже у двери, когда он в отчаянии схватил свой кинжал и одежду и выбросился в окно. Падение было жестоко, но он чувствовал, что ничего не сломал. Поэтому он вскочил и побежал к стене, которая окружала двор, поднялся, к изумлению своих преследователей, наверх и скоро очутился на свободе.

Он бежал, пока не достиг небольшого леса, где в изнеможении бросился на землю. Здесь он стал обдумывать, что делать. Своих лошадей и слуг он должен был оставить, но деньги, которые носил в поясе, спас. Его изобретательная голова скоро указала ему другой путь к спасению. Он пошел по лесу дальше, пока не пришел к деревне, где за ничтожную цену купил лошадь, которая скоро привезла его в город. Там он стал спрашивать врача, и ему посоветовали одного старого, опытного человека. Несколькими золотыми Мустафа склонил его сообщить ему лекарство, наводящее подобный смерти сон, который можно было бы мгновенно прекратить каким-нибудь другим средством. Когда он овладел этим средством, он купил себе длинную фальшивую бороду, черный плащ и разных баночек и склянок, так что хорошо мог пред-

ставить странствующего врача, нагрузил свои вещи на осла и опять отправился в замок Тиули-Коса. Он мог быть уверен, что на этот раз его не узнают, потому что борода так изменила его, что он едва сам себя узнавал.

Приехав к Тиули, он велел доложить о себе как о враче Хакаманкабудибабе, и случилось так, как он рассчитывал. Чудесное имя чрезвычайно отрекомендовало его старому дураку, так что он тотчас пригласил его к обеду. Хакаманкабудибаба явился к Тиули, и старик, побеседовав с ним едва час, решил подвергнуть лечению мудрого врача всех своих рабынь. Мустафа едва смог скрыть свою радость, что теперь опять увидит возлюбленную сестру, и с бьющимся сердцем последовал за Тиули, который повел его в сераль.²⁹ Они пришли в прекрасно убранную комнату, в которой, однако, никого не было.

– Хамбаба или как тебя звать, милый врач, – сказал Тиули-Кос, – смотри-ка на то отверстие в стене! Там каждая из моих рабынь высунет руку, и ты сможешь тогда исследовать: болен или здоров пульс.

Мустафа мог возражать что угодно, – ему не дали видеть рабынь, но Тиули согласился всякий раз говорить ему, как они обыкновенно чувствовали себя прежде. Затем Тиули вынул из-за пояса длинную записку и громким голосом начал поодиночке вызывать своих рабынь, после чего из стены каждый раз высовывалась рука и врач исследовал пульс.

²⁹ Сераль – часть дома, предназначенная только для женщин.

Было прочитано уже шесть имен, и все были объявлены здоровыми. Седьмою Тиули назвал Фатьму, и из-за стены выскользнула маленькая, белая ручка. Дрожа от радости, Мустафа схватил эту руку и с значительной миной объявил ее серьезно больной. Тиули сделался очень озабоченным и велел своему мудрому Хакаманкабудибабе скорее приготовить для нее лекарство. Врач вышел и написал на маленькой записке:

«Фатьма! Я спасу тебя, если ты решишься принять лекарство, которое на два дня сделает тебя мертвой. Я владею средством опять привести тебя к жизни. Если ты хочешь, то скажи только, что питье не помогло, и это будет для меня знаком, что ты на мой план соглашаешься».

Вскоре он вернулся в комнату, где его ожидал Тиули. Он принес с собой безвредное питье, еще раз пощупал у больной Фатьмы пульс и в то же время сунул ей под браслет записку, а питье подал ей через отверстие в стене. Тиули, казалось, был очень озабочен за Фатьму и осмотр остальных рабынь отложил до более удобного времени. Когда он вместе с Мустафой покинул комнату, то сказал печальным тоном:

– Хадибаба, скажи откровенно, что ты думаешь о болезни Фатьмы?

Хакаманкабудибаба отвечал с глубоким вздохом:

– Ах, господин, да дарует тебе Пророк утешение! У нее изнурительная лихорадка, которая может, пожалуй, отпра-

вить ее на тот свет.

Тогда Тиули разразился гневом:

– Что ты говоришь, проклятая собака, а не врач? Она, за которую я дал две тысячи золотых, должна умереть, как корова? Знай, что если ты не спасешь ее, то я отрублю тебе голову!

Мой брат заметил, что сделал глупость, и опять подал Тиули надежду. Когда они еще говорили так, из сераля пришел черный раб сказать врачу, что питье не помогло.

– Употребь все свое искусство, Хакамдабабельба, или как ты подписываешься, я заплачу тебе, что ты захочешь! – кричал Тиули-Кос, почти воя от страха потерять со смертью рабыни столько золота.

– Я дам ей настойку, которая избавит ее от всякого недуга, – отвечал мнимый врач.

– Да! да! дай ей скорее настойку! – рыдал старый Тиули.

Обрадованный Мустафа принес свой усыпляющий напиток. Отдав его черному рабу и показав, сколько нужно принять сразу, он пошел к Тиули сказать, что ему надо набрать у озера еще некоторых целебных трав, и поспешил за ворота. У озера, которое было недалеко от замка, он снял свою фальшивую одежду и бросил ее в воду, так что она забавно поплыла, а сам спрятался в кустах, дождался там ночи и тогда пробрался в склеп при замке Тиули.

Не прошло, вероятно, и часа, как Мустафы не было в замке, когда Тиули принесли ужасное известие, что его рабы-

ня Фатьма находится при смерти. Он послал на озеро, чтобы скорей привести врача, но его посланные вернулись одни и рассказали ему, что бедный врач упал в воду и утонул – видно, как его черный плащ плавает посредине озера, а по временам из воды показывается его почтенная борода. Когда Тиули не видел уж никакого спасения, он стал проклинать себя и весь свет, рвать на себе бороду и биться головой об стену. Но все это не могло помочь, и Фатьма скоро испустила дух на руках остальных женщин. Услыхав известие о ее смерти, Тиули приказал скорее сделать гроб, потому что не мог выносить в доме покойника, и велел отнести труп в склеп. Носильщики принесли туда гроб, поскорее опустили его и убежали, потому что услышали стоны и вздохи в других гробах.

Мустафа, спрятавшийся за гробами и оттуда обратившийся в бегство носильщиков гроба, вышел и зажег лампу, которую с этой целью принес с собой. Затем он вынул пузырек, содержащий пробуждающее лекарство, и поднял крышку с гроба Фатьмы. Но какой ужас охватил его, когда при свете лампы ему показались совершенно незнакомые черты лица! В гробу лежала не сестра моя и не Зораида, а совершенно другая. Ему нужно было много времени, чтобы опомниться от нового удара судьбы. Наконец сострадание превозмогло его гнев. Он открыл свой пузырек и влил мертвой лекарство. Она вздохнула, открыла глаза и, казалось, долго раздумывала, где она. Наконец она вспомнила случившееся, встала из

гроба и бросилась к ногам Мустафы.

– Как мне благодарить тебя, доброе существо, – воскликнула она, – за то, что ты освободил меня из моего ужасного плена!

Мустафа прервал ее изъявления благодарности вопросом, как же это произошло, что спасена она, а не его сестра Фатьма. Она изумленно посмотрела на него.

– Только теперь мне становится ясным мое спасение, которое прежде мне было непонятно, – отвечала она. – Знай, что в том замке меня звали Фатьмой и мне ты отдал и свою записку, и спасительное питье.

Мой брат потребовал у спасенной рабыни дать ему сведения о его сестре и Зораиде и узнал, что обе они находятся в замке, но, по обыкновению Тиули, получили другие имена: теперь их зовут Мирза и Нурмагаль. Когда Фатьма, спасенная рабыня, увидела, что мой брат так поражен этой ошибкой, она стала ободрять его и обещала сказать ему средство, как можно все-таки спасти обеих девушек. Ободренный этой мыслью, Мустафа возымел новую надежду. Он попросил Фатьму назвать ему это средство, и она сказала:

– Хотя я только пять месяцев была рабыней Тиули, однако с самого начала думала о спасении, но для меня одной оно было слишком трудно. На внутреннем дворе замка ты, вероятно, заметил фонтан, который выбрасывает воду из десяти труб. Этот фонтан бросился мне в глаза, я вспомнила, что в доме своего отца я видела такой же, к которому вода прите-

кала через обширный водопровод. Чтобы узнать, так же ли построен этот фонтан, я однажды стала расхваливать перед Тиули его великолепие и спросила, кто его строил. «Я сам построил его, – отвечал он, – и то, что ты видишь здесь, еще пустяки: вода течет сюда из ручья по крайней мере за тысячу шагов и проходит по сводчатому водопроводу высотой по меньшей мере в человеческий рост; и все это я сам устроил». Услышав это, я часто стала желать только на одно мгновение иметь мужскую силу, чтобы вынуть камень из стенки фонтана, – тогда я могла бы бежать куда захотела. Я укажу тебе этот водопровод; через него ты сможешь проникнуть ночью в замок и освободить тех рабынь. Но ты должен иметь с собой по крайней мере еще двух человек, чтобы осилить рабов, которые ночью стерегут сераль.

Так говорила Фатьма, а мой брат Мустафа, хотя уже дважды обманывался в своих надеждах, еще раз собрался с духом и надеялся с помощью Аллаха привести в исполнение план рабыни. Он обещал ей позаботиться о ее дальнейшем отъезде на родину, если она поможет ему проникнуть в замок. Но его заботила еще одна мысль: откуда достать двух или трех верных помощников. Тогда он вспомнил кинжал Орбазана и данное им обещание поспешить к нему на помощь когда будет нужно; поэтому он вместе с Фатьмой вышел из склепа, чтобы отыскать знаменитого разбойника.

В том самом городе, где он превратился во врача, он на последние деньги купил коня и поселил Фатьму у одной бедной

женщины в предместье. Сам он поспешил к тем горам, где в первый раз встретил Орбазана, и через три дня приехал туда. Скоро он опять нашел те палатки и неожиданно вошел к Орбазану, который дружески приветствовал его. Мустафа рассказал ему о своих неудавшихся попытках, причем суровый Орбазан иногда не мог удержаться от смеха, особенно когда представлял себе врача Хакаманкабудибабу. Но изменой карлика он был взбешен и поклялся собственноручно повесить его, где бы ни нашел его. А моему брату он обещал быть готовым на помощь тотчас же, как только он подкрепитя после пути. Поэтому на ночь Мустафа опять остался в палатке Орбазана, а с первой утренней зарей они выехали, и Орбазан взял с собой трех человек из своих самых храбрых людей, на хороших лошадях и хорошо вооруженных. Они поехали быстро и через два дня прибыли в тот маленький город, где Мустафа оставил спасенную Фатьму. Оттуда они вместе с ней поехали дальше к небольшому лесу, откуда на незначительном расстоянии можно было видеть замок Тиули; там они расположились, чтобы дожидаться ночи. Как только стемнело, они, по указаниям Фатьмы, стали красться к ручью, где начинался водопровод, и скоро нашли его. Здесь они оставили Фатьму и одного слугу с конями и приготовились спускаться. Но прежде чем они спустились, Фатьма еще раз подробно повторила им, что через фонтан они придут на внутренний двор замка, там направо и налево в углу две башни, и за шестой дверью, считая от башни направо, находятся

Фатъма и Зораида, охраняемые двумя черными рабами. Запасшись оружием и ломami, Мустафа, Орбазан и двое других разбойников спустились в водопровод; хотя они почти до пояса погрузились в воду, но тем не менее бодро пошли вперед. Через полчаса они пришли к самому фонтану и тотчас же взялись за свои ломы. Стена была толстая и крепкая, но не могла долго противостоять соединенным силам четырех человек. Скоро они пробили отверстие, достаточно большое, чтобы можно было удобно пролезть. Сперва пролез Орбазан и помог пролезть другим. Когда все они были на дворе, они стали осматривать находившуюся перед ними сторону замка, чтобы разыскать описанную дверь. Но они не были согласны, какая это дверь, потому что, считая от правой башни к левой, нашли заделанную дверь и не знали, пропускала ее Фатъма или тоже считала. Но Орбазан не стал долго раздумывать.

– Мой добрый меч откроет мне всякую дверь! – воскликнул он и подошел к шестой двери, а другие последовали за ним.

Они открыли дверь и нашли шестерых черных рабов, которые лежали на полу и спали. Увидев, что попали не в ту дверь, они уже хотели опять потихоньку уйти, как в углу поднялась какая-то фигура и хорошо знакомым голосом закричала о помощи. Это был карлик из лагеря Орбазана. Но еще прежде чем чернокожие узнали хорошенько, что с ними случилось, Орбазан бросился на карлика, разорвал свой по-

яс, заткнул ему рот и связал руки за спиной. Потом он обратился к рабам, из которых некоторые уже были наполовину связаны Мустафой и двумя другими, и помог совершенно одолеть их. Рабам приставили к груди кинжалы и спросили, где Нурмагаль и Мирза. Они признались, что девушки в соседней комнате. Мустафа бросился в эту комнату и встретил Фатьму и Зораиду, которых разбудил шум. Они быстро собрали свои украшения и платья и последовали за Мустафой. Между тем оба разбойника предлагали Орбазану награбить, что найдется, но он запретил им это и сказал:

— Про Орбазана не должны говорить, что он ночью взлезает в дома красть золото!

Мустафа и спасенные девушки быстро пролезли в водопровод, а Орбазан обещал тотчас же последовать за ними.

Когда они спускались в водопровод, Орбазан и один из разбойников взяли карлика и вывели его на двор; здесь они обвязали вокруг его шеи шелковый шнурок, взятый ими для этого с собой, и повесили его на самом высоком шпиге фонтана. Наказав так измену несчастного, они сами тоже спустились в водопровод и последовали за Мустафой. Обе девушки со слезами благодарили своего великодушного спасителя Орбазана, а он торопил их, так как было очень вероятно, что Тиули велит преследовать их во все стороны.

На другой день Мустафа и спасенные девушки с глубоким умилением расстались с Орбазаном. Право, они никогда не забудут его! А Фатьма, освобожденная рабыня, отправилась

переодетой в Бальсору, чтобы там сесть на корабль и уехать на родину.

После короткого и приятного путешествия мои родственники прибыли домой. Радость свидания чуть не убила моего старого отца. На другой день после их приезда он устроил большое торжество, в котором принимал участие весь город. Мой брат должен был рассказать свою историю перед большим собранием родственников и друзей, и они единогласно хвалили его и благородного разбойника.

А когда мой брат кончил, отец встал и подвел к нему Зораиду.

— Так я снимаю, — сказал он торжественным голосом, — свое проклятие с твоей головы! Возьми Зораиду как награду, которую ты завоевал себе своим неутомимым усердием; прими мое отцовское благословение, и пусть у нашего города никогда не будет недостатка в людях, подобных тебе в братской любви, уме и усердии!

Караван достиг конца пустыни, и путники радостно приветствовали зеленые лужайки и густолиственные деревья — они много дней были лишены их прелестного вида. Караван-сарай, который они выбрали себе для ночлега, лежал в прекрасной долине, и хотя в нем было мало удобств и прохлады, однако все общество стало веселее и откровеннее чем когда-либо: ведь мысль, что они избавились от опасностей и лишений, сопряженных с путешествием по пустыне, раскры-

ла все сердца и настроила душу к шуткам и веселью. Мулей, молодой, веселый купец, стал танцевать комические танцы и при этом пел песни, которые даже у серьезного грека Цалей-коса вызывали улыбку. Мало того что он развеселил своих товарищей танцами и игрой, он еще преподнес им обещанный рассказ и, отдохнув от своих прыжков, стал рассказывать так...

Рассказ о маленьком Муке

В Никее, моем милом родном городе, жил один человек, которого звали Маленьким Муком. Хотя тогда я был еще очень молод, но могу представить его себе еще вполне хорошо, особенно потому, что однажды из-за него отец высек меня до полусмерти. Маленький Мук, когда я его знал, был уже стариком, но ростом всего в три или четыре фута, причем имел странную фигуру, потому что его тело, такое маленькое и изящное, должно было носить голову гораздо больше и толще, чем у других людей. Он жил совершенно один в большом доме и даже сам варил себе нищу, причем в городе не знали бы, жив он или умер – ведь он выходил только раз в месяц, – если бы в обеденный час из его дома не поднимался густой дым; но по вечерам часто видели, как он взад и вперед ходит по крыше, хотя с улицы казалось, что по крыше бегают одна только его большая голова.

Я и мои товарищи были злыми мальчиками, которые охотно дразнили и насмехались над всеми; поэтому всякий раз, когда Маленький Мук выходил из дома, для нас был праздник. В определенный день мы собирались перед его домом и ждали, пока он выйдет. Когда отворялась дверь и сперва выглядывала большая голова с еще большим тюрбаном, когда затем следовало остальное тельце, одетое в потертый плащик, широкие шаровары и широкий пояс, на котором висел

длинный кинжал, такой длинный, что не знаешь, Мук ли надет на кинжал или кинжал на Мука, когда он так выходил, то воздух оглашался нашим радостным криком.

Мы бросали вверх свои шапки и как сумасшедшие плясали вокруг него. А Маленький Мук важным киванием головы кланялся нам и медленным шагом шел вниз по улице, причем шлепал ногами, потому что на нем были большие, широкие туфли, каких я еще никогда не видал. Мы, мальчики, бежали за ним и все кричали: «Маленький Мук, Маленький Мук!» У нас даже была веселая песенка, которую мы иногда пели в честь него; в ней говорилось:

Карлик Мук, карлик Мук,
В большом доме ты живешь,
В месяц раз на улицу идешь!
Оглянись-ка на себя —
Ведь головка с гору у тебя!
Посмотри-ка ты вокруг
И поймай нас, карлик Мук!

Мы уже часто забавлялись так, и к своему стыду я должен признаться, что поступал хуже всех: часто дергал Мука за плащик и раз даже наступил ему сзади на большие туфли, так что он упал. Это показалось мне очень смешным, но мой смех прошел, когда я увидел, что Маленький Мук подходит к дому моего отца. Он вошел прямо в дом и некоторое время оставался там. Я спрятался у двери и видел, как Малень-

кий Мук опять вышел в сопровождении моего отца, который почтительно держал его за руку и у двери с поклонами простился с ним. Я почувствовал себя не совсем хорошо и поэтому долго оставался в своей засаде, но наконец меня выгнал голод, которого я боялся сильнее побоев, и я смиренно и с опущенной головой предстал пред отцом.

— Ты, как я слышу, издевался над нашим добрым Муком? — сказал он очень строгим тоном. — Я расскажу тебе историю этого Мука, и ты, наверно, не будешь больше насмехаться над ним, но прежде и после этого ты получишь обычное.

А обычным были двадцать пять ударов, которые он обыкновенно отсчитывал слишком точно. Поэтому он взял свою длинную трубку, отвинтил янтарный мундштук и отделал меня сильнее чем когда-либо раньше.

Когда двадцать пять ударов были получены сполна, он велел мне внимательно слушать и стал рассказывать о Маленьком Муке.

Отец Маленького Мука, которого зовут, собственно, Мукра, был здесь, в Ннкее, уважаемым, но бедным человеком. Он жил почти так же уединенно, как теперь живет его сын; последнего он, конечно, не мог терпеть, стыдясь его фигуры карлика, и поэтому предоставил ему расти в невежестве. Маленький Мук даже шестнадцати лет был еще веселым ребенком, и отец, человек серьезный, всегда порицал его за то, что он еще так глуп и наивен, когда ему уже давно следовало

бы выйти из детских лет.

Однажды старик неудачно упал, расшибся и умер, оставив Маленького Мука бедным и неученым. Жестокие родственники, которым умерший был должен больше, чем мог заплатить, выгнали бедного малютку из дома и посоветовали ему идти по свету и искать свое счастье. Маленький Мук отвечал, что он уже готов в путь, но просил себе только отцовскую одежду, которую ему и отдали. Его отец был высоким, сильным человеком, и поэтому его платье не подходило сыну. Однако Мук скоро нашелся: он обрезал то, что было слишком длинно, и потом надел. Но он, по-видимому, забыл, что должен обрезать и в ширину, и вот почему на нем та странная одежда, которую можно видеть еще и теперь: большой тюрбан, широкий пояс, широкие шаровары, синий плащик – все это наследство его отца, которое он носит с тех пор. Он заткнул за пояс длинный дамасский кинжал своего отца, взял палочку и вышел за ворота.

Мук весело бродил целый день, потому что ведь он отправился искать свое счастье. Если он видел на земле осколок стекла, блестящий на солнечном свете, то, наверно, прятал его в карман, думая, что он превратится в прекраснейший алмаз; если видел вдали купол мечети, сиявший как в огне, если видел озеро, блестящее как зеркало, то с радостью спешил к ним, думая, что пришел в волшебную страну. Но увы! Вблизи эти призраки исчезали, а его усталость и его бурчащий от голода желудок слишком скоро напомнили ему, что

он находится еще в стране смертных. Так он проходил два дня, голодный и печальный, и отчаялся найти свое счастье; полевые плоды были его единственной пищей, жесткая земля – его ночлегом.

Утром на третий, день он увидел с возвышенности большой город. Полумесяц ярко сиял на его зубцах, пестрые флаги развевались на крышах и, казалось, манили к себе Маленького Мука. Пораженный, он остановился и стал рассматривать город и местность. «Да, там малютка Мук найдет свое счастье, – сказал он сам себе и, несмотря на свою усталость, подпрыгнул. – Там или нигде!» Он собрал все свои силы и пошел к городу. Но хотя город казался совсем близко, однако Мук смог достигнуть его только в полдень, потому что его маленькие ноги почти совсем отказывались служить ему, и он часто должен был садиться в тень пальмы, чтобы отдохнуть.

Наконец он подошел к воротам города. Он оправил свой плащик, красивее повязал тюрбан, надел пояс еще шире и заткнул длинный кинжал более криво. Потом он стер с башмаков пыль, взял свою палочку и бодро вошел в ворота.

Он прошел уже несколько улиц, но нигде не отворялась дверь, нигде не кричали, как он воображал: «Маленький Мук, войди, поешь и попей и дай отдохнуть своим ножкам!»

Когда он у одного большого прекрасного дома опять очень тоскливо смотрел вверх, отворилось окно, выглянула старая женщина и стала звать певучим голосом:

Сюда, сюда!
Кашка сварена,
Стол уж накрыт,
Был бы у вас аппетит!
Соседушки, сюда,
Кашка сварена!

Дверь отворилась, и Мук увидел, что в дом вошло множество собак и кошек. Несколько минут он стоял в нерешительности, последовать ли ему приглашению, но наконец собрался с духом и пошел в дом. Перед ним шли несколько молодых кошечек, и он решил следовать за ними, потому что они, может быть, знали кухню лучше его.

Когда Мук поднялся по лестнице, он встретил ту старую женщину, которая выглядывала в окно. Она сердито посмотрела на него и спросила, что ему нужно.

– Ведь ты всех приглашала к своей каше, – отвечал Маленький Мук, – а я очень голоден и поэтому тоже пришел.

Старуха громко засмеялась и сказала:

– Откуда же ты пришел, чудак? Весь город знает, что я варю кашу только для своих милых кошек, и иногда, как ты видишь, приглашаю в их общество соседей.

Маленький Мук рассказал старой женщине, как тяжело ему пришлось после смерти отца, и стал просить ее дать ему сегодня поесть вместе с ее кошками. Старуха, которой понравился чистосердечный рассказ малютки, позволила ему

быть ее гостем и вдоволь дала ему поесть и попить. Когда он насытился и подкрепился, она долго глядела на него и затем сказала:

– Маленький Мук, оставайся у меня на службе! У тебя будет пустяшная работа и очень хорошее содержание.

Мук, которому понравилась кошачья каша, согласился и таким образом стал слугой госпожи Ахавци. У него была легкая, но странная служба. У госпожи Ахавци были два кота и четыре кошки; Маленький Мук должен был каждое утро чесать им шерсть и натирать их драгоценными мазями. Если хозяйка уходила, он должен был присматривать за ними; когда они ели, он подавал им блюда, а ночью укладывал их на шелковые подушки и укутывал бархатными одеялами. В доме были еще несколько маленьких собак; им он тоже должен был прислуживать, но с ними было не так много хлопот, как с кошками, с которыми госпожа Ахавци обращалась, как с собственными детьми. Впрочем, Мук вел такую же одинокую жизнь, как в доме своего отца, потому что, кроме госпожи, он целый день видел только собак и кошек. Некоторое время Маленькому Муку жилось вполне хорошо: у него всегда была еда и мало работы, а старая госпожа, по-видимому, была очень довольна им. Но мало-помалу кошки стали шаловливыми: когда старуха уходила, они как бешеные начинали прыгать по комнатам, разбрасывали все вещи и разбивали много прекрасной посуды, которая попадалась им. А услышав, что хозяйка идет по лестнице, они залезали на свои

подушки и как ни в чем не бывало виляли хвостами. Видя свои комнаты опустошенными, госпожа Ахавци сердилась и все сваливала на Мука. Он мог как угодно уверять ее в своей невинности, — она верила своим кошкам, которые так невинно смотрели, больше, чем своему слуге.

Маленький Мук был очень огорчен, что и здесь не нашел своего счастья, и про себя решил оставить службу у госпожи Ахавци. Но так как при первом своем путешествии он испытал, как плохо жить без денег, то решил каким-нибудь образом получить плату, которую его повелительница всегда обещала ему, но никогда не давала. В доме госпожи Ахавци находилась комната, которая всегда была заперта и внутренность которой Мук никогда не видал. Но он слышал, что хозяйка часто возится в ней, и очень охотно узнал бы, что она там спрятала. Когда он стал думать о деньгах для путешествия, ему пришло в голову, что там, может быть, спрятаны сокровища хозяйки. Но дверь всегда была крепко заперта, и поэтому он никогда не мог пробраться к сокровищам.

Однажды утром, когда госпожа Ахавци ушла, одна из собачек, с которой хозяйка обращалась всегда очень грубо, но у которой Мук разными дружескими услугами приобрел большое расположение, стала дергать его за широкие шаровары и при этом вела себя так, как если бы Мук должен был следовать за ней. Мук, который охотно играл с собаками, пошел за ней, и что же! — собачка привела его в спальню госпожи Ахавци к маленькой двери, которой он прежде ни-

когда там не замечал; дверь была полуоткрыта. Собачка вошла, а Мук последовал за ней, и как радостно он был поражен, увидев, что находится в той комнате, которая уже давно была целью его желаний. Он стал везде осматривать, нельзя ли найти денег, но ничего не находил. Кругом были только старые платья и причудливой формы сосуды. Один из этих сосудов привлек к себе его особенное внимание. Он был из хрусталя и на нем были вырезаны прекрасные фигуры. Мук поднял его и стал поворачивать во все стороны. О ужас! Он не заметил, что у сосуда была неплотно прилежавшая к нему крышка. Крышка упала и разбилась на тысячу кусков.

Маленький Мук долго стоял помертвевшим от ужаса. Теперь его судьба была решена, теперь он должен был убежать, а то старуха убьет его. Путешествие Мука было тотчас же решено, и он только еще раз осмотрелся, нельзя ли воспользоваться для него чем-нибудь из пожитков госпожи Ахавци. Ему попала на глаза пара ужасно больших туфель. Они, правда, были некрасивы, но его собственные уже не могли выдержать пути. Эти туфли привлекали его также своей величиной; ведь если они будут у него на ногах, то, наверно, все люди увидят, что он вышел из детских лет. Итак, он быстро снял свои туфельки и въехал в большие туфли. Тросточка, с прекрасно вырезанной львиной головой, тоже, как ему показалось, стояла в углу совсем напрасно; поэтому он взял ее с собой и поспешил из комнаты. Затем он пошел в свою комнату, надел плащик, повязал отцовский тюрбан, сунул кин-

жал за пояс и быстро, как только его несли ноги, побежал из дома и из города. За городом он, из страха перед старухой, бежал все дальше, пока от усталости почти уж не мог бежать. Во всю свою жизнь он не ходил так быстро; ему даже казалось, что он совсем не может остановиться: какая-то невидимая сила увлекала его. Наконец он заметил, что, должно быть, в туфлях есть что-то особенное, потому что они стремились все дальше и тащили его с собой. Он всячески пробовал остановиться, но это не удавалось. Выбившись из сил, он закричал сам себе, как кричат лошадям: «Тпру, тпру!» Туфли остановились, и Мук в изнеможении бросился на землю. Туфли необыкновенно обрадовали его. Таким образом он хоть что-нибудь приобрел своей службой, что во всяком случае могло помочь ему в его путешествии за счастьем. Несмотря на свою радость, он от изнеможения заснул, потому что его тельце, которому приходилось носить такую тяжелую голову, не могло много выдержать. Во сне ему явилась собачка, которая в доме госпожи Ахавци доставила ему туфли, и сказала:

«Милый Мук, ты еще не вполне знаешь употребление туфель; знай, что если ты в них трижды повернешься на каблуке, то можешь лететь, куда только захочешь; а палочкой ты можешь находить сокровища: где зарыто золото, там она трижды ударит по земле, а где серебро – дважды».

Так снилось Маленькому Муку. Проснувшись, он стал размышлять о чудесном сне и решил сейчас же сделать про-

бу. Он надел туфли, приподнял ногу и начал повертываться на каблуке. Но кто когда-нибудь пробовал три раза подряд сделать этот фокус в неимоверно широких туфлях, тот не удивится, что это Маленькому Муку не сразу удалось, особенно если вспомнить, что тяжелая голова перевешивала его то на ту, то на другую сторону.

Несколько раз бедный малютка здорово падал на нос; однако он не боялся повторять свою попытку и наконец она удалась. Он как колесо завертелся на каблуке, захотел лететь в ближайший большой город, и – туфли поднялись в воздух и с быстротой ветра полетели через облака! Еще прежде чем Маленький Мук смог опомниться, как это с ним произошло, он уже находился на большой площади, где было построено много лавок и бесчисленное множество людей суетливо бежали взад и вперед. Он стал прохаживаться в толпе, но скоро счел более благоразумным отправиться на пустынную улицу, потому что на площади то ему кто-нибудь наступал на туфли и он почти падал, то он своим торчавшим сбоку длинным кинжалом толкал того или другого и едва избегал побоев.

Теперь Маленький Мук стал серьезно раздумывать, что он может предпринять, чтобы заработать себе немного денег. У него, правда, была палочка, которая указывала ему зарытые сокровища, но где ему сейчас найти место с зарытым золотом или серебром? Пожалуй, в крайности он мог бы показывать себя за деньги, но для этого он был все-таки слишком горд. Наконец ему пришла в голову быстрота его ног.

«Мои туфли, — подумал он, — пожалуй, могут доставить мне пропитание». Он решил наняться скороходом. А так как он мог надеяться, что за такую службу правитель этого города заплатит всего лучше, то он разузнал, где находится дворец. У ворот дворца стояла стража, которая спросила его, что он здесь ищет. На его ответ, что он ищет службу, его отослали к надсмотрщику рабов. Мук изложил ему свое желание и попросил его доставить ему службу в королевских гонцах.

Надсмотрщик смерил его глазами с головы до ног и сказал:

— Как, с твоими ножками, которые едва ли длиннее пяди, ты хочешь сделаться королевским скороходом? Пошел прочь, я здесь не затем, чтобы забавляться со всяким дураком!

Но Маленький Мук стал уверять его, что вполне серьезно говорит о своем предложении и хотел бы состязаться с самым быстрым гонцом. Это надсмотрщику показалось очень смешным. Он велел Муку приготовиться к вечеру для состязания в беге, отвел его на кухню и позаботился, чтобы Муку дали как следует поесть и попить. А сам он отправился к королю и рассказал ему о Маленьком Муке и его предложении. Король был веселым человеком, и поэтому ему понравилось, что надсмотрщик рабов для забавы удержал Маленького Мука. Он приказал на большом лугу, за дворцом, сделать приготовления, чтобы всему двору с удобством можно было видеть состязание в беге, и еще раз поручил надсмотр-

щику иметь о карлике большое попечение. Король рассказал своим принцам и принцессам, какое зрелище они будут иметь в этот вечер. Те пересказали это своим слугам, и когда настал вечер, все были в напряженном ожидании, и все, у кого были ноги, высыпали на луг, где были устроены подмости, чтобы видеть бег хвастливого карлика.

Когда король и его сыновья и дочери заняли места на подмостках, на луг вышел Маленький Мук и сделал высоким господам чрезвычайно грациозный поклон. Когда они увидели малютку, раздался всеобщий радостный крик: такой фигуры там еще никогда не видали. Тельце с огромной головой, плащик и широкие шаровары, длинный кинжал за широким поясом, маленькие ножки в широких туфлях – нет, видеть это было слишком забавно, чтобы громко не посмеяться! Но смех не смутил Маленького Мука. Он гордо стоял, опираясь на палочку, и ожидал своего соперника. Надсмотрщик рабов, по собственному желанию Мука, выбрал самого лучшего бегуна. Вот он вышел, стал рядом с карликом, и оба ожидали знака. Тогда принцесса Амарца махнула, как было условлено, своим покрывалом, и как две стрелы, пущенные в одну цель, оба бегуна понеслись по лугу.

Сначала соперник Мука значительно опередил его, но Мук на своих туфлях-сорокоходах погнался за ним, догнал его, обогнал и давно стоял у цели, когда тот еще бежал тяжело дыша. Удивление и изумление на несколько минут сковали зрителей; но когда король первый захлопал в ладоши,

толпа заликовала, и все воскликнули:

– Да здравствует Маленький Мук, победитель на состязании в беге!

Между тем Маленького Мука привели; он бросился перед королем ниц и сказал:

– Могущественнейший король, здесь я дал тебе только небольшой образчик своего искусства; соблаговоли же дозволить, чтобы мне дали место среди твоих гонцов!

А король отвечал ему:

– Нет, ты будешь моим личным гонцом и всегда при моей особе, любезный Мук! Ты будешь ежегодно получать сто золотых жалованья и есть за столом моих первых слуг.

Итак, Мук уж думал, что наконец он нашел счастье, которое так долго искал, и был от души рад и доволен. Он пользовался даже особой милостью короля, который употреблял его для своих самых спешных и самых тайных посланий. Мук исполнял их с величайшей точностью и совершенно непостижимой быстротой.

Но остальные слуги короля были совсем не расположены к Муку. Они с неудовольствием видели, что благодаря карлику, который ничего не умел, как только быстро бегать, они теряли милость своего государя. Поэтому они устраивали против Мука много заговоров, чтобы свергнуть его, но все заговоры разбивались о большое доверие, которое король питал к своему тайному обер-лейб-гонцу (в короткое время Мук достиг и этого достоинства).

Карлик, от которого не ускользали эти козни против него, не думал о мести, — для этого у него было слишком доброе сердце, — нет, он думал о средстве сделаться необходимым для своих врагов и любимым ими. Тогда ему пришла в голову его палочка, о которой в своем счастье он совсем забыл. Если он найдет сокровища, думал Мук, то люди сделаются благосклоннее к нему. Он уже часто слышал, что отец теперешнего короля зарыл в землю много своих сокровищ, когда на его страну напал враг. Говорили также, что он умер, не сообщив сыну своей тайны. С этих пор Мук всегда брал с собой палочку, в надежде пройти когда-нибудь мимо того места, где зарыты деньги старого короля.

Однажды вечером случай привел его в отдаленную часть дворцового сада, которую он мало посещал. Вдруг он почувствовал, что палочка в его руке вздрогнула и три раза ударила о землю. Теперь он уже знал, что это могло значить. Поэтому он вынул кинжал, сделал знаки на стоявших кругом деревьях и прокрался опять во дворец. Там он достал заступ и для своего предприятия стал дожидаться ночи.

Впрочем, само откапывание сокровищ доставило маленькому Муку больше хлопот, чем он думал. Его руки были слишком слабы, а заступ — велик и тяжел. Он проработал, вероятно, уже два часа, прежде чем вырыл на глубину нескольких футов. Наконец он наткнулся на что-то твердое, что зазвенело, как железо. Теперь он стал копать усерднее, и скоро увидел большую железную крышку. Он сам спустился в

яму, чтобы посмотреть, что могла покрывать крышка, и действительно нашел большой горшок, наполненный золотыми монетами. Но его слабых сил не хватало, чтобы поднять горшок; поэтому он набрал золота в шаровары и пояс, сколько мог унести, и даже свой плащик наполнил им, тщательно опять закрыл остальное и все взвалил на спину. Но, право, если бы на ногах у него не было туфель, он не сошел бы с места, — так давила его тяжесть золота. Все-таки он незамеченным пришел в свою комнату и там спрятал золото под подушками своего дивана.

Когда Маленький Мук увидел себя обладателем такого количества золота, он подумал, что теперь дело примет иной оборот, и что среди своих врагов при дворе он приобретет себе много доброжелателей и искренних приверженцев. Уже по этому можно было узнать, что добрый Мук не получил, должно быть, очень тщательного воспитания, иначе он, конечно, не мог бы вообразить, что золотом приобретет истинных друзей. Ах, пусть бы он тогда наострил свои туфли и убежал с полным золота плащиком!

Золото, которое с этих пор Маленький Мук стал раздавать горстями, возбудило зависть остальных придворных слуг. Главный повар Аули говорил: «Он фальшивомонетчик». Надсмотрщик рабов Ахмед говорил: «Он выманил это у короля своей болтовней». А казначей Архац, его злейший враг, который сам иногда, быть может, хватал из кассы короля, прямо сказал: «Он украл золото». И вот, чтобы действо-

вать наверняка, они сговорились, и однажды главный кравчий Корхуц явился к королю очень печальным и грустным. Его печальное выражение лица было так заметно, что король спросил, что с ним.

— Ах! — отвечал он. — Я огорчен тем, что потерял милость своего государя!

— Что за вздор ты говоришь, друг Корхуц? — возразил ему король. — С каких это пор я не освещаю тебя солнцем своей милости?

Главный кравчий отвечал ему, что ведь тайного оберлейб-гонца он осыпает золотом, а своим бедным, верным слугам ничего не дает.

Очень изумленный этим известием, король велел рассказать о раздаче золота Маленьким Муком, и заговорщики легко внушили ему подозрение, что Мук каким-нибудь образом украл деньги из сокровищницы. Этот оборот дела был очень приятен казначею, который и без того неохотно давал отчет. Поэтому король отдал приказ тайно следить за всяким шагом Маленького Мука, чтобы поймать его, если возможно, на месте. И вот, когда ночью, следовавшей за этим несчастным днем, Маленький Мук, увидевший, что его касса благодаря его щедрости очень истощена, взял заступ и стал красться в дворцовый сад, чтобы там достать из своего тайногоклада новый запас, за ним издали последовала стража под предводительством главного повара Аули и казначея Архаца. В ту минуту, когда он хотел класть золото из горшка в свой пла-

щик, они бросились на него, связали и тотчас повели к королю. Последний, которого и без того рассердил перерыв его сна, принял своего бедного тайного обер-лейб-гонца очень немилостиво и тотчас учинил над ним допрос. Горшок совершенно вырыли из земли и вместе с заступом и полным золота плащиком положили к ногам короля. Казначей заявил, что он со своей стражей застал Мука врасплох, когда он только что зарыл в землю этот горшок с золотом.

Затем король стал допрашивать обвиняемого: правда ли это и откуда он получил золото, которое зарывал.

Маленький Мук, чувствуя свою невиновность, показал, что он нашел этот горшок в саду и что он хотел не зарыть, а вырыть его.

Все присутствовавшие громко засмеялись над этим оправданием, а король, крайне разгневанный мнимой наглостью карлика, воскликнул:

– Как, несчастный! Ты хочешь так глупо и подло обмануть своего короля, обокрав его? Казначей Архац! Я приглашаю тебя сказать, признаешь ли ты эту сумму за ту самую, которой недостает в моей казне?

Казначей отвечал, что он вполне уверен в этом, что столько или еще больше недостает с некоторого времени в королевской казне и что он мог бы дать клятву в том, что это золото украдено.

Тогда король приказал заковать Маленького Мука в тесные оковы и отвести его в башню, а казначею передал золото,

чтобы отнести его опять в сокровищницу. Довольный счастливым исходом дела, казначей ушел и дома стал считать блестящие золотые монеты. Но этот злой человек никогда не заявлял, что внизу в горшке лежала записка, в которой было сказано:

«Враг наводнил мою страну, и поэтому я скрываю здесь часть своих сокровищ. Кто бы ни нашел это, да поразит того проклятие его короля, если он тотчас же не передаст это моему сыну!

Король Сади».

В тюрьме Маленький Мук предавался печальным размышлениям. Он знал, что за кражу королевских вещей определена смерть, и все-таки не хотел открыть королю тайну своей палочки, не без основания боясь лишиться ее и своих туфель. К сожалению, его туфли не могли уже оказать ему никакой помощи, потому что, прикованный к стене в тесных цепях, он не мог, как ни мучился, повернуться на каблуке. Но когда на другой день ему объявили о смерти, тогда он подумал, что лучше жить без волшебной палочки, чем умереть с нею, попросил у короля тайной аудиенции и открыл ему свою тайну. Сначала король не придавал никакой веры его сознанию, но Маленький Мук обещал сделать опыт, если король согласится не умерщвлять его. Король дал ему в этом свое слово, велел тайно от него зарыть в землю немного золота и приказал Муку искать его своей палочкой. Мук в несколько минут нашел его, потому что палочка ясно три

раза ударила о землю. Тогда король заметил, что казначей обманул его, и послал ему, как это в обычае на Востоке, шелковый шнурок, чтобы он сам удавился. А Маленькому Муку он сказал:

– Я, правда, обещал тебе жизнь, но мне кажется, что ты владеешь не только одной этой тайной палочки. Поэтому ты останешься в вечном заключении, если не сознаешься, что за причина твоего быстрого бег.

Маленький Мук, у которого одна только ночь в башне отняла всякую охоту к дальнейшему заключению, признался, что все его искусство заключается в туфлях, но не сообщил королю тайны о троекратном повороте на каблуке. Чтобы сделать опыт, король сам вступил в туфли и как безумный понесся по саду. Он часто хотел остановиться, но не знал, как задержать туфли, и Маленький Мук, который не мог отказать себе в этой небольшой мести, заставил его бегать, пока он не упал без чувств.

Когда король опять пришел в сознание, он был страшно разгневан на Маленького Мука, заставившего его бегать до бесчувствия.

– Я дал свое слово даровать тебе свободу и жизнь, но ты должен в течение двенадцати часов покинуть мою страну, иначе я велю повесить тебя!

А туфли и палочку он велел положить в свою сокровищницу.

Таким же бедным, как всегда, Маленький Мук вышел из

страны, проклиная свою глупость, из-за которой он вообразил, что может играть при дворе значительную роль. К счастью, страна, откуда он был изгнан, была невелика; поэтому уже через восемь часов он был на границе, хотя идти для него было очень тяжело, так как он привык к своим милым туфлям.

Когда он очутился за границей, он оставил обычную дорогу, чтобы отыскать самую дремучую глушь лесов и жить там одиноко, потому что он возненавидел всех людей. В дремучем лесу он напал на место, которое показалось ему вполне подходящим для принятого им решения. Светлый ручей, окруженный большими тенистыми смоковницами, и мягкая трава манили его к себе. Там он бросился на землю с решением не принимать больше пищи, а ожидать здесь смерти. Среди печальных размышлений о смерти он заснул; но когда он опять проснулся и его стал мучить голод, он подумал, что голодная смерть – опасная вещь, и оглянулся, нельзя ли где достать чего-нибудь поесть.

На дереве, под которым он спал, висели великолепные, спелые смоквы. Он поднялся наверх, чтобы сорвать себе несколько штук, отлично наелся и потом спустился в ручью, чтобы утолить жажду. Но как велик был его ужас, когда в воде показалась ему его голова, украшенная двумя огромными ушами и толстым длинным носом! Пораженный этим, он схватился руками за уши, и, действительно, они были длинной более половины локтя.

– Я вполне заслуживаю ослиных ушей, – воскликнул он, – потому что, как осел, топтал ногами свое счастье!

Он стал бродить под деревьями, и когда опять почувствовал голод, должен был еще раз прибегнуть к смоквам, потому что кроме них он не нашел на деревьях ничего съедобного. Когда ему, после второй порции смокв, пришло в голову, не поместятся ли, может быть, его уши под большим тюрбаном, чтобы ему иметь все-таки не слишком смешной вид, то он почувствовал, что уши исчезли. Он тотчас побежал назад к ручью, чтобы убедиться в этом. Действительно, его уши имели прежний вид, его длинного безобразного носа уже не было. Теперь он заметил, как это произошло: от первой смоковницы он получил длинный нос и уши, вторая исцелила его. Он с радостью заметил, что его добрая судьба еще раз дает ему в руки средство быть счастливым. Поэтому он нарвал с каждого дерева плодов, сколько мог унести, и вернулся в ту страну, которую недавно покинул. Там, в первом городке, он сделал себя благодаря другой одежде совершенно неузнаваемым, потом пошел дальше, к тому городу, где жил король, и скоро пришел туда.

Это было как раз в то время года, когда спелые плоды были еще довольно редки, поэтому Маленький Мук сел у ворот дворца; ведь ему по прежнему времени было хорошо известно, что здесь главный повар закупал такие редкости для королевского стола. Мук еще недолго просидел, когда увидел, что по двору идет главный повар. Он стал осматривать

товары продавцов, которые собрались у ворот дворца; наконец его взгляд упал и на корзинку Мука.

– Ах! Редкое блюдо, – сказал он, – которое, наверно, понравится его величеству. Что ты хочешь за всю корзину?

Маленький Мук назначил умеренную цену, и они скоро сторговались. Главный повар передал корзину рабу и пошел дальше, а Маленький Мук между тем убежал, опасаясь, что его, как продавца, могут отыскать и наказать, когда головы придворных постигнет беда.

За обедом король был в очень веселом настроении и не раз высказывал своему главному повару похвалы за его хорошую кухню и старание, с которым он всегда выбирает для него самое редкое. Главный повар, хорошо знавший, какой лакомый кусок у него есть еще в запасе, очень весело усмехался и ронял только отдельные слова, как-то: «То ли еще будет» или «Конец – делу венец», так что принцессам стало очень любопытно, что же еще он подаст. А когда наконец он велел подать прекрасные, заманчивые смоквы, тогда из уст всех присутствовавших вырвалось всеобщее «ах!».

– Как спелы, как аппетитны! – воскликнул король. – Главный повар, ты просто молодец и заслуживаешь нашей совершенно особенной милости!

Сказав так, король, который обыкновенно был очень скуп на такие лакомые куски, собственноручно стал разделять смоквы за своим столом. Каждый принц и каждая принцесса

получили по две, придворные дамы, визири и аги³⁰ – по одной, а остальные он поставил перед собой и с большим удовольствием начал поедать их.

– Но, боже мой, какой у тебя странный вид, отец! – воскликнула вдруг принцесса Амарца.

Все с изумлением взглянули на короля: на голове у него висели огромные уши, длинный нос спускался за подбородок; и сами они смотрели друг на друга с изумлением и ужасом: все были более или менее украшены странным головным убором.

Представьте себе ужас двора! Тотчас послали за всеми врачами в городе. Врачи приходили толпами, назначали пилюли и микстуры, но уши и носы оставались. Одному из принцев сделали операцию, но уши опять выросли.

Мук в своем убежище, куда он удалился, услышал всю историю и узнал, что теперь время действовать. Уже раньше на деньги, вырученные за смоквы, он достал себе одежду, которая могла представить его ученым; длинная борода из козьей шерсти дополняла обман. С мешочком, полным смокв, он отправился во дворец короля и, в качестве иностранного врача, предложил свою помощь. Сначала к нему были очень недоверчивы, но когда Маленький Мук дал одному из принцев съесть смокву и этим вернул его уши и нос в прежнее состояние, то все захотели вылечиться у иностранного врача. А король молча взял его за руку и повел в свою комнату.

³⁰ Ага – титул высших гражданских и военных чиновников на Востоке.

Там он отпер дверь, которая вела в сокровищницу, и сделал Муку знак следовать за ним.

– Вот мои сокровища, – сказал король, – выбирай себе, что бы то ни было; все будет тебе даровано, если ты только избавишь меня от этого позорного недуга.

Это было для ушей Маленького Мука приятной музыкой. Он увидел, что у самого входа на полу стояли его туфли, тут же рядом лежала и его палочка. Вот он стал расхаживать по залу, как будто хотел восхищаться сокровищами короля; но едва он подошел к своим туфлям, как поспешно вскочил в них, схватил палочку, сорвал свою фальшивую бороду и показал изумленному королю хорошо знакомое лицо его изгнанного Мука.

– Вероломный король, – сказал он, – ты платишь неблагодарностью за верную службу! Прими как вполне заслуженное наказание уродливость, которую имеешь. Я оставлю тебе уши, чтобы они ежедневно напоминали тебе о Маленьком Муке.

Сказав так, он быстро повернулся на каблуке, пожелал далеко унести, и еще прежде чем король мог позвать на помощь, Маленький Мук унесся.

С тех пор малютка живет здесь в полном довольстве, но одиноко, потому что он презирает людей. Благодаря опыту он стал мудрым человеком, который заслуживает скорее твоего удивления, чем насмешки, если даже его наружность и имеет, может быть, что-нибудь странное.

Так рассказал мне мой отец. Я выразил ему свое раскаяние в грубом поведении относительно доброго маленького человека, и отец подарил мне другую половину назначенного мне наказания. Я рассказал своим товарищам удивительную судьбу малютки, и мы так полюбили его, что никто больше не издевался над ним. Напротив, мы уважали его, пока он жил, и всегда кланялись ему так низко, как кади и муфтию³¹.

Путешественники решили отдохнуть в этом караван-сарае, чтобы подкрепить себя и животных для дальнейшего пути. Вчерашняя веселость перешла и на этот день, и они забавлялись разными играми. А после обеда они позвали пятого купца, Али Зицаха, тоже, подобно остальным, исполнить свою обязанность и рассказать какую-нибудь повесть. Он отвечал, что его жизнь слишком бедна выдающимися событиями, чтобы о ней можно было сообщить им что-нибудь, поэтому он хочет рассказать им нечто другое, а именно сказку о мнимом принце.

³¹ Муфтий – высшее духовное лицо.

Сказка о мнимом принце

Некогда жил весьма почтенный портной-подмастерье по имени Лабакан, который учился своему ремеслу у одного искусного мастера в Александрии. Нельзя сказать, чтобы Лабакан был неловок с иглой, напротив, он мог делать очень тонкую работу. Было бы также несправедливо назвать его прямо ленивым, но все-таки с подмастерьем было что-то не совсем ладно. Он часто мог шить не переставая по целым часам, так что игла в его руке раскалялась и нитка дымилась; тогда-то у него и выходила вещь, как ни у кого другого. Но иной раз, и это случалось, к сожалению, часто, он сидел в глубоком размышлении, смотрел неподвижными глазами перед собой и при этом имел на лице и в наружности что-то столь особенное, что его мастер и остальные подмастерья всегда говорили об этом состоянии так: «У Лабакана опять его важный вид».

А в пятницу, когда другие спокойно шли с молитвы домой к своей работе, Лабакан в прекрасной одежде, на которую он с большим трудом скопил себе деньги, выходил из мечети и медленно и гордым шагом шел по площадям и улицам города. Если кто-нибудь из его товарищей говорил ему: «Да будет мир с тобою!» или: «Как поживаешь, друг Лабакан?», то он милостиво делал знак рукой или, самое большее, важно кивал головой. Если тогда его мастер говорил ему в шутку: «Из тебя вышел бы принц, Лабакан», то он радовался этому

и отвечал: «Вы это тоже заметили?» или: «Я это уже давно думал!»

Так вел себя почтенный портной-подмастерье Лабакан уже долгое время, но мастер терпел его дурачество, потому что вообще Лабакан был хорошим человеком и искусным работником.

Однажды проезжавший как раз через Александрию брат султана, Селим, прислал к мастеру праздничное платье, чтобы кое-что в нем переменить, а мастер отдал его Лабакану, потому что Лабакан делал самую тонкую работу. Когда вечером мастер и подмастерья ушли, чтобы после дневного труда отдохнуть, непреодолимое желание стало влечь Лабакана назад, опять в мастерскую, где висела одежда царского брата. Он долго стоял перед ней в раздумье, восхищаясь то блеском шитья, то переливающимися цветами бархата и шелка. Он не мог удержаться, он должен был надеть ее, и что же – она так пришлась ему впору, как будто была сделана для него! «Чем я не такой же принц? – спрашивал он себя, расхаживая по комнате взад и вперед. – Не говорил ли уж сам мастер, что я родился принцем!» Вместе с одеждой подмастерье получил, по-видимому, совсем царский образ мыслей.

Он не мог представить себя иначе, как неизвестным царским сыном, и, как таковой, он решил ехать по свету и покинуть место, где люди до сих пор были так глупы, что под его низким званием не могли узнать его прирожденное достоинство. Ему казалось, что великолепная одежда послана доб-

рой феей; поэтому он побоялся, конечно, отвергнуть такой дорогой подарок, сунул в карман свои ничтожные наличные деньги и, воспользовавшись ночной темнотой, вышел за ворота Александрии.

Во время своего странствования новый принц везде возбуждал удивление, потому что великолепная одежда и его важная, величественная осанка как-то совсем не подходили к пешеходу. Когда его спрашивали об этом, он с таинственным видом отвечал обыкновенно, что на это есть особые причины. Но когда он заметил, что его путешествие пешком делает его смешным, он за ничтожную цену купил старого коня, который очень подходил к нему, так как своим степенным спокойствием и кротостью никогда не ставил Лабакана в затруднение показать себя искусным наездником, что было совсем не его делом.

Однажды, когда он шаг за шагом тащился по дороге на своем Мурве – так он назвал своего коня, – к нему присоединился какой-то всадник и попросил у него позволения ехать в его обществе, потому что в беседе с другим путь ему будет гораздо короче. Всадник был веселым молодым человеком, прекрасным и приятным в обращении. Он скоро завязал с Лабаканом разговор, кто откуда и куда едет, и оказалось, что и он, как подмастерье-портной, поехал по свету без цели. Он сказал, что его звать Омаром, что он племянник несчастного каирского паши, Эльфи-бея, и теперь путешествует, чтобы исполнить поручение, данное ему на смертном одре его

дядей.

Лабакан не высказывался так откровенно о своих делах. Он дал Омару понять, что он высокого происхождения и путешествует для своего удовольствия.

Оба молодых человека понравились друг другу и поехали дальше. На второй день их совместного путешествия Лабакан спросил своего спутника Омара о поручениях, которые он должен исполнить, и к своему изумлению узнал следующее:

Каирский паша Эльфи-бей воспитывал Омара с самого раннего детства, и Омар никогда не знал своих родителей. Когда на Эльфи-бея напали его враги и после трех несчастных сражений, смертельно раненный, он должен был бежать, он открыл своему воспитаннику, что он не его племянник, а сын могущественного государя, который, боясь предсказаний астрологов, удалил молодого принца от своего двора, поклявшись увидеть его только на двадцать втором году. Эльфи-бей не назвал ему имени отца, а только самым определенным образом поручил ему в пятый день наступающего месяца рамадана, когда ему исполнится двадцать два года, явиться к известному столбу Эль-Зеруйя, в четырех днях пути на восток от Александрии. Там он должен передать людям, которые будут стоять у столба, данный ему дядей кинжал со словами: «Вот я, которого вы ищете!» Если они ответят: «Хвала Пророку, сохранившему тебя», то он должен следовать за ними, и они приведут его к отцу.

Портной Лабакан был очень изумлен этим сообщением. С этих пор он стал смотреть на принца Омара завистливыми глазами, негодуя на то, что Омару, хотя он уже считался племянником могущественного паши, судьба давала еще звание царского сына, а ему, которого она наделила всем, что нужно принцу, она как бы в насмешку дала темное происхождение и обыкновенный жизненный путь. Он делал сравнения между собою и принцем. При этом он должен был признаться, что принц – человек очень выгодной наружности: прекрасные живые глаза, смело очерченный нос, мягкое, предупредительное обхождение; словом, у него было много внешних преимуществ, которыми всякий может расположить к себе. Но сколько преимуществ он ни находил в своем спутнике, он все-таки сознавался при этих наблюдениях, что какой-нибудь Лабакан может быть царственному отцу, пожалуй, еще желаннее, чем действительный принц.

Эти размышления преследовали Лабакана целый день и с ними он заснул на ближайшем ночлеге. Когда утром он проснулся и его взгляд упал на спавшего около него Омара, который мог так спокойно спать и видеть во сне свое верное счастье, в нем пробудилась мысль хитростью или силой добиться того, в чем неблагоприятная судьба отказала ему. Кинжал, отличительный знак возвращавшегося на родину принца, торчал у спящего за поясом. Лабакан тихо вынул его, чтобы вонзить его в грудь владельца. Но перед мыслью об убийстве миролюбивая душа подмастерья содрогну-

лась, и он удовольствовался тем, что спрятал кинжал у себя, велел взнудать для себя более быструю лошадь принца, и прежде чем Омар проснулся и увидел себя лишенным всех своих надежд, его вероломный спутник был впереди уже на несколько миль.

Когда Лабакан совершил у принца похищение, был как раз первый день священного месяца рамадана, и, следовательно, у портного было еще четыре дня, чтобы приехать к столбу Эль-Зеруйя, который ему был хорошо известен. Хотя местность, где находился этот столб, лежала на расстоянии самое большее, может быть, еще двух дней пути, но он все-таки поспешил приехать туда, так как все боялся, что его догонит настоящий принц.

В конце второго дня Лабакан увидел столб Эль-Зеруйя. Он стоял на небольшом возвышении на обширной равнине и мог быть виден за два-три часа пути. При виде его сердце портного забилося сильнее. Хотя в течение двух последних дней у Лабакана было достаточно времени, чтобы подумать о роли, которую он должен был играть, все-таки нечистая совесть делала его немного робким, но мысль, что он рожден принцем, опять укрепила его, так что он смелее пошел навстречу своей цели.

Местность вокруг столба Эль-Зеруйя была необитаема и пустынна, и новый принц очутился бы в некотором затруднении относительно своего пропитания, если бы не сделал себе запаса на несколько дней. Итак, он расположился вме-

сте со своей лошадью под пальмами и стал там ожидать своей дальнейшей судьбы.

Около середины другого дня он увидел, что по равнине к столбу Эль-Зеруйя тянется большая вереница лошадей и верблюдов. Шествие остановилось у подошвы холма, на котором стоял столб. Были раскинуты великолепные палатки, и все имело вид путешествия богатого паши или шейха.³² Лабакан предчувствовал, что эта масса людей, которых он видел, пришла сюда ради него, и уже теперь охотно показал бы им их будущего повелителя, но умерил свое стремление явиться принцем, так как ведь все равно следующее утро должно было вполне удовлетворить его самые смелые желания.

Утреннее солнце разбудило счастливейшего портного для важнейшего момента в его жизни, который должен был возвысить его из простого, неизвестного смертного наравне с царственным отцом. Хотя ему приходила в голову, когда он взнуздывал свою лошадь, чтобы подъехать к столбу, пожалуй, даже и незаконность его поступка, хотя его мысли представляли ему горе обманутого в своих прекрасных надеждах царского сына, но жребий был брошен, и он уже не мог вернуть того, что случилось, а его самолюбие нашептывало ему, что он имеет достаточно красивый вид, чтобы представиться сыном могущественнейшему государю. Ободренный этой мыслью, он вскочил на коня, собрал всю свою храбрость,

³² Шейх – старейшина арабского племени.

чтобы пустить его в настоящий галоп, и меньше чем в четверть часа подъехал к подошве холма. Он сошел с лошади и привязал ее к кусту, которых много росло на холме; затем он вынул кинжал принца Омара и поднялся на холм. У подножия столба стояли шесть человек вокруг высокого старца царственного вида. Великолепный кафтан из золотой парчи, подпоясанный белой кашемировой шалью, и белый тюрбан, украшенный сверкающими драгоценными камнями, отличали его как человека богатого и знатного.

Лабакан подошел к нему, низко поклонился перед ним и сказал, подавая ему кинжал:

– Вот я, которого вы ищете.

– Хвала Пророку, сохранившему тебя! – отвечал старец со слезами радости. – Обними своего старого отца, мой возлюбленный сын Омар!

Добрый портной был очень тронут этими торжественными словами и с радостью, смешанной со стыдом, упал в объятия старого царя.

Но ему суждено было только один миг безмятежно наслаждаться блаженством своего нового положения. Когда он поднялся из объятий царственного старца, он увидел всадника, спешившего по равнине к холму. Всадник и его конь представляли странный вид. По-видимому, конь из упрямства или от усталости не хотел идти вперед, поэтому он тащился спотыкаясь ни шагом, ни рысью, а всадник руками и ногами погонял его бежать быстрее. Лабакан очень скоро

узнал своего коня Мурву и настоящего принца Омара, но злой дух лжи уже прочно вошел в него, и он решил во что бы то ни стало, с железным упорством отстаивать свои присвоенные права.

Уже издали видно было, что всадник делает знаки; вот он, несмотря на плохую рысь коня Мурвы, подъехал к подошве холма, бросился с лошади и взбежал на холм.

– Остановитесь! – воскликнул он. – Кто бы вы ни были, остановитесь и не давайтесь в обман постыднейшему лжецу! Меня зовут Омаром, и ни один человек не смеет злоупотреблять моим именем!

На лицах окружающих выразилось глубокое изумление перед этим оборотом дела. Старец, вопросительно смотревший то на одного, то на другого, казался очень пораженным. Но Лабакан, с трудом сохраняя спокойствие, сказал:

– Всемиловитейший государь и отец, не давайте этому человеку вводить вас в заблуждение. Это, насколько я знаю, помешанный портной-подмастерье из Александрии по имени Лабакан, который заслуживает скорее нашего сострадания, чем гнева.

Эти слова довели принца до бешенства. С пеной от ярости он хотел устремиться на Лабакана, но окружавшие бросились между ними и удержали его, а царь сказал:

– Правда, мой милый сын, бедный человек помешан! Связать его и посадить на одного из наших дромадеров!³³ Может

³³ Дромадер – одногорбый верблюд.

быть, мы в состоянии оказать несчастному помощь.

Ярость принца улеглась, теперь он с плачем кричал царю:

— Мое сердце говорит мне, что вы мой отец! Памятью своей матери я заклинаю и умоляю вас: выслушайте меня!

— О, сохрани нас Аллах! — отвечал царь. — Он уж опять начинает бредить; как, однако, человек может дойти до таких безумных мыслей!

Вместе с этим он взял руку Лабакана и дал ему свести себя с холма. Они оба сели на прекрасных, покрытых богатыми попонами лошадей и во главе шествия поехали по равнине. А несчастному принцу скрутили руки и посадили его на дромадера; по бокам его всегда были двое всадников, которые бдительно смотрели за каждым его движением.

Царственным старцем был Заауд, султан вагабитов. Он долго жил без детей, наконец у него родился принц, которого он так давно и страстно желал. Но астрологи, у которых он спросил о предзнаменованиях мальчику, дали заключение, что до двадцать второго года он находится в опасности быть вытесненным врагом. Поэтому, чтобы быть вполне уверенным, султан отдал принца на воспитание своему старому испытанному другу Эльфи-бею и двадцать два мучительных года ждал увидеть его.

Дорогой султан рассказал это своему мнимому сыну и показался Лабакану чрезвычайно довольным его наружностью и его исполненным достоинства обращением.

Когда они приехали в страну султана, жители везде встречали их радостными кликами, — ведь слух о прибытии принца, как огненный поток, распространился по всем городам и деревням. На улицах, по которым они ехали, были воздвигнуты арки из цветов и ветвей, блестящие пестрые ковры украшали дома, и народ громко прославлял Аллаха и его Пророка, который послал им такого прекрасного принца. Все это наполняло гордое сердце портного блаженством, но тем несчастнее должен был чувствовать себя настоящий Омар, который, все еще связанный, следовал за шествием в безмолвном отчаянии. При всеобщем ликовании, относившемся ведь к нему, о нем никто не заботился. Имя Омара восклицали тысячи голосов, но на него, который действительно носил это имя, на него никто не обращал внимания; самое большее, если тот или другой спрашивал, кого же это они везут с собой так крепко связанным, и страшно звучал в ушах принца ответ его спутников, что это помешанный портной.

Наконец шествие прибыло в столицу султана, где для их встречи все было приготовлено еще торжественнее, чем в остальных городах. Султанша, пожилая почтенная женщина, ожидала их, со всем своим придворным штатом, в великолепнейшем зале дворца. Пол этого зала был покрыт громадным ковром, стены были украшены светло-голубым сукном, которое золотыми кистями и шнурами было привешено на серебряных крючках.

Когда шествие подошло, было уже темно, поэтому в зале было зажжено много шаровидных цветных ламп, которые делали ночь светлой, как день. Но всего ярче и пестрее они сияли в глубине зала, где на троне сидела султанша. Трон стоял на четырех ступенях и был выложен чистым золотом и большими аметистами. Четыре знатнейших эмира держали над головой султанши балдахин из красного шелка, а шейх Медины опахалом из белых павлиньих перьев навевал на нее прохладу.

Так ожидала султанша своего супруга и своего сына. Она не видела его уже со времени его рождения, но знаменательные сны показали ей страстно желанного сына, так что она узнала бы его из тысяч. Вот послышался шум приближавшегося шествия; трубы и барабаны смешивались с ликованием толпы, на дворе слышен был конский топот, ближе и ближе раздавались шаги подходивших, двери зала распахнулись, и султан, под руку со своим сыном, поспешил между рядами упавших ниц слуг к трону матери.

– Вот, – сказал он, – я привожу тебе того, о ком ты так долго тосковала!

Но султанша прервала его речь.

– Это не мой сын! – воскликнула, она. – Это не те черты, которые Пророк показал мне во сне!

Только султан хотел упрекнуть ее за суеверие, как дверь зала отворилась и вбежал принц Омар, преследуемый своими сторожами, от которых он вырвался, напрягши все силы.

Задыхаясь он бросился перед троном.

– Я хочу умереть здесь, вели убить меня, жестокий отец, ведь дольше я не вынесу этого позора!

Все были поражены этими речами и столпились вокруг несчастного, а подоспевшая стража уже хотела схватить его и опять надеть на него оковы, когда султанша, которая в безмолвном изумлении тоже смотрела на все это, вскочила с трона.

– Остановитесь! – воскликнула она. – Он и никто другой – истинный принц! Это тот, которого мои глаза никогда не видали и которого все-таки узнало мое материнское сердце!

Стражи невольно отступили от Омара, но султан, воспаленный бешеным гневом, велел им связать сумасшедшего.

– Я должен здесь решать, – сказал он повелительным голосом, – и здесь судят не по женским снам, а по известным, несомненным признакам. Вот этот, – он указал на Лабакана, – мой сын, потому что он привез мне кинжал, знак моего друга Эльфи!

– Он украл его! – закричал Омар. – Моим простодушным доверием он злоупотребил для измены!

Но султан не внимал голосу своего сына, потому что во всех делах привык упрямо следовать только своему решению. Поэтому он велел насильно вытащить из зала несчастного Омара. А сам он, вместе с Лабаканом, отправился в свои покои, негодую на султаншу, свою супругу, с которой

он, однако, мирно прожил уже двадцать пять лет.

Султаншу это происшествие очень огорчило. Она была вполне убеждена, что сердцем султана овладел обманщик, потому что столько знаменательных снов показывали ей того несчастного ее сыном.

Когда ее горе немного улеглось, она стала придумывать средство, чтобы убедить своего супруга в его неправоте. Это было, конечно, трудно, потому что человек, выдававший себя за ее сына, вручил отличительный признак, кинжал, и даже, как она узнала, от самого Омара услышал так много о его прежней жизни, что разыгрывал свою роль не выдавая себя.

Она призвала к себе людей, сопровождавших султана к столбу Эль-Зеруйя, чтобы все подробно выслушать, а затем стала совещаться со своими самыми доверенными рабынями. Они выбирали и отвергали те и другие средства, наконец Мелехзала, старая, умная черкешенка, сказала:

– Если я верно слышала, почтенная повелительница, то вручивший кинжал называл того, которого ты считаешь своим сыном, Лабакана, помешанным портным?

– Да, это так, – отвечала султанша, – но что ты хочешь сказать этим?

– Как вы думаете, – продолжала черкешенка, – не дал ли этот обманщик вашему сыну своего собственного имени? А если это так, то это дает нам превосходное средство уличить обманщика, которое я скажу вам только тайно.

Султанша подставила своей рабыне ухо, и та стала шеп-

тать ей совет, который, по-видимому, понравился султанше, потому что она тотчас же собралась идти к султану.

Султанша была умной женщиной, хорошо знавшей слабые стороны супруга и умевшей пользоваться ими. Поэтому она сделала вид, что уступает ему и хочет признать сына, но попросила только об одном условии. Султан, который сожалел о своем раздражении против жены, согласился на условие, и она сказала:

– Мне бы очень хотелось назначить им обоим испытание в ловкости; другая заставила бы их, может быть, ездить верхом, фехтовать и метать копья, но это вещи, которые может делать всякий. Нет, я хочу дать им нечто такое, для чего нужна проницательность. Пусть каждый из них приготовит кафтан и шаровары, и тогда мы посмотрим, кто сделает самые прекрасные.

Султан засмеялся и сказал:

– Э, я думал, что ты выдумала нечто умное! Мой сын должен состязаться с твоим помешанным портным в том, кто сделает лучший кафтан? Нет, это вздор!

Но султанша сослалась на то, что он заранее согласился на это условие, и султан, который был человеком верным своему слову, уступил наконец, хотя поклялся, что если даже помешанный портной сделает свой кафтан вдвое прекраснее, он все-таки не сможет признать его своим сыном.

Султан сам пошел к своему сыну и попросил его покориться прихотям матери, которая уж непременно желает ви-

деть кафтан его работы. У доброго Лабакана от радости екнуло сердце. Если недостает только этого, подумал он про себя, то у меня султанша скоро обрадуется.

Отвели две комнаты, одну для принца, другую для портного; там они должны были доказать свое искусство. Каждому дали только достаточный кусок шелковой материи, ножницы, иглу и нитки.

Для султана было очень любопытно, что-то за кафтан делает его сын; но и у султанши сердце билось беспокойно: удастся ли ее хитрость или нет? Обоим для их дела назначили два дня; на третий день султан велел позвать свою супругу, и когда она явилась, он послал в те две комнаты, чтобы принести оба кафтана и привести их мастеров. Лабакан вошел торжествуя и разложил перед изумленными взорами султана свой кафтан.

– Смотри сюда, отец, – сказал он, – смотри сюда, почтенная матушка, не мастерское ли произведение этот кафтан! Я готов спорить с самым искусным придворным портным, сделает ли он такой!

Султанша улыбнулась и обратилась к Омару:

– А что ты сделал, сын мой?

Он с негодованием бросил на пол шелковую материю и ножницы.

– Меня научили укрощать коня и владеть саблей, и мое копьё попадает в цель на шестьдесят шагов, но искусство иглы мне неведомо! Оно было бы даже недостойно воспитан-

ника Эльфи-бея, властелина Каира!

— О, ты истинный сын моего государя! — воскликнула султанша. — Ах! Если бы я могла обнять тебя, назвать тебя сыном! Простите, мой супруг и повелитель, — сказала она затем, обращаясь к султану, — что я употребила против вас эту хитрость. Вы и теперь еще не понимаете, кто принц и кто портной? Правда, кафтан, который сделал ваш сын, великолепен, и мне очень хотелось бы спросить его, у какого мастера он учился!

Султан сидел в глубоком раздумье, недоверчиво смотря то на свою жену, то на Лабакана, который, так глупо выдав себя, тщетно старался преодолеть краску своего смущения.

— И этого доказательства недостаточно, — сказал султан. — Но, благодарение Аллаху, я знаю средство открыть — обманут ли я или нет!

Он приказал подать ему самую быструю лошадь, вскочил на нее и поехал в лес, который начинался недалеко от города. По старому преданию там жила добрая фея, по имени Адользаида, которая уже часто в трудную минуту помогала своим советом царям его рода. Султан поспешил туда.

Посреди леса было открытое место, окруженное высокими кедрами. Там жила по преданию фея, и смертный редко вступал на это место, потому что известный страх перед ним с древних времен по наследству переходил от отца к сыну.

Приехав туда, султан сошел с лошади, привязал ее к дереву, стал посредине места и сказал громким голосом:

– Если правда, что в трудную минуту ты давала моим отцам добрый совет, то не отвергни просьбы их внука и посоветуй мне там, где человеческий разум слишком близорук!

Едва он сказал последние слова, как один из кедров раскрылся и вышла окутанная покрывалом женщина в длинных, белых одеждах.

– Я знаю, зачем ты пришел ко мне, султан Заауд! Твое желание честно, поэтому тебе и будет моя помощь. Возьми эти два ящичка! Пусть те двое, которые хотят быть твоими сыновьями, выбирают. Я знаю, что тот, кто истинный сын, не ошибется.

Так сказала фея и подала ему два маленьких ящичка из слоновой кости, богато украшенные золотом и жемчугом; на крышках, которые султан напрасно старался открыть, были надписи, выложенные алмазами.

Когда султан ехал домой, он раздумывал, что бы могло быть в ящичках, которые он при всем своем старании не смог открыть. Надпись тоже не поясняла ему этого, потому что на одном стояло «честь и слава», на другом: «счастье и богатство». Султан подумал про себя, что и ему было бы трудно выбрать между этими двумя вещами, которые одинаково привлекательны, одинаково заманчивы.

Вернувшись во дворец он велел позвать султаншу, сказал ей решение феи, и она исполнилась чудной надеждой, что тот, к кому ее влекло сердце, выберет ящичек, который несомненно докажет его царственное происхождение.

Перед тронем султана были поставлены два стола; на них султан собственноручно положил оба ящичка, а затем вошел на трон и одному из своих рабов дал знак открыть дверь зала. Через открытую дверь стеклоь блестящее собрание пашей и эмиров государства, созданных султаном. Они опустились на великолепные подушки, положенные вдоль стен.

Когда все они сели, царь второй раз дал знак, и был введен Лабакан. Он гордым шагом прошел по залу, бросился ниц перед тронем и произнес:

– Что повелит мой государь и отец?

Султан поднялся на троне и сказал:

– Сын мой! Возникли сомнения в законности твоих притязаний на это имя. Один из тех ящичков содержит подтверждение твоего истинного происхождения – выбирай! Я не сомневаюсь – ты выберешь должное!

Лабакан поднялся и подошел к ящичкам. Он долго раздумывал, что ему выбрать, и наконец сказал:

– Почтенный отец! Что возможно выше счастья быть твоим сыном, что благороднее богатства твоей милости?

Я выбираю ящичек, на который указывает надпись: «счастье и богатство»!

– Мы после узнаем, правильно ли ты выбрал. Пока сядь там на подушку к мединскому паше! – сказал султан и дал знак своим рабам.

Ввели Омара. Его взгляд был мрачен, выражение лица печально, и его вид возбуждал среди присутствовавших всеоб-

щее участие. Он бросился перед троном ниц и спросил о воле султана.

Султан объявил ему, что он должен выбрать один из ящичков. Омар встал и подошел к столу.

Он внимательно прочел обе надписи и сказал:

– Последние дни научили меня, как ненадежно счастье, как преходяще богатство; но они меня научили также, что в груди храброго живет несокрушимое благо, честь и что светлая звезда славы не заходит вместе со счастьем. Хотя бы мне суждено было отказаться от короны, жребий брошен – «честь и слава», я выбираю вас!

Он положил руку на выбранный им ящичек, а султан велел ему остановиться и дал знак Лабакану подойти к своему столу. Лабакан тоже положил руку на свой ящичек.

Султан велел принести сосуд с водой из священного колодца Земзем в Мекке, вымыл руки для молитвы, обратил лицо к востоку, бросился ниц и стал молиться:

– Бог моих отцов! Ты уже веками хранил наш род чистым и незапятнанным! Не допусти недостойного опозорить имя аббасидов,³⁴ в этот час испытания не оставь своей помощью моего истинного сына!

Султан поднялся и опять взошел на трон. Всеобщее ожидание сковало присутствовавших, они едва смели дышать. Было бы слышно, как идет по залу мышка, в таком безмолвном напряжении были все; самые задние вытягивали шеи,

³⁴ Абасс – дядя Мухаммеда.

чтобы через передних посмотреть на ящички.

Теперь султан сказал:

– Откройте ящички! – И ящички, которые прежде не могла открыть никакая сила, открылись сами.

В ящичке, выбранном Омаром, на бархатной подушечке лежала маленькая золотая корона и скипетр; в ящичке Лабакана – большая игла и немного ниток. Султан велел обоим поднести свои ящички к нему. Он взял коронку из ящика в руку, и удивительно было смотреть: когда он взял ее, она стала делаться больше и больше, пока не достигла величины настоящей короны. Он возложил корону на голову своему сыну Омару, который стал перед ним на колени, поцеловал его в лоб и велел ему сесть по правую руку. Обратившись к Лабакану, он сказал:

– Старая пословица говорит, что сапожник должен оставаться при своей колодке! Очевидно, и тебе суждено оставаться при своей игле. Хотя ты не заслужил моей милости, но за тебя просил один человек, которому я сегодня ни в чем не могу отказать. Поэтому дарю тебе твою жалкую жизнь, но если хочешь от меня доброго совета, то поспеши уйти из моей страны!

Пристыженный, уничтоженный на месте, бедный портной-подмастерье не мог ничего возразить. Он бросился ниц перед принцем, и слезы выступили у него из глаз.

– Сможете ли вы когда-нибудь простить меня, принц? – сказал он.

– Верность к другу, великодушие к врагу – гордость абасида! – отвечал принц, поднимая его. – Ступай с миром!

– О, ты мой истинный сын! – воскликнул растроганный старый султан и упал на грудь сына.

Эмиры, паши и все вельможи государства встали со своих мест и воскликнули:

– Да здравствует новый царский сын!

Среди всеобщего ликования Лабакан, со своим ящичком под мышкой, выскользнул из зала.

Он пошел вниз, в конюшни султана, взнуздal своего коня Мурву и выехал за ворота по направлению к Александрии. Вся его жизнь принцем показалась ему сном, и только великолепный ящичек, богато украшенный жемчугом и алмазами, напоминал ему, что это был не сон.

Когда он наконец опять прибыл в Александрию, он подъехал к дому своего старого мастера, слез, привязал конька у двери и вошел в мастерскую. Мастер, не сразу узнавший его, засуетился и спросил, чем может служить ему. Посмотрев же на гостя ближе и узнав своего старого Лабакана, он позвал подмастерьев и учеников, и все как бешеные бросились на бедного Лабакана, не ожидавшего такой встречи, стали бить и толкать его утюгом и аршином, колоть иголками и щипать острыми ножницами, пока он в изнеможении не упал на кучу старого платья.

Когда он так лежал, мастер стал делать ему выговор за украденную одежду. Напрасно Лабакан уверял, что он толь-

ко для того и вернулся, чтобы все возместить ему, напрасно предлагал тройное вознаграждение за убытки, — мастер и подмастерья опять накинудись на него, порядком поколотили и вышвырнули за дверь. Избитый и в лохмотьях, Лабакан сел на коня Мурву и поехал в караван-сарай. Там он приклонил свою усталую, разбитую голову и предался размышлениям о земных страданиях, о заслуге, так часто не признаваемой, и о ничтожестве и непрочности всех благ. Он заснул с решением отказаться от всякого величия и сделаться честным гражданином.

На другой день он не раскаялся в своем решении, потому что, по-видимому, тяжелые руки мастера и его подмастерьев выбили из него всякое величие.

Он продал свой ящичек за высокую цену торговцу драгоценными камнями, купил себе дом и устроил мастерскую для своего ремесла. Когда он все хорошо устроил и даже повесил перед своим окном вывеску с надписью «Портной Лабакан», он сел и найденными в ящичке иглой и нитками стал чинить кафтан, который ему так ужасно изорвал его мастер. Его отозвали от этого занятия, а когда он опять хотел сесть за работу — какое странное явление представилось ему! Игла, никем не направляемая, усердно продолжала шить; она делала столь тонкие, красивые стежки, каких не делал даже Лабакан в свои самые вдохновенные минуты.

Право, даже ничтожнейший подарок доброй феи полезен и имеет большую цену! Но этот подарок имел еще другую

цену: кусочек ниток никогда не выходил, как бы прилежна ни была игла.

Лабакан приобрел много заказчиков и скоро стал самым известным портным в округности. Он кроил одежду, делал на ней своей иглой первый стежок, и игла тотчас же безостановочно работала дальше, пока одежда не была готова. Скоро мастер Лабакан имел заказчиком весь город, потому что работал прекрасно и необыкновенно дешево. Только над одним жителе Александрии покачивали головой, – что он работает совсем без подмастерьев и при закрытых дверях.

Так исполнилось изречение ящичка, обещавшее счастье и богатство. Счастье и богатство, хотя и в скромной мере, сопровождали доброго портного, и когда он слышал о славе молодого султана Омара, которая была у всех на устах, когда он слышал, что этот храбрый султан – гордость и любовь своего народа и ужас своих врагов, тогда прежний принц думал про себя: «Однако лучше, что я остался портным, ведь добиваться чести и славы очень опасная вещь».

Так жил Лабакан, довольный собой, уважаемый своими согражданами, и если со временем игла не потеряла своей силы, то она еще и теперь шьет вечными нитками доброй феи Адользаиды.

С восходом солнца караван выступил и скоро пришел в Биркет эль-Гад, или Источник Паломников, откуда до Каира было только три часа пути. В это время караван ожидали, и

скоро купцы с радостью увидели, что навстречу им идут их друзья из Каира. Они въехали в город через ворота Бебель Фальх, потому что въезжать через эти ворота, если ехать из Мекки, считается счастливым предзнаменованием, так как через них проехал Пророк.

На площади четверо турецких купцов простились с незнакомцем и греческим купцом Цалейкосом и пошли со своими друзьями домой. А Цалейкос указал незнакомцу хороший караван-сарай и пригласил его пообедать с ним. Незнакомец согласился и обещал явиться, как только переоденется.

Грек сделал все приготовления, чтобы хорошенько угостить незнакомца, которого во время путешествия он любил. Когда кушанья и напитки были расставлены в надлежащем порядке, он сел ожидать своего гостя.

Он услышал, как незнакомец медленными и тяжелыми шагами поднимался по коридору, который вел к его комнате, и встал, чтобы радушно встретить и поприветствовать его у порога, но открыв дверь он в ужас отступил назад, потому что перед ним предстал страшный Красный Плащ. Он еще раз бросил на него взгляд, — это был не обман: та же высокая, повелительная фигура и маска, из-под которой на него сверкали темные глаза; красный плащ с золотым шитьем был уж слишком хорошо знаком ему по самым ужаснейшим часам его жизни.

В груди Цалейкоса заволновались противоречивые чув-

ства. Он давно примирился с этим образом своих воспоминаний и простил ему, но его вид опять растерзал все его раны. Все те мучительные часы страха смерти и та скорбь, которая отравила расцвет его жизни, мгновенно пронеслись в его душе.

– Чего ты хочешь, ужасный человек? – воскликнул грек, когда привидение все еще неподвижно стояло на пороге. – Уйди скорей отсюда, чтобы мне не проклинять тебя!

– Цалейкос! – сказал из-под маски знакомый голос. – Цалейкос! Ты так встречаешь своего гостя?

Говоривший это снял маску и откинул плащ – это был незнакомец Селим Барух.

Но Цалейкос, по-видимому, еще не успокоился. Ему было страшно незнакомца, ведь уж слишком ясно он узнал в нем того неизвестного с Ponte Vecchio. Но старая привычка к гостеприимству победила, и он молча сделал незнакомцу знак сесть к нему за стол.

– Я угадываю твои мысли, – заговорил незнакомец, когда они сели. – Твои глаза вопросительно смотрят на меня. Я мог бы молчать и никогда больше не показываться твоим взорам, но я должен дать тебе отчет и поэтому решил, даже с опасностью, что ты проклянешь меня, явиться перед тобой в своем старом виде. Ты однажды сказал мне: «Вера моих отцов повелевает мне любить его, притом он, может быть, несчастнее меня!» Поверь этому, друг мой, и выслушай мое оправдание.

Я должен начать издалека, чтобы быть для тебя вполне понятным. Я родился в Александрии от христианских родителей. Мой отец, младший сын старого известного французского дома, был в Александрии консулом своей страны. С десятого года я воспитывался во Франции у брата моей матери и только через несколько лет после начала революции покинул свое отечество, чтобы с дядей, который в стране своих предков уже не был в безопасности, искать убежища за морем, у моих родителей. Мы вышли на берег, исполненные надежды снова найти в родительском доме покой и мир, которых нас лишил восставший французский народ. Но увы! Я нашел в доме своего отца не все так, как должно было быть. Правда, внешние потрясения бурного времени туда еще не достигли, но тем неожиданнее посетило мой дом глубокое горе. Мой брат, молодой, подававший надежды человек, первый секретарь моего отца, только недавно женился на молодой девушке, дочери флорентийского дворянина, который жил по соседству с нами. За два дня до нашего прибытия она вдруг исчезла, причем ни наша семья, ни ее отец не могли найти от нее ни малейшего следа. Наконец стали думать, что она во время прогулки решила зайти слишком далеко и попала в руки разбойников. Для моего бедного брата эта мысль была почти более утешительна, нежели истина, которая нам очень скоро открылась. Вероломная женщина уехала на корабле с одним молодым неаполитанцем, с которым она познакомилась в доме своего отца. Мой брат, край-

не возмущенный этим поступком, употреблял все, чтобы наказать виновную, но напрасно: его попытки, которые в Неаполе и Флоренции возбудили внимание, послужили только к тому, чтобы довершить несчастье его и всех нас. Флорентийский дворянин уехал назад в свое отечество под предлогом добиться права для моего брата, а на самом деле, чтобы погубить нас. Во Флоренции он прекратил все те розыски, которые начал мой брат, и сумел так хорошо воспользоваться своим влиянием, приобретенным всякими способами, что мой отец и брат стали подозрительны для нашего правительства. Захваченные позорнейшими средствами, они были отвезены во Францию и там умерщвлены топором палача. Моя бедная мать сошла с ума, и только спустя десять долгих месяцев смерть избавила ее от этого ужасного состояния, которое, однако, в последние дни стало полным, ясным сознанием. Таким образом, теперь я был на свете совсем один. Только одна мысль занимала мою душу, только одна мысль заставляла меня забывать мою печаль — это было то мощное пламя, которое в свой последний час зажгла во мне моя мать.

В последние часы, как я тебе сказал, ее сознание вернулось. Она велела позвать меня и спокойно говорила о нашей судьбе и о своей кончине. А затем она всем велела уйти из комнаты, с торжественным видом поднялась со своего бедного ложа и сказала, что я могу получить ее благословение, если поклянусь ей исполнить то, что она поручит мне. Тронутый словами умирающей матери, я с клятвой обещал сде-

лать все, что она скажет мне. Затем она разразилась проклятиями флорентийцу и его дочери и, с ужаснейшими угрозами проклясть меня, поручила мне отомстить ему за мой несчастный дом. Она умерла на моих руках. Эта мысль о мести уже давно дремала в моей душе — теперь она пробудилась со всей силой. Я собрал остатки отцовского имущества и поклялся себе рисковать всем для своей мести или самому тоже погибнуть.

Скоро я был во Флоренции, где проживал тайно, как только можно было; но мой план был очень затруднен положением, в котором находились мои враги. Старый флорентиец сделался губернатором и, таким образом, имел в руках все средства погубить меня при самом ничтожном подозрении. Мне пришел на помощь случай. Однажды вечером я увидел, что по улицам идет человек в знакомой ливрее. Его нетвердая походка, мрачный взгляд и вполголоса произносимые итальянские ругательства позволили мне узнать слугу флорентийца, старого Пьетро, которого я знал уже в Александрии. Я не сомневался, что он сердит на своего господина, и решил воспользоваться его настроением. Он, по-видимому, был очень поражен, увидев меня здесь, и стал жаловаться мне на свое горе, что ни в чем не может больше угодить своему господину, с тех пор как он стал губернатором. Мое золото, при поддержке его гнева, скоро склонило его на мою сторону. Теперь самое трудное было устранено, я нанял человека, который во всякий час открывал мне двери моего

врага, и вот мой план мести созрел все быстрее. Мне казалось, что жизнь старого флорентийца имеет слишком ничтожное значение сравнительно с гибелью моего дома. Он должен был видеть убитым свое самое любимое существо, а это была его дочь Бианка. Ведь это она совершила с моим братом такое постыдное злодеяние, ведь все-таки она была главной причиной нашего несчастья. Моему сердцу, жаждавшему мести, было даже очень желанным известие, что именно в это время Бианка хочет во второй раз выйти замуж. Было решено, что она должна умереть. Но для самого меня это дело было страшно, а силам Пьетро я тоже слишком мало доверял; поэтому мы стали высматривать человека, который мог бы исполнить это. Среди флорентийцев я никого не решился нанять, потому что против губернатора никто не предпринял бы ничего подобного. Тогда Пьетро пришел в голову план, который я впоследствии привел в исполнение; вместе с тем он предложил тебя, самого подходящего как иностранца и врача. Ход дела ты знаешь. Мое предприятие разбивалось, по-видимому, только о твою чересчур большую осторожность и честность. Поэтому нужен был случай с плащом.

Пьетро открыл нам калитку у дворца губернатора. Он же и вывел бы нас, если бы мы не убежали, испуганные ужасным зрелищем, которое представилось нам через щель в двери. Гонимый ужасом и раскаянием, я убежал больше чем на двести шагов, пока не упал на церковной паперти. Там только я опять опомнился, и моей первой мыслью был ты и твоя

страшная участь, если тебя найдут в доме.

Я пробрался к дворцу, но не мог найти никакого следа ни от Пьетро, ни от тебя. Калитка была отворена – таким образом я стал по крайней мере надеяться, что ты мог бы воспользоваться удобным случаем к бегству.

Но когда наступил день, страх быть открытым и непреодолимое чувство раскаяния уже не позволили мне оставаться в стенах Флоренции. Я поспешил в Рим. Представь себе мое смущение, когда через несколько дней везде стали рассказывать эту историю, прибавляя, что убийцу, греческого врача, поймали. Я вернулся во Флоренцию с боязливым опасением; ведь если уже раньше моя месть казалась мне слишком сильной, то теперь я проклинал ее, потому что для меня она была слишком дорого куплена твоей жизнью. Я приехал в тот самый день, который лишил тебя руки.

Я умолчу о том, что я чувствовал, когда видел, как тыходишь на эшафот и так мужественно страдаешь. Но в то время, когда твоя кровь лилась ручьем, во мне утвердилось решение усладить тебе остальные дни твоей жизни. Что произошло дальше – ты знаешь. Мне остается только еще сказать, зачем я совершал с тобой это путешествие.

Как тяжелое бремя, меня угнетала мысль, что ты мне все еще не простил; поэтому я решил прожить с тобой много дней и наконец отдать тебе отчет о том, что я сделал с тобой.

Грек молча выслушал своего гостя. Когда гость окончил,

он с кротким взглядом подал ему правую руку.

— Я хорошо знал, что ты должен быть несчастнее меня, потому что тот ужасный поступок, как темная туча, будет вечно омрачать твои дни. Я прощаю тебя от всего сердца! Но позволь мне еще один вопрос: как ты попал под этой внешнею стью в пустыню? Что ты предпринял, купив мне в Константинополе дом?

— Я поехал назад в Александрию, — отвечал спрошенный. — В моей груди кипела ненависть ко всем людям, пламенная ненависть особенно к тем народам, которые называются образованными. Поверь мне, среди моих мусульман мне было лучше! Едва я пробыл в Александрии несколько месяцев, как последовала высадка моих соотечественников. Я видел в них только палачей моего отца и моего брата, поэтому я собрал из своих знакомых нескольких единомышленников и присоединился к тем храбрым мамелюкам, которые так часто делались ужасом французского войска. Когда поход был кончен, я не мог решиться вернуться к мирным занятиям. Я стал жить со своими друзьями скитальческой, бродячей жизнью, посвященной борьбе и охоте. Я живу довольным среди этих людей, которые почитают меня как своего государя; ведь если мои азиаты и не так образованы, как ваши европейцы, то они зато очень далеки от зависти и клеветы, от эгоизма и честолюбия.

Цалейкос поблагодарил незнакомца за его сообщение, но не скрыл от него, что нашел бы более соответствующим его

званию, его образованию, если бы он жил и действовал в христианских, в европейских странах. Он схватил руку незнакомца и стал просить его ехать с ним, жить и умереть у него.

Тронутый гость посмотрел на грека.

– Из этого я узнаю, – сказал он, – что ты мне вполне простил, что ты любишь меня. Прими за это мою искреннейшую благодарность.

Он вскочил и во весь свой рост встал перед греком, который почти испугался воинственной наружности, мрачно сверкавших глаз и глухого таинственного голоса своего гостя.

– Твое предложение прекрасно, – сказал незнакомец, – для всякого другого оно было бы заманчиво, но я не могу воспользоваться им. Мой конь уже стоит оседланным, мои слуги уже давно ждут меня. Прощай, Цалейкос!

Друзья, которых судьба так чудесно свела вместе, обнялись на прощанье.

– А как мне назвать тебя? Как зовут моего гостя, который вечно будет жить в моей памяти? – спросил грек.

Незнакомец долго смотрел на него, еще раз пожал ему руку и сказал:

– Меня называют господином пустыни, я – разбойник Орбазан!

Карлик Нос

Господин! Совсем не правы люди, думающие, что феи и волшебники существовали только во времена Гаруна аль-Рашида, властелина Багдада, или даже утверждающие, что те повествования о деятельности духов и их повелителей, которые слышишь от рассказчиков на городских рынках, неверны. Феи существуют еще и теперь, и не так давно я сам был свидетелем одного происшествия, в котором явно участвовали духи, как я вам расскажу.

Много лет тому назад в одном значительном городе моего милого отечества, Германии, скромно и честно жил сапожник с женой. Днем он сидел на углу улицы и чинил башмаки и туфли. Делал он, может быть, и новые, если это кто-нибудь доверял ему; но в таком случае он должен был сперва покупать кожу, так как был беден и не имел запасов. Его жена продавала овощи и фрукты, которые разводила в маленьком садике за городом, и многие охотно покупали у нее, потому что она была чисто и опрятно одета и умела красиво разложить и выставить свой товар.

У них был красивый мальчик, приятный лицом, хорошо сложенный и для своего восьмилетнего возраста уже довольно большой. Он обыкновенно сидел около матери на овощном рынке, относил также домой часть плодов тем женщинам или поварам, которые много закупали у жены сапож-

ника, и редко возвращался с такой прогулки без красивого цветка, монетки или пирога, потому что господам этих поваров было приятно видеть, когда приводили в дом красивого мальчика, и они всегда щедро одаривали его.

Однажды жена сапожника, по обыкновению, опять сидела на рынке; перед ней было несколько корзин с капустой и другими овощами, разные травы и семена, а также, в корзиночке поменьше, ранние груши, яблоки и абрикосы. Маленький Якоб – так звали мальчика – сидел около матери и звонким голосом выкликал товары: «Посмотрите, господа, сюда, какая прекрасная капуста, как душисты эти травы! Ранние груши, сударыни, ранние яблоки и абрикосы, кто купит? Моя матушка отдаст очень дешево!»

Так кричал мальчик.

В это время на рынок пришла одна старуха. Она имела немного оборванный вид, маленькое острое лицо, совершенно сморщенное от старости, красные глаза и острый кривой нос, касавшийся подбородка.

Шла она опираясь на длинную палку, и все-таки нельзя было сказать, как она шла, потому что она хромала, скользила и шаталась, как будто на ногах у нее были колеса и каждую минуту она могла опрокинуться и упасть своим острым носом на мостовую.

Жена сапожника стала внимательно разглядывать эту женщину. Ведь уже шестнадцать лет, как она ежедневно сидела на рынке, и никогда она не замечала этой странной фи-

гуры. Она невольно испугалась, когда старуха заковыляла к ней и остановилась у ее корзин.

– Вы Ханна, торговка овощами? – спросила старуха неприятным, хриплым голосом, беспрестанно тряся головой.

– Да, это я, – отвечала жена сапожника. – Вам что-нибудь угодно?

– Посмотрим, посмотрим! поглядим травки, поглядим травки! есть ли у тебя то, что мне нужно? – сказала старуха.

Она нагнулась к корзинам, влезла обеими темно-коричневыми отвратительными руками в корзину с травами, схватила своими длинными паукообразными пальцами так красиво и изящно разложенные травки, а потом стала подносить их одну за другой к длинному носу и обнюхивать. У жены сапожника почти защемило сердце, когда она увидала, что старуха так обращается с ее редкими травами, но она ничего не решилась сказать, – ведь покупатель имел право рассматривать товар, и, кроме того, она почувствовала перед этой женщиной непонятный страх.

Пересмотрев всю корзину, старуха пробормотала:

– Дряннь, дрянная зелень, из того, что я хочу, нет ничего. Пятьдесят лет тому назад было гораздо лучше. Дряннь, дряннь! Такие слова рассердили маленького Якоба.

– Слушай, ты, бесстыжая старуха! – сердито закричал он. – Ты сперва лезешь своими гадкими коричневыми пальцами в прекрасные травы и мнешь их, потом держишь их у

своего длинного носа, так что их никто больше не купит, кто видел это, а теперь ты еще бранишь наш товар дрянью; а ведь у нас все покупает даже повар герцога!

Старуха покосилась на смелого мальчика, противно засмеялась и сказала хриплым голосом:

– Сынок, сынок! Так тебе нравится мой нос, мой прекрасный, длинный нос? У тебя будет на лице такой же и до самого подбородка!

Говоря так, она скользнула к другой корзине, в которой была разложена капуста. Она брала в руку великолепнейшие белые кочны, сжимала их так, что они трескали, потом опять в беспорядке бросала их в корзину и говорила при этом:

– Дрянной товар, дрянная капуста!

– Только не раскачивай так гадко головой! – испуганно воскликнул малютка. – Ведь твоя шея тонка, как кочерыжка, она легко может переломиться, и твоя голова упадет в корзину. Кто ж тогда захочет купить?

– Тебе не нравятся тонкие шеи, – со смехом пробормотала старуха. – У тебя совсем не будет шеи! Голова будет торчать в плечах, чтобы не упасть с маленького тельца!

– Не болтайте с маленьким таких ненужных вещей, – сказала наконец жена сапожника, рассерженная долгим перебиранием, рассматриванием и обнюхиванием. – Если хотите купить что-нибудь, то поторопитесь: ведь вы у меня отгоняете всех других покупателей.

– Хорошо, пусть будет по-твоему! – воскликнула стару-

ха с злобным взглядом. — Я куплю у тебя эти шесть кочнов. Но посмотри, я должна опираться на палку и ничего не могу нести. Позволь своему сынку отнести товар ко мне на дом, я дам ему за это хорошую награду.

Малютка не хотел идти с ней и заплакал, боясь безобразной женщины, но мать строго приказала ему идти, считая, конечно, грехом взвалить эту ношу только на старую, слабую женщину. Чуть не плача он сделал, как она приказала, сложил кочны в платок и пошел за старухой по рынку.

Она шла не очень скоро, и понадобилось почти три четверти часа, пока они пришли в самую отдаленную часть города и остановились перед маленьким, ветхим домом. Там она вынула из кармана старый заржавленный крючок, ловко всунула его в маленькую скважину в двери, и вдруг дверь щелкнув сразу отворилась. Но как поразился маленький Якоб, когда вошел! Внутренность дома была великолепно украшена, потолок и стены были из мрамора, мебель — из прекраснейшего черного дерева и выложена золотом и шлифованными камнями, а пол был из стекла и такой гладкий, что малютка несколько раз поскользнулся и упал. Старуха вынула из кармана серебряный свисток и засвистала на нем мелодию, которая звучно раздалась по дому. По лестнице тотчас же сошли несколько морских свинок. Якобу показалось очень странным, что они шли на двух ногах и вместо башмаков имели на лапах ореховые скорлупки. Они были одеты в человеческие одежды, и даже на головах у них были

шляпы по новейшей моде.

– Где мои туфли, негодные твари? – закричала старуха и ударила их палкой, так что они с воем подпрыгнули. – Долго ли мне еще так стоять!

Они быстро запрыгали вверх по лестнице и опять явились с парой скорлуп кокосового ореха, подбитых кожей, которые они ловко надели старухе на ноги.

Теперь у старухи прошла вся хромота и шатание в стороны. Она отбросила палку и стала очень быстро скользить по стеклянному полу, увлекая с собой за руку маленького Якоба. Наконец она остановилась в комнате, уставленной разной мебелью и похожей на кухню, хотя столы из красного дерева и покрытые богатыми коврами диваны подходили скорее к парадной комнате.

– Сядь, сынок, – очень ласково сказала старуха, прижимая Якоба в угол дивана и ставя перед ним стол так, что он уже не мог выйти оттуда, – сядь, тебе было очень тяжело нести. Человеческие головы не так легки, не так легки!

– Сударыня, что за странности вы говорите? – воскликнул малютка. – Я, правда, устал, но ведь то были кочны, которые я нес. Вы их купили у моей матушки.

– Э, ты знаешь это неверно, – захохотала старуха, открыла крышку корзины и вынула человеческую голову, схватив ее за волосы.

Малютка был вне себя от ужаса, он не мог понять, как все это произошло, и подумал о своей матери. Если кто узнает

что-нибудь об этих человеческих головах, подумал он про себя, то, наверно, мою матушку обвинят за это.

– Теперь надо дать и тебе что-нибудь в награду, за то что ты так послушен, – пробормотала старуха, – потерпи только минуточку, я накрошу тебе супцу, который ты будешь помнить всю жизнь.

Так она сказала и опять засвистела. Сперва явилось много морских свинок в человеческих одеждах; на них были повязаны кухонные фартуки, а за поясом были половники и большие ножи. За ними прискакало множество белок; на них были широкие турецкие шаровары, и они ходили на задних лапах, а на голове имели зеленые бархатные шапочки. Это были, по-видимому, поварята, потому что они очень проворно взбирались на стены, доставали сверху сковороды и блюда, яйца и масло, травы и муку и несли все это на плиту. А у плиты беспрестанно сновала старуха в своих туфлях из кокосовых скорлуп, и малютка видел, что она очень старается сварить ему что-то хорошее. Вот огонь затрещал сильнее, вот на сковороде задымилось и закипело, и в комнате распространился приятный запах. Старуха забежала назад и вперед, а белки и морские свинки – за ней. Проходя мимо плиты, она каждый раз совала свой длинный нос в горшок. Наконец кушанье закипело и зашипело, из горшка поднялся пар и на огонь полилась пена. Тогда она сняла горшок, налила из него в серебряную чашку и поставила ее перед маленьким Якобом.

— Вот, сынок, вот, — сказала она, — поешь только этого супчика — у тебя будет все, что тебе так понравилось у меня. Ты будешь и искусным поваром, чтобы тебе быть хоть чем-нибудь, но травки... нет, травки ты никогда не найдешь. Почему ее не было в корзине у твоей матери?

Малютка не вполне понял, что она сказала, и тем внимательнее занялся супом, который ему очень понравился. Мать готовила ему много вкусных кушаний, но такого хорошего у него еще ничего не было. От супа шел аромат тонких трав и корений; при этом суп был в одно и то же время сладок, кисловат и очень крепок. Между тем как Якоб еще доедал последние капли прекрасного кушанья, морские свинки закурили аравийский ладан, который понесся по комнате голубоватыми облаками. Эти облака делались все гуще и гуще и спускались вниз. Запах ладана подействовал на малютку усыпительно: он мог сколько угодно кричать, что ему нужно вернуться к матери, — очнувшись он опять погружался в дремоту и наконец действительно заснул на диване старухи.

Ему снились странные сны. Ему представлялось, что старуха снимает с него одежду и вместо нее обертывает его беличьей шкуркой. Теперь он мог прыгать и лазить, как белка; он жил вместе с остальными белками и морскими свинками, которые были очень учтивыми, воспитанными особами, и вместе с ними служил у старухи. Сперва им пользовались только для чистки обуви, то есть он должен был намазывать маслом кокосовые орехи, которые хозяйка носила вместо ту-

фель, натирать их и делать блестящими. Так как в отцовском доме его часто приучали к подобным занятиям, то это дело шло у него на лад. Спустя приблизительно год, снилось ему дальше, его стали употреблять для более тонкой работы: он вместе с еще несколькими белками должен был ловить пылинки и, когда их было достаточно, просеивать их через тончайшее волосяное сито. Дело в том, что хозяйка считала пылинки самым нежным веществом, и так как, не имея уже ни одного зуба, не могла хорошо разжевывать пищу, то велела готовить ей хлеб из пылинок.

Еще через год его перевели в слуги, собиравшие старухе воду для питья. Не подумайте, что она велела вырыть ей для этого бассейн или поставила на дворе кадку, чтобы собирать в нее дождевую воду, – это делалось гораздо хитрее: белки и Якоб должны были черпать ореховыми скорлупками росу с роз, и это было у старухи водой для питья. Так как она пила очень много, то у водоносов была тяжелая работа. Через год его назначили для внутренней службы в доме. У него была обязанность чистить полы, а так как они были из стекла, на котором видно было всякое дыхание, то это была не пустяшная работа. Слуги должны были чистить их щеткой, привязывать к ногам старое сукно и искусно ездить на нем по комнате. На четвертый год его перевели наконец на кухню. Это была почетная должность, которой можно было достигнуть только после долгого испытания. Якоб прослужил в ней начиная с поваренка до первого пирожника и достиг та-

кой необыкновенной ловкости во всем, что касается кухни, что часто должен был удивляться самому себе. Самым трудным вещам, паштетам из двухсот сортов эссенций, супам из зелени, составленным из всех травок на земле, всему он научился, все умел делать скоро и вкусно.

Так на службе у старухи прошло около семи лет, когда однажды, сняв кокосовые башмаки и взяв в руку корзину и костыль, чтобы уйти, она велела ему ощипать курочку, начинить ее травами и к ее возвращению хорошенько поджарить до коричневатого и желтого цвета. Он стал делать это по всем правилам искусства. Свернул курочке шею, обварил ее в горячей воде, ловко ощипал перья, потом соскоблил с нее кожу, так что она стала гладкой и нежной, и вынул из нее внутренности. Затем он стал собирать травы, которыми должен был начинить курочку. В кладовой для трав он на этот раз заметил в стене шкафчик, дверцы которого были полуоткрыты и которого прежде он никогда не замечал. Он с любопытством подошел ближе, чтобы посмотреть, что он содержит, – и что же, в нем стояло много корзиночек, от которых шел сильный, приятный аромат! Он открыл одну из этих корзиночек и нашел в ней травку совсем особенного вида и цвета. Стебель и листья были сине-зелеными и имели наверху маленький цветок огненно-красного цвета с желтой каемкой. Якоб в раздумье стал рассматривать этот цветок и понюхал его. Цветок издавал тот же самый крепкий запах, которым некогда пахнул суп, сваренный ему старухой. Но

запах был так силен, что Якоб стал чихать, должен был чихать все сильнее и чихая наконец проснулся.

Он лежал на диване старухи и с удивлением смотрел вокруг. «Нет, но как живо можно видеть во сне! — сказал он сам себе. — Ведь теперь я готов бы поклясться, что был презренной белкой, товарищем морских свинок и другой гадости, но при этом стал великим поваром. Как будет смеяться матушка, когда я все расскажу ей! Однако не будет ли она также бранить, что я засыпаю в чужом доме, вместо того чтобы помогать ей на рынке?» С этими мыслями он вскочил, чтобы уйти. Его тело было еще совсем онемевшим от сна, особенно затылок, потому что он не мог хорошо поворачивать голову. Он должен был даже посмеяться над собой, что он такой сонный, потому что, прежде чем осмотрелся, он ежеминутно натыкался носом на шкаф или на стену или ударялся им о косяк двери, если быстро оборачивался. Белки и морские свинки с визгом бегали вокруг него, как будто хотели проводить его; он и действительно пригласил их с собой, когда был на пороге, потому что это были хорошенькие зверьки, но они, в своих ореховых скорлупках, быстро вернулись в дом, и он только вдали слышал их вой.

Та часть города, куда его завела старуха, была довольно отдаленной, и он едва смог выбраться из узких переулков. При этом там была большая давка, потому что, как ему показалось, должно быть, как раз вблизи показывали карлика. Он везде слышал восклицания: «Эй, посмотрите на уродли-

вого карлика! Откуда явился этот карлик? Эй, что за длинный нос у него, как у него торчит из плеч голова! А руки, бурые, безобразные руки!» В другое время он, пожалуй, тоже побежал бы, потому что очень любил смотреть великанов, карликов или редкие иноземные одежды, но теперь он должен был торопиться прийти к матери.

Когда он пришел на рынок, ему сделалось совсем жутко. Мать еще сидела там и имела в корзине довольно много плодов; следовательно, он не мог долго проспать. Но ему уже издали показалось, что она очень печальна, потому что она не зазывала прохожих купить у нее, а подпирала голову рукой, и когда он подошел ближе, ему показалось также, что она бледнее обыкновенного. Он был в нерешимости, что ему делать; наконец собрался с духом, подкрался к ней сзади, ласково положил свою ладонь на ее руку и сказал:

– Мамочка, что с тобой? Ты сердишься на меня?

Женщина обернулась к нему, но с криком ужаса отшатнулась.

– Что тебе надо от меня, мерзкий карлик? – воскликнула она. – Прочь, прочь! Я терпеть не могу подобных шуток!

– Матушка, что же это с тобой? – спросил совсем испуганный Якоб. – Тебе, верно, неможется; почему же ты гонишь от себя своего сына?

– Я тебе уже сказала, убирайся прочь! – сердито возразила Ханна. – У меня ты ни гроша не получишь за свое ломанье, мерзкий урод!

«Право, Бог отнял у нее свет разума! – сказал сам себе огорченный малютка, – Что только мне сделать, чтобы привести ее в себя?»

– Милая матушка, будь же благоразумна. Посмотри только на меня хорошенько – ведь я твой сын, твой Якоб!

– Нет, теперь эта шутка становится слишком наглой! – крикнула Ханна своей соседке. – Посмотрите только на этого уродливого карлика! Вот он стоит, наверно отгоняет у меня всех покупателей и смеет издеваться над моим несчастьем. Он говорит мне: «ведь я твой сын, твой Якоб», нахал!

Тогда соседки поднялись и стали так сильно ругаться, как только могли, а это торговки, вы хорошо знаете, умеют.

Они ругали его, что он насмехается над несчастьем бедной Ханны, у которой семь лет тому назад украли ее красивого мальчика, и грозили все вместе накинуться на него и исцарапать его, если он тотчас не уйдет.

Бедный Якоб не знал, что ему думать о всем этом. Ведь сегодня утром, как ему казалось, он по обыкновению пошел с матерью на рынок, помог ей разложить плоды, потом пришел со старухой в ее дом, поел супа, немного соснул и теперь опять здесь; а однако матушка и соседки говорили о семи годах! И они называли его гадким карликом! Что же теперь произошло с ним?

Когда он увидел, что мать совсем уж не хочет слышать о нем, на глазах у него выступили слезы и он печально пошел вниз по улице к лавке, где его отец целый день чинил баш-

маки. «Посмотрю, – думал он про себя, – так же ли он не узнает меня; я стану у двери и заговорю с ним». Подойдя к лавке сапожника он стал у двери и заглянул в лавку. Мастер был так усердно занят своей работой, что совсем не видал его, но случайно бросив один раз взгляд на дверь, он уронил на землю башмаки, дратву и шило и с ужасом воскликнул:

– Боже мой, что это, что это!

– Добрый вечер, мастер! – сказал малютка, совсем входя в лавку. – Как ваши дела?

– Плохо, плохо, маленький барин! – отвечал отец, к большому изумлению Якоба; ведь, по-видимому, он его тоже не узнал. – Дело у меня не клеится. Хотя я один и теперь становлюсь стар, а все-таки подмастерье для меня слишком дорог.

– А разве у вас нет сына, который мог бы мало-помалу помогать вам в работе? – продолжал спрашивать малютка.

– У меня был сын, его звали Якобом, и теперь он должен бы быть стройным, ловким двадцатилетним молодцом, который славно помогал бы мне. Ах, вот была бы жизнь! Уже когда ему было двенадцать лет, он показывал себя таким способным и ловким и уже многое понимал в ремесле, был также красив и мил; он привлекал бы ко мне заказчиков, так что я скоро уже не занимался бы починкой, а поставлял бы только новое! Но так всегда бывает на свете!

– А где же ваш сын? – дрожащим голосом спросил Якоб у своего отца.

– Это знает только Бог, – отвечал он. – Семь лет тому назад, да, теперь это уже так давно, его с рынка украли у нас.

– Семь лет тому назад? – с ужасом воскликнул Якоб.

– Да, маленький барин, семь лет тому назад! Я еще как сегодня помню, как моя жена пришла домой с воем и криком, что ребенок целый день не возвращался, что она везде спрашивала, искала и не нашла его. Я всегда думал и говорил, что это так и случится. Якоб, надо сказать, был красивым ребенком. Так вот моя жена гордилась им, любила видеть, когда люди хвалили его, и часто посылала его в богатые дома с овощами и тому подобным. Это было, положим, хорошо: его каждый раз щедро одаривали, но, говорил я, смотри – город велик, много дурных людей живет в нем, смотри у меня за Якобом! И случилось так, как я говорил. Однажды на рынок приходит старая, безобразная женщина, покупает плоды и овощи и наконец покупает столько, что сама не может унести. Моя жена, как сострадательная душа, дает ей с собой мальчика и – до сих пор его уж не видала.

– И этому теперь семь лет, вы говорите?

– Семь лет будет весной. Мы объявляли о нем, мы ходили из дома в дом и спрашивали. Многие знали красивого мальчика, любили его и теперь искали вместе с нами – все напрасно. Никто не знал даже имени женщины, которая покупала овощи, а одна старуха, прожившая уже девяносто лет, сказала, что это была, вероятно, злая фея Травница, которая раз в пятьдесят лет приходит в город закупать себе всякие

травы.

Так говорил отец Якоба и при этом сильно стучал по своим башмакам и обоими кулаками далеко вытягивал дратву. А малютке мало-помалу стало ясно то, что произошло с ним: он видел не сон, а семь лет прослужил белкой у злой феи. Его сердце так наполнилось гневом и скорбью, что чуть не разрывалось. Старуха похитила у него семь лет его молодости, а что у него было взамен этого? Разве что он умел хорошо чистить туфли из кокосовых орехов, умел убирать комнату со стеклянными полами? Научился от морских свинок всем тайнам кухни?

Так он простоял несколько времени, размышляя о своей судьбе, когда наконец отец спросил его:

– Может быть, вам угодно что-нибудь из моей работы, молодой барин? Например, пару новых туфель или, – прибавил он улыбаясь, – может быть, футляр для вашего носа?

– Что вам до моего носа? – сказал Якоб. – Зачем же мне нужен для него футляр?

– Ну, – возразил сапожник, – у всякого свой вкус, но должен сказать вам, что если бы у меня был этот ужасный нос, я заказал бы себе для него футляр из розовой, лаковой кожи. Смотрите, вот у меня под рукой прекрасный кусочек; конечно, для этого потребовалось бы по крайней мере локоть. Но как хорошо он предохранял бы вас, маленький барин! Я вполне уверен, что так вы натываетесь на каждый косяк, на каждую повозку, от которой хотите посторониться.

Малютка стоял, онемев от ужаса. Он стал ощупывать свой нос: нос был толст и длинной, вероятно, в две ладони! Таким образом, старуха изменила и его наружность, — поэтому-то мать и не узнала его, поэтому его и называли безобразным карликом!

— Мастер! — сказал он сапожнику чуть не плача. — Нет ли у вас под рукой зеркала, в которое я мог бы посмотреть на себя?

— Молодой барин, — серьезно отвечал отец, — вы получили совсем не такую наружность, которая могла бы сделать вас тщеславным, и у вас нет причины ежеминутно глядеть в зеркало. Отвыкайте от этого, это, особенно у вас, — смешная привычка.

— Ах, так дайте мне все-таки посмотреть в зеркало, — воскликнул малютка, — уверяю, это не из тщеславия!

— Оставьте меня в покое, у меня нет зеркала! У моей жены есть зеркальце, но я не знаю, где она его спрятала. А если вам непременно нужно посмотреть в зеркало, то через улицу живет цирюльник Урбан, у него есть зеркало вдвое больше вашей головы. Посмотрите там в него, а пока прощайте!

С этими словами отец тихонько выпроводил его из лавки, запер за ним дверь и опять сел за работу.

А малютка, очень огорченный, пошел через улицу к цирюльнику Урбану, которого хорошо знал еще по прежнему времени.

— Здравствуйте, Урбан! — сказал он ему. — Я пришел про-

ситъ вас об одном одолженіи. Будьте так добры и позвольте мнѣ немного посмотреть въ ваше зеркало.

— С удовольствіемъ, вон оно стоитъ! — со смехомъ воскликнулъ цирюльникъ, а его посетители, которымъ онъ долженъ былъ брить бороды, тоже громко засмеялись. — Вы красивый малый, стройный и тонкій, шейка какъ у лебедя, ручки какъ у королевы, и вздернутый носикъ, красивее котораго нельзя видѣть. Правда, поэтому вы немного тщеславны, но все-таки посмотрите на себя; пусть обо мнѣ не говорятъ, что я изъ зависти не далъ вамъ смотрѣть въ мое зеркало.

Такъ сказалъ цирюльникъ, и цирюльню огласилъ смехъ, похожій на ржаніе. А малютка между тѣмъ всталъ передъ зеркаломъ и посмотрѣлъ на себя. На глазахъ у него выступили слезы.

«Да, такимъ ты, конечно, не могла узнать своего Якова, милая матушка, — сказалъ онъ самъ себѣ. — Онъ имѣлъ не такой видъ въ те счастливые дни, когда ты любила гордиться имъ передъ людьми!»

Его глаза сделались маленькими, какъ у свиньи, носъ сталъ огромнымъ и свешивался ниже рта и подбородка, шея была какъ будто совершенно отнята, потому что голова сидѣла глубоко въ плечахъ, и только съ очень сильной болью онъ могъ поворачивать ее направо и налево. Его тѣло было еще такимъ же, какъ семь лѣтъ тому назадъ, когда ему было двенадцать лѣтъ, но тогда какъ другіе съ двенадцатаго до двадцатаго года растутъ въ вышину, онъ росъ въ ширину, спина и грудь сильно выгнулись и имѣли видъ маленькаго, но очень туго набитаго мешка.

Это толстое туловище сидело на маленьких, слабых ножках, которые, казалось, выросли не для этой тяжести. Зато тем больше были руки, висевшие на его туловище. Они были величиной, как у вполне взрослого человека, кисти рук были грубы и буро-желтого цвета, пальцы длинные и паукообразны, и когда он совершенно вытягивал их, то мог не нагибаясь доставать ими до земли.

Такой вид имел маленький Якоб – он превратился в уродливого карлика!

Теперь он вспомнил и то утро, когда старуха подошла к корзинам его матери. Все, что он тогда ругал в ней, длинный нос, безобразные пальцы, все она приворожила ему, кроме только длинной дрожащей шеи.

– Ну, принц, теперь вы вдоволь нагляделись? – сказал цирюльник, подходя к нему и со смехом осматривая его. – Право, если бы захотелось увидеть во сне что-нибудь подобное, такого смешного никому не могло бы представиться. Однако я хочу сделать вам одно предложение, маленький человек. Хотя мою цирюльню хорошо посещают, но все же с недавнего времени не так, как я желаю. Это происходит потому, что мой сосед, цирюльник Шаум, где-то разыскал великана, который у него приманивает в дом посетителей. Ну, быть великаном совсем не штука, а таким человечком, как вы, – да, это уж другое дело! Поступайте ко мне на службу, маленький человек. У вас будет квартира, еда, питье, одежда, у вас будет все. За это вы будете становиться утром у моих дверей и при-

глашать публику заходить, вы будете взбивать мыльную пену, подавать посетителям полотенце, и будьте уверены, что при этом нам обоим будет хорошо! У меня будет больше посетителей, чем у того цирюльника с великаном, и каждый охотно даст вам еще на чай.

Малютка внутренне был возмущен предложением служить для цирюльника приманкой. Но разве он не должен был терпеливо перенести это оскорбление? Поэтому он совершенно спокойно сказал цирюльнику, что для такой службы у него нет времени, и пошел дальше.

Хотя злая старуха изуродовала его наружность, однако она ничего не могла сделать с его рассудком.

Это он хорошо сознавал, ведь он думал и чувствовал уже не так, как семь лет тому назад, нет, ему казалось, что в этот промежуток времени он стал умнее, рассудительнее. Он горевал не о своей утраченной красоте, не об этой уродливой наружности, а только о том, что его, как собаку, гонят от отцовской двери. Поэтому он решил сделать у матери еще одну, последнюю попытку.

Он пошел к ней на рынок и попросил ее спокойно выслушать его. Он напомнил ей о том дне, когда он пошел со старухой, напомнил ей о всех отдельных случаях своего детства, потом рассказал ей, как он семь лет прослужил у феи белой и как она превратила его, потому что тогда он бранил ее. Жена сапожника не знала, что ей думать. Все, что он рассказывал ей о своем детстве, было верно, но когда он стал гово-

ритель о том, что в течение семи лет был белкой, она сказала:
– Это невозможно и фей не существует!

Когда же она взглянула на него, то почувствовала отвращение к уродливому карлику и не поверила, чтобы это мог быть ее сын. Наконец она сочла самым лучшим поговорить об этом с мужем. Поэтому она собрала свои корзины и велела ему идти с ней. Вот они пришли к лавке сапожника.

– Посмотри-ка, – сказала она ему, – вот этот человек уверяет, что он наш пропавший Якоб. Он рассказал мне все: как его семь лет тому назад украли у нас и как его заколдовала фея.

– Как? – с гневом прервал ее сапожник. – Это он рассказывал тебе? Постой, негодяй! Только час тому назад я все рассказал ему, а теперь он идет дурачить тебя этим! Ты заколдован, сынок? Постой же, я тебя опять расколдую!

При этом он взял пучок только что нарезанных им ремней, подскочил к малютке и ударил его по горбатой спине и по длинным рукам, так что малютка закричал от боли и с плачем убежал.

В том городе, как везде, было мало сострадательных душ, которые помогли бы несчастному, имевшему притом что-то смешное в наружности. Поэтому случилось так, что несчастный карлик целый день оставался без пищи и питья и вечером должен был выбрать для ночлега церковную паперть, как ни холодна и жестка она была.

Когда же на другое утро его разбудили первые лучи солн-

ца, он стал серьезно раздумывать о том, как ему влачить свою жизнь, потому что отец и мать прогнали его. Он чувствовал себя слишком гордым, чтобы служить вывеской цирюльника, он не хотел наняться к фокуснику и показывать себя за деньги. Что же он должен был делать? Тогда ему вдруг пришло в голову, что будучи белкой он сделал большие успехи в поварском искусстве. Ему не без основания казалось, что он может надеяться поспорить со многими поварами, и он решил воспользоваться своим искусством.

Поэтому, как только на улицах стало оживленнее и утро вполне наступило, он вошел сперва в церковь и помолился, а затем отправился в путь. Герцог, государь той страны, был известным кутилой и лакомкой, любившим хороший стол и разыскивавшим своих поваров во всех частях света. Малютка отправился к его дворцу. Когда он подошел к наружным воротам, привратники спросили, что ему нужно, и стали насмехаться над ним. Он же спросил главного смотрителя кухни. Они засмеялись и повели его через передние дворы; везде, куда он приходил, слуги останавливались, смотрели ему вслед, громко смеялись и присоединялись, так что мало-помалу вверх по лестнице дворца двигался уже огромный хвост всевозможных слуг. Конюхи побросали свои скребницы, гонцы побежали, как только могли, полотеры забыли выколачивать ковры; все толпились и стремились, была такая давка, как будто у ворот был враг, и крик: «Карлик, карлик! Видели вы карлика?» наполнял воздух.

Вот в дверях показался смотритель дома с сердитым лицом и огромной плетью в руке.

– Ради самого неба, собаки, что вы поднимаете такой шум! Не знаете вы, что государь еще спит?

При этом он взмахнул бичом и довольно грубо опустил его на спины некоторых конюхов и привратников.

– Ах, господин! – воскликнули они. – Разве вы не видите! Вот мы ведем карлика, карлика, какого вы еще не видали!

Увидав малютку, смотритель дворца с трудом удержался от громкого смеха, боясь повредить им своему достоинству. Поэтому он прогнал остальных плетью, отвел малютку в дом и спросил, что ему нужно. Услыхав, что карлик хочет к смотрителю кухни, он возразил:

– Ты ошибаешься, сынок! Ты хочешь ко мне, смотрителю дома. Ты хочешь быть у герцога лейб-карликом, не так ли?

– Нет, господин! – отвечал карлик. – Я искусный повар и опытен в разных редких кушаньях. Отведите меня, пожалуйста, к главному смотрителю кухни; может быть, ему понадобится мое искусство.

– У всякого свое желание, маленький человечек! Впрочем, ты все-таки нерассудительный малый. В кухню! Как у лейб-карлика у тебя не было бы работы, а еды и питья – сколько душе угодно, а еще красивые одежды. Однако посмотрим, едва ли твое поварское искусство ушло так далеко, как нужно главному повару государя, а для поваренка ты слишком хорош.

С этими словами смотритель дворца взял его за руку и повел в комнаты главного смотрителя кухни.

— Милостивый государь! — сказал там карлик и поклонился так низко, что коснулся носом ковра на полу. — Не нужен ли вам искусный повар?

Главный смотритель кухни оглядел его с головы до ног, потом разразился громким смехом и воскликнул:

— Как? Ты повар? Ты думаешь, наши плиты так низки, что ты можешь заглянуть хоть на одну, если встанешь на цыпочки и хорошенько вытянешь голову из плеч? О, милый крошка! Кто послал тебя ко мне, чтобы наняться в повара, тот одурачил тебя!

Так сказал главный смотритель кухни и громко засмеялся, а вместе с ним засмеялся смотритель дворца и все слуги, бывшие в комнате.

Но карлик не смутился.

— Что стоит одно или два яйца, немного сиропа и вина, муки и приправ в доме, где этого вдоволь? — сказал он. — Задайте мне приготовить какое-нибудь лакомое кушанье, принесите, что нужно для него, и оно на ваших глазах быстро будет готово, а вы должны будете сказать: да, он повар по всем правилам искусства!

Такие и подобные речи повел малютка, и странно было смотреть, как сверкали при этом его маленькие глазки, как извивался туда и сюда его длинный нос, а его тонкие паукообразные пальцы вторили его речи.

– Хорошо! – воскликнул смотритель кухни и взял смотрителя дворца под руку. – Хорошо, шутки ради пусть будет так. Пойдемте на кухню!

Они прошли несколько зал и коридоров и наконец пришли на кухню. Это было большое, просторное здание, великолепно устроенное. На двадцати плитах постоянно горел огонь, чистая вода, служившая в то же время для рыбного садка, протекала посреди них. В шкафах из мрамора и драгоценного дерева были расставлены припасы, которые всегда нужно иметь под рукой, а направо и налево было десять зал, и в них было сложено все, что можно найти дорогого и лакомого для гастронома во всех странах Франкистана и даже на Востоке. Разная кухонная прислуга суежилась, стучала и гремела котлами и сковородами, вилками и половниками, но когда в кухню вошел главный смотритель, все они неподвижно остановились, и слышен был только треск огня и журчание ручейка.

– Что приказал государь сегодня к завтраку? – спросил он первого старого повара, приготавливавшего завтраки.

– Господин, он изволил приказать датский суп и красные гамбургские клецки!

– Хорошо, – сказал смотритель кухни дальше. – Ты слышал, что хочет государь кушать? Возьмешься ли ты приготовить эти трудные кушанья? Клецок ты ни в каком случае не сделаешь, это секрет.

– Нет ничего легче этого, – отвечал ко всеобщему изумле-

нию карлик, который белкой часто делал эти кушанья, – Нет ничего легче! Дайте мне для супа таких-то и таких-то трав, тех и этих пряностей, жира дикой свиньи, кореньев и яиц; а для клецок, – сказал он тише, так что это могли слышать только смотритель кухни и повар, приготавливавший завтраки, – для клецок мне нужно мясо четырех сортов, немного вина, утиного сала, имбиря и одной травки, которая называется «радостью для желудка».

– Ба! Клянусь святым Бенедиктом! У какого волшебника ты учился? – с изумлением воскликнул повар. – Он сказал все до последней капли, а о такой травке мы даже и не знали; да, она должна сделать клецки еще вкуснее. О, ты – чудо-повар!

– Этого я и не подумал бы, – сказал главный смотритель кухни, – однако дадим ему сделать пробу. Дайте ему вещи и посуду, которые он просит, и пусть он приготовит завтрак.

Сделали так, как он велел, и все приготовили на плите; но тогда оказалось, что карлик едва мог достать до плиты носом. Поэтому составили несколько стульев, положили на них мраморную доску и пригласили маленького удивительного человека начинать свой фокус. Повара, поварята, слуги и разный народ обступили его большим кругом, смотрели и изумлялись, как у него в руках все шло проворно и ловко, как он приготавливал все так чисто и изящно. Окончив приготовления, он велел поставить оба блюда на огонь и варить до тех пор, пока он не крикнет. Потом он стал считать «раз, два,

три» и так дальше, а как только сосчитал до пятисот, воскликнул: «Стой!» Горшки были сняты, и малютка пригласил смотрителя кухни попробовать.

Главный повар велел поваренку подать ему золотую ложку, ополоснул ее в ручье и передал главному смотрителю кухни; последний с торжественным видом подошел к плите, взял кушанье, попробовал, зажмурил глаза, щелкнул от удовольствия языком и затем сказал:

– Превосходно, клянусь жизнью герцога, превосходно! Не хотите ли вы тоже отведать ложечку, смотритель дворца?

Смотритель дворца поклонился, взял ложку, попробовал и был вне себя от удовольствия и радости.

– Ваше искусство почтенно, любезный приготовитель завтраков, вы опытный повар, но так превосходно вы не могли сделать ни суп, ни гамбургские клецки!

Тогда попробовал и повар, затем почтительно потряс карлику руку и сказал:

– Малыш! Ты мастер своего искусства! Да, травка «радость для желудка» придает всему совсем особенную прелесть.

В эту минуту в кухню пришел камердинер герцога и объявил, что государь спрашивает завтрак. Тогда кушанья были положены на серебряные подносы и посланы герцогу, а главный смотритель кухни взял малютку в свою комнату и стал беседовать с ним. Но едва они пробыли там половину того времени, в которое говорят «Отче наш» (это молитва

франков, господин, и она короче половины молитвы правоверных), как от герцога уже явился посланный и позвал главного смотрителя кухни к государю. Смотритель быстро оделся в свое праздничное платье и последовал за посланным.

Герцог имел очень веселый вид. Он съел все, что было на серебряных подносах, и только что утер себе бороду, как к нему вошел главный смотритель кухни.

– Послушай, смотритель кухни, – сказал герцог, – я до сих пор всегда был очень доволен твоими поварами, но скажи мне – кто сегодня приготавливал мой завтрак! С тех пор как я сижу на троне своих отцов, он никогда не был таким превосходным! Говори, как звать этого повара, чтобы нам послать ему в подарок несколько червонцев.

– Государь! Это удивительная история, – отвечал главный смотритель кухни и подробно рассказал, как сегодня утром к нему привели какого-то карлика, который непременно хотел сделаться поваром, и как все это произошло.

Герцог очень удивился, велел позвать к нему карлика и стал расспрашивать его, кто он и откуда. Бедный Якоб не мог, конечно, сказать, что был заколдован и раньше служил белкой. Однако он не утаил правды, рассказав, что теперь у него нет отца и матери и что стряпать он научился у одной старой женщины. Герцог не стал спрашивать дальше; его забавляла странная наружность нового повара.

– Если останешься у меня, – сказал он, – то я велю ежегодно давать тебе пятьдесят червонцев, праздничное платье

и еще, сверх того, две пары шаровар. А за это ты должен ежедневно сам готовить мой завтрак, должен показывать, как нужно готовить обед, и вообще заведовать моей кухней. Так как каждый в моем дворце получает от меня особое имя, то ты будешь называться Носом и будешь облечен званием помощника смотрителя кухни.

Карлик Нос упал ниц перед могущественным герцогом земли франков, целовал ему ноги и обещал верно служить.

Таким образом, теперь малютка на первое время был пристроен, и он сделал честь своему месту. Ведь можно сказать, что герцог был совсем другим человеком, пока в его доме жил карлик Нос. Прежде он часто изволил бросать в голову поварам блюда или подносы, которые ему подавали; мало того, однажды в гневе он так сильно бросил в лоб самому главному смотрителю кухни жареную телячью ногу, которая была недостаточно мягка, что тот упал и должен был три дня пролежать в постели. Хотя несколькими горстями червонцев герцог исправил сделанное в гневе, но все-таки повар никогда не приходил к нему с кушаньями без страха и трепета. С тех пор как в доме был карлик, все казалось превращенным, как по волшебству. Теперь государь вместо трех раз кушал пять раз в день, чтобы вполне насладиться искусством своего самого маленького слуги, и все-таки никогда не показывал гневного выражения. Нет, он все находил новым, превосходным, был снисходителен и любезен и толстел со дня на день.

Среди обеда он часто приказывал позвать смотрителя кух-

ни и карлика Носа, сажал к себе одного направо, другого налево и своими собственными пальцами совал им в рот несколько кусков превосходных кушаний — милость, которую оба они умели хорошо ценить.

Карлик был чудом города. У главного смотрителя кухни неотступно просили позволения посмотреть, как карлик готовит, и некоторые из знатнейших лиц добились у герцога того, что их слуги могли пользоваться у карлика на кухне уроками, что приносило ему немало денег, так как каждый ежедневно платил полчервонца. А чтобы пользоваться хорошим расположением у остальных поваров и не возбуждать их зависти к себе, Нос предоставлял им деньги, которые господа должны были платить за обучение своих поваров.

Так, в наружном довольстве и почете Нос прожил почти два года, и его огорчала только мысль о родителях. Так он жил, не испытывая ничего замечательного, пока не произошел следующий случай. Карлик Нос был особенно искусен и счастлив в своих покупках. Поэтому всякий раз, когда ему позволяло время, он всегда сам ходил на рынок закупать дичь и овощи. Однажды утром он пошел на гусиный рынок и стал искать тяжелых, жирных гусей, каких любил государь. Осматривая товар, он уже несколько раз прошел взад и вперед. Его фигура, совсем не возбуждая здесь смеха и шуток, внушала уважение. Ведь его, как знаменитого придворного повара герцога, признали, и каждая торговка гусями чувствовала себя счастливой, когда он поворачивал к ней свой

НОС.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.